

С. КАРА-МУРЗА

СТОЛЫПИН

**ОТЕЦ
РУССКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ**

Т Р О П Ы
ПРАКТИЧЕСКОГО РАЗУМА

С.КАРА-МУРЗА

СТОЛЫПИН-

**ОТЕЦ
РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

Москва
АЛГОРИТМ
2002

Кара-Мурза С. Г.

К 21 Столыпин — отец русской революции. (Серия: Тропы практического разума.) — М.: Алгоритм, 2002. — 256 с.

ISBN 5-9265-0046-8

Как утверждает автор, одной из крупных антисоветских акций конца XX века было создание мифа о Столыпине. В перестройку его фигуру раздули не потому, что столыпинская реформа в свое время проводилась успешно. Она провалилась по всем пунктам и прямо привела к революции. Имя Столыпина как губителя сельской общины — основы российского государства на новом витке истории стало символом разрушения Советского Союза и нынешней России.

ISBN 5-9265-0046-8

© Кара-Мурза С. Г., 2002
© ООО «Алгоритм-Книга», 2002

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ: КАК ИЗМЕНЯЛИСЬ ВЗГЛЯДЫ ЛЕНИНА

*Книга «Развитие капитализма в России» —
веха в движении общественной мысли*

Как сказал Плеханов, «нет ни одного исторического факта, которому не предшествовало бы, которого не сопровождало бы и за которым не следовало бы известное состояние сознания». Крушению советского строя, этому тяжелейшему удару по российской цивилизации, предшествовало то состояние сознания, которое Андропов определил четко: «Мы не знаем общества, в котором живем».

Это состояние сопровождает нас и сегодня, что и предопределяет тяжесть положения, в котором мы очутились. Незнание уже превратилось в непонимание. Когда сообщаешь сведения даже о хорошо изученных характерных чертах нашего общества, тебя слушают с недоумением, недоверием, часто со злобой. Это тяжелый случай — «структурно обусловленное непонимание», когда реальные факты не втискиваются в укорененную структуру мышления и просто отвергаются или не замечаются.

В советское время через поголовное образование и средства идеологического воздействия в наше сознание была внедрена жесткая парадигма для восприятия и понимания истории и общественных явлений в России, особенно в предреволюционное и революционное

время. Парадигма — это свод правил, образцов, логических приемов, неприемлемых ошибок. Все то, что формирует наше мышление в отношении определенного класса явлений и проблем.

Огромную роль при построении этой парадигмы сыграл молодой В.И. Ленин и его фундаментальный, во многих отношениях замечательный труд «Развитие капитализма в России» (1899). Недавно исполнилось 100 лет с момента его издания, но вспомнить его надо не ради юбилея. Он поразительно актуален сегодня, и вся история его переосмысления самим Лениным, вплоть до его работ о нэпе, дает нам сильные, прокаленные уроки. Почему же мы от них бежим? Почему предпочитаем копошиться на уровне Солженицына? Потому, что прокаленные уроки трудны, нужна сила и совесть, чтобы их принять.

История труда «Развитие капитализма в России» — драма культуры. Труд написан великим мыслителем и одновременно великим политиком — с большой интеллектуальной силой и со страстью. Это сочетание определило убедительность, мощь и длительность воздействия труда — и в то же время глубокую противоречивость этого воздействия.

По сути, этот труд завершил построение философско-политической парадигмы, в рамки которой была введена общественная мысль первой трети XX века и которая в суженном виде была перенесена в официальную советскую идеологию. Появление парадигмы — революция в мышлении, она всегда дает поначалу большой толчок развитию, приводит к расцвету мысли. Как говорится, даже ошибочная теория лучше, чем никакой. Если есть теория, можно формулировать вопросы и ставить эксперименты (хотя бы мысленные).

Но слишком жесткая теория быстро начинает давить мысль и накладывает шоры — особенно если не появ-

ляется мыслителей такого же ранга, способных поставить под сомнение, а потом опровергнуть утверждения, ставшие догмой. Ленин как политик затвердил построенную им парадигму слишком жестко — в ущерб себе как ученому. И попал в тяжелое положение: жизнь быстро стала опровергать выводы его труда, но созданная Лениным партия стала расти и набирать силу именно на основе теории, идеологии и языка, заданных этим трудом.

В начале века марксизм в России стал больше, чем теорией или даже учением: он стал формой общественного сознания в культурном слое. Поэтому Ленин как политик мог действовать только в рамках «языка марксизма», отступая ради этого даже от Маркса.

И Ленин совершил почти невозможное: в своей мысли и в своей политической стратегии он следовал требованиям реальной жизни, презируя свои вчерашние догмы — но делал это, не перегибая палку в расшатывании мышления своих соратников. Приходя шаг за шагом к пониманию сути крестьянской России, создавая «русский большевизм» и принимая противоречащие марксизму стратегические решения, Ленин сумел выполнить свою политическую задачу, не входя в конфликт с общественным сознанием. Ему постоянно приходилось принижать оригинальность своих тезисов, прикрываться Марксом, пролетариатом и т.п. Он всегда поначалу встречал сопротивление почти всей верхушки партии, но умел убедить товарищей, обращаясь к здравому смыслу. Но и партия сформировалась из тех, кто умел сочетать «верность марксизму» со здравым смыслом, а остальные откалывались — Плеханов, меньшевики, Бунд, троцкисты.

Для собирания России после Февраля 1917 г. оказалось жизненно важно, что Ленин в ходе революции 1905-1907 гг. и столыпинской реформы понял ошибоч-

ность главных выводов труда «Развитие капитализма в России». В чем же драма? В том, что не поняли и не задумались мы — и в результате «не знали общества, в котором живем». Так позволили его погубить и вновь разорвать Россию. Легко было бы оправдаться: виноваты ошибочные выводы Ленина и то, что он явно от них не отказался. Но принять такого оправдания нельзя.

Когда читаешь книгу Ленина, видно, что если бы он не заострил свои выводы, сделал их умеренными, с оговорками, то и выстрадать новое понимание России после 1905 г. у него бы не было острой потребности. Достоевский в своих романах заставляет героев доходить до «последних вопросов», ставя над ними *experimentum crucis* — жестокий, решающий эксперимент («эксперимент распятием»). Так, мне кажется, работала мысль Ленина — так он поступал со своими концепциями. Но рвать на себе рубаху и опровергать свои прежние выводы он позволить себе не мог, он был политик, а не доктор философских наук.

Мы сами виноваты в том, что под убаюкивающие лекции серых профессоров мы отбросили плодотворную противоречивость ленинской мысли. Но нельзя же и сегодня слушать колыбельные песни! Давайте хладнокровно обсудим выводы главной части книги «Развитие капитализма в России» — о капитализме в деревне.

Евроцентризм и народники

Структура мышления, созданная в течение последних ста лет для определенного понимания России, опирается на связный набор понятий и терминов, она логична и проста и, главное, она поддерживается авторитетом Запада. Нельзя сказать, что этот тип мыш-

ления политизирован (хотя в советское время в официальной идеологии была преувеличена и приукрашена роль одного течения — большевиков, а потом КПСС). В принципе, на одном и том же языке в начале века могли говорить и понимать друг друга и либералы-кадеты, и Колчак, и Савинков, и социал-демократы. Это язык евроцентризма, который отвергал существование иных жизнеспособных цивилизаций, кроме Запада. Россия должна пройти тот же путь, что и Запад! В конце XIX века это означало, что и в России должен быть капитализм. Россия сильно отстала, в ней много еще крепостничества и «азиатчины», но сейчас она наверстывает упущенное.

Из этого широкого течения выбивались наследники славянофилов — и консерваторы (из них выделились черносотенцы), и революционеры (народники). Против них встали и либералы, и марксисты. Их идейный разгром молодой Ленин считал в то время одной из главных своих задач. В работе 1897 г. «От какого наследства мы отказываемся» он так определил суть народничества, две его главные черты: «признание капитализма в России упадком, регрессом» и «вера в самобытность России, идеализация крестьянина, общины и т.п.».

В 80-е годы экономисты-народники развили концепцию некапиталистического («неподражательного») пути развития хозяйства России. Один из них, В.П.Воронцов, писал: «Капиталистическое производство есть лишь одна из форм осуществления промышленного прогресса, между тем как мы его приняли чуть не за самую сущность». Это была сложная концепция, соединяющая формационный и цивилизационный подход к изучению истории. Народники прекрасно знали марксизм, многие из них были лично знакомы с Мар-

ксом или находились с ним и Энгельсом в оживленной переписке.

В советское время мы получали сведения о взглядах народников в обедненном и недоброжелательном виде, в основном через критику их Лениным. Сейчас, когда мы шире познакомились с их трудами (особенно трудами «поздних» народников А.В.Чаянова и Н.Д.Кондратьева) и узнали, какое влияние они оказали на мировую общественную мысль, мы обязаны подойти к критике народников взвешенно, учитывать искажающую роль злободневных политических интересов.

Важнейшим понятием в концепции «неподражательного» пути развития было народное производство, представленное прежде всего крестьянским трудовым хозяйством. В конце 70-х годов XIX века в крестьянско-общинное производство на наделных и арендованных у помещиков землях было вовлечено почти 90% земли России, и лишь 10% использовалось в рамках капиталистического производства. Сегодня проект народников иногда называют «общинно-государственным социализмом».

Критики народников сходились между собой в отрицании самобытности цивилизационного пути России и соответствующих особенностей ее хозяйственного строя. Легальный марксист П.Струве утверждал, что капитализм есть «единственно возможная» форма развития для России, и весь ее старый хозяйственный строй, ядром которого было общинное землепользование крестьянами, есть лишь продукт отсталости: «Привить этому строю культуру — значит его разрушить».

Распространенным было и убеждение, что разрушение (разложение) этого строя капитализмом западного типа уже быстро идет в России. Плеханов считал, что оно уже состоялось. М.И.Туган-Барановский (легальный

марксист, а затем кадет) в своей известной книге «Основы политической экономии» признавал, что при крепостном праве «русский социальный строй существенно отличался от западноевропейского», но с ликвидацией крепостного права «самое существенное отличие нашего хозяйственного строя от строя Запада исчезает... И в настоящее время в России господствует тот же хозяйственный строй, что и на Западе».

Сегодня узость этого евроцентристского взгляда поражает¹. Когда подобные вещи говорит Гайдар, в его искренность никто не верит — он выполняет политический заказ. Сводить все различия хозяйственного строя двух цивилизаций к наличию или отсутствию крепостной зависимости у трети крестьян — значит подниматься на такой уровень абстракции, при котором реального экономического смысла теория уже не имеет.

Достаточно сказать, что в России из-за обширности территории и низкой плотности населения транспортные издержки в цене продукта составляли 50%, а, например, транспортные издержки во внешней торговле были в 6 раз выше, чем в США. Как это влияло на цену, рентабельность, зарплату, стоимость кредита и пр.? По сути, один лишь географический фактор заставлял в России принять хозяйственный строй, очень отличный от западного.

Мы уж не говорим о том, что совершенно необходимым условием для возникновения и развития западного капитализма было длительное изъятие огромных

¹ Впрочем, уже в 30-е годы А.Тойнби в своем главном труде «Постижение истории» писал: «Тезис об унификации мира на базе западной экономической системы как закономерном итоге единого и непрерывного процесса развития человеческой истории приводит к грубейшим искажениям фактов и поразительному сужению исторического кругозора».

ресурсов из колоний. Самый дотошный историк нашего века Ф.Бродель, изучавший «структуры повседневности» — детальное описание потоков и использования всех средств жизни, писал: «Капитализм является порождением неравенства в мире; для развития ему необходимо содействие международной экономики... Он вовсе не смог бы развиваться без услужливой помощи чужого труда». По данным Броделя, в середине XVIII в. Англия только из Индии извлекала ежегодно доход в 2 млн. ф.ст., в то время как все инвестиции в Англии оценивались в 6 млн. ф.ст. Таким образом, если учесть доход всех обширных колоний Англии, то выйдет, что за их счет делались и практически все инвестиции, и поддерживался уровень жизни англичан, включая образование, культуру, науку, спорт и т.д. Еще более жесткие оценки значения ресурсов колоний и «третьего мира» дал К.Леви-Стросс, а в последнее время — экономисты ООН.

Никоим образом не мог в России «господствовать тот же хозяйственный строй, что и на Западе». Модель марксистов — как большевиков, так и «легальных», была неадекватна в принципе, не в мелочах, а в самой своей сути. Но эта модель становилась главенствующей в России.

Судьба русской крестьянской общины

Главной задачей труда «Развитие капитализма в России» сам Ленин считал укрепление марксистских взглядов на исторический процесс в России. Эту задачу он выполнил как политик — в существенной мере в ущерб научному анализу. В таком споре не рождается истина, не в этом его и цель. Ленин слишком «затвердил» установки марксизма, не вскрыв рацию-

нальное зерно взглядов народников. В тот момент народники не имели еще за своей спиной ни С.Подолинского с В.Вернадским, ни А.Чаянова, ни современной антропологии, ни даже позднего Маркса. Всего того, что сегодня заставляет нас совершенно по-иному взглянуть на крестьянскую общину и ее связь с экологическими постиндустриальными укладами.

В предисловии к 1-му изданию Ленин специально подчеркнул свою солидарность с главными выводами работы К.Каутского «Аграрный вопрос», которую он получил уже после того, как книга была набрана. Он пишет: «Каутский категорически признает, что о переходе деревенской общины к общинному ведению крупного современного земледелия нечего и думать»¹.

Что крупное предприятие в земледелии несравненно эффективнее («прогрессивнее») мелкого крестьянского, для марксистов было настолько непререкаемой догмой, что об этом и спору не могло быть. Сегодня это утверждение далеко не очевидно, но мы тоже не будем с ним спорить — через сто лет после выхода книги. Главное, что и в рамках этой догмы Ленин ошибался — община показала удивительную способность сочетаться с кооперацией и таким образом развиваться в сторону крупных хозяйств. В 1913 г. в России было более 30 тыс. кооперативов с общим числом членов более 10 млн. человек. Смогла община, хотя и с травмами, восстановиться и в облике колхозов — крупных кооперативных производств.

¹ Здесь Ленин прямо отвечал на тезис народников (Н.Ф.Даниельсона), которые считали, что при национализации крупной промышленности возможно техническое вооружение общины и ее развитие так, «чтобы она была в состоянии сделаться подходящим орудием для организации крупной промышленности и для ее преобразования из капиталистической формы в общественную».

К сожалению, в начале XX века кооперацию в России экономисты (за исключением народников) считали чисто буржуазным укладом и в ее развитии видели как раз признак разложения общины. С.Ю.Витте писал в 1904 г.: «Кооперативные союзы возможны только на почве твердого личного права собственности и развитой гражданственности... Община и кооперативный союз резко отличаются друг от друга по своей экономической и правовой структуре».

Сегодня, после опыта реформы Столыпина и трудов А.Чаянова, показавшего тесную и органичную связь крестьянского двора и кооперации, мы видим дело иначе. В.Т.Рязанов в своей фундаментальной книге «Экономическое развитие России. XIX-XX вв.» (из которой я почерпнул ряд данных для этой книги) дает такую трактовку: «Как представляется, чрезвычайно быстрое распространение кооперативных форм было защитной реакцией общинно организованной деревни на усиление рыночных отношений и развитие капитализма. Так община приспособлялась к новым рыночным условиям хозяйствования».

О кооперативном движении в России надо сказать особо. Подробно его история изложена в статье А.Ю.Давыдова «Свободная кооперация в России (до октября 1917 года)» в журнале «Вопросы истории» (1996, № 1). Кооперативное движение возникло сразу после реформы 1861 г. и вызвало большие симпатии в обществе. В отличие от Англии, оно действовало в основном в деревне. Инициатором его стал Н.В.Верещагин — помещик, отставной морской офицер, брат художника. Он изучал сыроваренное и кооперативное дело в Швейцарии, а в 1865 г. начал учреждать артельные сыроварни в Тверской губернии. Дело пошло хорошо, крестьяне получали большую выгоду, но со временем почти все артели перешли в руки част-

ников («частному предпринимателю выгодно фигурировать в артельной шкуре», — писали газеты). Как говорили, под кооперативным флагом рождалась в России буржуазия — из артелей возникло несколько тысяч частных маслоделен. Как писал будущий меньшевик А.Н.Потресов, «либералы скорбели и сводили неудачу на случайности, на некультурность русского народа. Народники — те больше отмалчивались, неохотно вспоминая о своем былом грехопадении».

Одновременно с артельной кампанией началось создание потребительских обществ и ссудосберегательных товариществ (к началу 1880-х годов их было около тысячи). Эти товарищества имели неограниченную ответственность, отвечали за долги личным имуществом и потому им доверяли и вкладчики, и кредиторы. Особенно выгодными кредитные товарищества оказались средним крестьянам. Они могли получить в год до 50 рублей (это цена двух лошадей или четырех коров) под 5-7% годовых, в то время как сельские ростовщики брали от 50 до 200%. Попытка завладеть этими кооперативами со стороны частных провалилась — они были выгодны именно обществу. С 1895 г. они перешли на «беспаяное начало», получая деньги для создания капитала из Госбанка. В ходе революции 1905 г. Государственный банк открыл таким кооперативам кредит в 20 млн. рублей. Вообще, роль государства в кредитных кооперативах, в отличие от Запада, в России была очень велика (это даже называлось «русской системой»). К 1914 г. из 12 млн. членов кооперативов 9 млн. состояли в кредитных.

Такой кредит был весьма эффективным, он выдавался под 6% годовых в размере 100-200 рублей. В 1910 г. Госбанк списал безнадежных долгов на 194 тыс. рублей, а процентов по ссудам получил более 2,5 млн. руб. В годы столыпинской реформы кредитные това-

рищества стали крупными покупателями земли, с ними так или иначе была связана примерно треть населения России. В 1908 г. на I Всероссийском съезде работников кооперации было решено создать большой банк. В 1911 г. был учрежден Московский народный банк, 90% акций которого приобрели кооперативы. Он координировал деятельность кооперативов, давал им кредиты и гарантировал их займы. Его оборот вырос к 1916 г. до 1,2 млрд. руб. Это, видимо, был крупнейший кооперативный банк в мире.

Вокруг кредитной кооперации стала развиваться и сельскохозяйственная — закупка машин, обработка льна, строительство зернохранилищ и зерноочистительных станций, маслодельных заводов. Первая неудача артельного дела при развитой кооперации уже не могла повториться. После первой революции отношение правительства к самой массовой, потребительской, кооперации изменилось. 85% таких обществ работало в деревне, и в них было сильно влияние социалистов. МВД подозревало эти кооперативы в революционной деятельности, запрещались собрания их членов. В 1915 г. созданный потребительными обществами Центральный кооперативный комитет и его 100 провинциальных отделений были запрещены. Главное, кооперация в России стала огромной системой самоорганизации, которая вовлекла в себя десятки миллионов человек. И Ленин признал, незадолго до смерти: «Социализм — это строй цивилизованных кооператоров».

Но вернемся назад, к крестьянской общине. Самым дальновидным из марксистов в отношении общины оказался сам Маркс — мы и сегодня в этом вопросе до него не доросли. Он увидел именно в сельской общине зерно и двигатель социализма, возможность перейти к

крупному земледелию и в то же время избежать мучительного пути через капитализм. Он писал в 1881 г.:

«Россия — единственная европейская страна, в которой «земледельческая община» сохранилась в национальном масштабе до наших дней. Она не является, подобно Ост-Индии, добычей чужеземного завоевателя. В то же время она не живет изолированно от современного мира. С одной стороны, общая земельная собственность дает ей возможность непосредственно и постепенно превращать парцеллярное и индивидуалистическое земледелие в земледелие коллективное, и русские крестьяне уже осуществляют его на лугах, не подвергшихся разделу. Физическая конфигурация русской почвы благоприятствует применению машин в широком масштабе. Привычка крестьянина к артельным отношениям облегчает ему переход от парцеллярного хозяйства к хозяйству кооперативному... С другой стороны, одновременное существование западного производства, господствующего на мировом рынке, позволяет России ввести в общину все положительные достижения, добытые капиталистическим строем, не проходя сквозь его кавдинские ущелья».

Как заметил современный исследователь крестьянства Т.Шанин в книге «Революция: момент истины», «Маркс в меньшей степени, чем Ленин, был озабочен тем, чтобы оставаться марксистом. В 1881 г. это привело его более прямым путем к выводам, к которым Ленин пришел только в 1920-х годах». Впрочем, эти взгляды о русской крестьянской общине настолько противоречили ортодоксальному марксизму, что и сам Маркс не решился их обнародовать — они остались в трех (!) вариантах его письма В.Засулич, и ни один из этих вариантов он так ей и не послал. Позже, в 1893 г., Энгельс в письме народнику Даниельсону (переводчику первого тома «Капитала») пошел на попятный, сделав

оговорку, что «инициатива подобного преобразования русской общины может исходить не от нее самой, а исключительно от промышленного пролетариата Запада». Таким образом, после некоторых колебаний Маркс и Энгельс уступили марксизму.

В своем труде Ленин дал в основном одномерную, сведенную к производственно-экономическим отношениям модель общины (всю «лирику» народников он просто высмеивал). Но революция 1905-1907 гг. и последующая реформа Столыпина показали неадекватность как раз ленинской модели. Из нее вытекало, что эта реформа, силой государства подавляющая «азиатчину», должна была бы моментально рассыпать общину, освободив место более эффективным формам. Все оказалось иначе.

По данным Вольного экономического общества, за 1907-1915 гг. из общины вышли 2 млн. семей. По данным МВД Российской империи, 1,99 млн. Более половины из этого числа вышли за два года — 1908 и 1909, потом дело пошло на спад, вопреки сильному экономическому и административному давлению. То есть, всего из общины вышло около 10% крестьянских семей России. Возникло около 1 млн. хуторов и отрубков. Немного. Причем 57% всех вышедших из общины пришлось на 14 губерний Юга, Юго-Востока и Северо-Запада. Иными словами, на все губернии с русским населением пришлось лишь 43% тех, кто покинул общину. Это данные из статьи 1916 г., в которой приведены итоги землеустройства по всем районам России (Н.Рожков. Аграрный вопрос и землеустройство. — Современный мир, 1916, № 3).

Другая мерка реформы — переток земли. В целом после реформы 1861 г. на рынке земли стали господствовать трудовые крестьянские хозяйства, а не фермеры. Если принять площади, полученные частными

землевладельцами в 1861 г. за 100%, то к 1877 г. у них осталось 87%, к 1887 г. 76%, к 1897 г. 65%, к 1905 г. 52% и к 1916 г. 41%, из которых 2/3 использовалось крестьянами через аренду. То есть за время «развития капитализма» к крестьянам перетекло 86% частных земель. А.Чаянов дает к этому такой комментарий: «Наоборот, экономическая история, например, Англии дает нам примеры, когда крупное капиталистическое хозяйство... оказывается способным реализовать исключительные ренты и платить за землю выше трудового хозяйства, разлагая и уничтожая последнее».

Во время реформы Столыпина земля продавалась через Крестьянский поземельный банк. За время его существования по 1913 г. «сельскими обществами» было куплено 3,06 млн. дес. земли, «товариществами» (кооперативами) 10 млн., а частными хозяевами 3,68 млн. Если учесть, что всего в России в 1911-1915 гг. посеваемых площадей было 85 млн. дес., то видно, что распродать в руки частных удалось немного земли. Переворота реформа Столыпина не сделала. На рис. 1 показана динамика покупки земли кооперативами и частниками. Спад покупок частными хозяевами — теми, кто, как предполагалось, должен был бы стать русскими фермерами, показывает, что реформа, по сути, *исчерпала* свой потенциал. Было скуплено именно столько земли, сколько могло быть освоено в производстве с получением *капиталистической ренты* — прямо или через аренду. Остальная земля оставалась в общинном крестьянском землепользовании, ибо только так она и могла быть эффективно использована. Идеологические доктрины тут ни при чем.

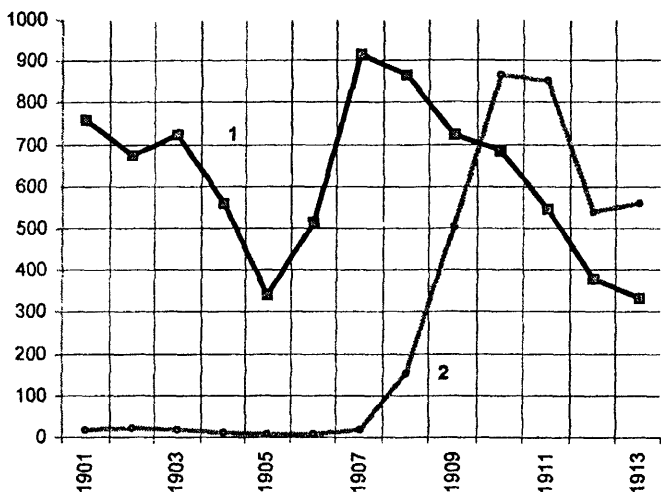

Рис. 1

Замысел, на котором стояла программа Столыпина, был известен давно — это европейский путь развития капитализма в деревне. Замечательный ученый-химик и агроном А.Н.Энгельгардт, который работал в деревне и оставил подробнейшее фундаментальное исследование («Письма из деревни»), задумался об этом уже в первые годы своей жизни в деревне (с. Батищево Смоленской губернии). Он рассказывает: «Один немец — настоящий немец из Мекленбурга — управитель соседнего имения, говорил мне как-то: «У вас в России совсем хозяйничать нельзя, потому что у вас нет *порядка*, у вас каждый мужик сам хозяйничает — как же тут хозяйничать барину. Хозяйничать в России будет возможно только тогда, когда крестьяне выкупят земли и поделят их, потому что тогда богатые скупают земли, а бедные будут безземельными батраками. Тогда у вас

будет порядок и можно будет хозяйничать, а до тех пор нет». Вот это как раз в России и не удавалось.

Да и не только в России это не удавалось. Сегодня мы имеем исследованный многими школами опыт множества крестьянских стран «третьего мира». Она показывает, что образ жизни крестьянина (общинного или кооперированного) предоставляет человеку такие блага, которых не компенсирует более высокий денежный доход батрака. Еще более важен тот факт, что модернизация через превращение крестьян в фермеров неизбежно выбрасывает из общества большое число крестьян. Такая модернизация, даже если она считается успешной с точки зрения монетаризма, разрушительна для общества и тем более для народа.

Сегодня в России демократы много говорят о «замечательном успехе» Пиночета. Тут как раз полезно вспомнить о крестьянах, а то наша пресса все о банках да о среднем классе. Вот данные Экономической комиссии ООН по Латинской Америке, которые приводит историк З.И.Соколова на международном семинаре в 1994 г.: «После прихода к власти Пиночета были расформированы кооперативы, которые вызывали негодование политиков своей неэффективностью и в которых было занято примерно 450 тыс. крестьян. Порядка 50 тыс. крестьянских хозяйств, можно сказать, «состоялись» на участках, полученных от разрушения кооперативов. 400 тыс. крестьян оказались пауперами. Их расселили вдоль дорог. Иногда в распоряжении семьи паупера лишь 100 кв. м земли. А ведь, считая с семьями, это девятая часть населения страны, выпавшая из экономически активного населения, поскольку они даже не маргиналы, а именно пауперы. И это явление настолько универсально для стран, пошедших по пути разрушения кооперативов, что чилийские экономисты даже оперируют термином «пауперизирующее окресть-

янивание» Произошло сращивание финансового капитала и аграрного — и не в пользу Латинской Америки и его крестьянства. Крестьянин часто соглашается на специализацию по программе ТНК за право посеять небольшой огород. И вот эта готовность отдавать наиболее трудоемкую часть своей продукции за свое право на огород, за сохранение себя как крестьянина — это наиболее характерная сегодня в Латинской Америке ситуация».

Если считать крестьян, составлявших в начала XX века 85% населения России, разумно мыслящими людьми, то надо признать как факт: раз они сопротивлялись реформе Столыпина, значит, «развитие капитализма в России» противоречило их фундаментальным интересам. Примечательно, что Столыпина не поддерживали даже те крестьяне, которые выделились на хутора и отруба (одно дело личная выгода, другое — поддержка смены всего уклада деревни).

При этом всем было очевидно, что вести хозяйство на крупных участках выгоднее: трудозатраты на десятину составляли в хозяйствах до 5 дес. 22,5 дней, а в хозяйствах свыше 25 дес. — 6,1 день. Значит, переход к капиталистическим фермам нес крестьянам такие потери, которые перекрывали эту огромную выгоду. Этого не видел в 1899 г. Ленин, зажатый в рамки политекономии западного капитализма. Маркс верно сказал, что крестьянин — «непонятный иероглиф для цивилизованного ума».

Исходя из политекономии, Ленин был уверен, что освобождение крестьян от оков общины — благо для них, и так определял в книге позицию социал-демократов: «Мы стоим за отмену всех стеснений права крестьян на свободное распоряжение землей, на отказ от надела, на выход из общины. Судьей того, выгоднее ли быть батраком с наделом или батраком без

надела, может быть только сам крестьянин. Поэтому подобные стеснения ни в каком случае и ничем не могут быть оправданы»¹.

Строго говоря, это — типично либеральный взгляд. Он сводится к простой мысли: быть свободным индивидом лучше, чем входить в солидарный человеческий коллектив. Община и свободный индивидуум вообще-то исходят из разных мироощущений и разных идеалов, о которых бесполезно спорить. Но в случае, который разбирал Ленин, и прагматические интересы оправдывают «оковы общины».

Общинное право запрещало продавать и даже закладывать землю — это, конечно, стеснение. Почему же крестьяне его поддерживали? Потому что знали, что в их тяжелой жизни чуть ли не каждый попадет в положение, когда отдать землю за долги или пропить ее будет казаться наилучшим выходом. И потерянное не вернешь. Не вполне распоряжаться своим урожаем, а сдавать в общину часть его для создания неприкосновенного запаса на случай недорода — стеснение. Но в каждой крестьянской семье была жива память о голодном годе, когда этот запас спасал жизнь (хотя бы память о страшном голоде 1891 г.). И это тоталитарное общинное правило, гарантирующее выживание, ценилось крестьянами выше глотка свободы. Как говорили сами крестьяне: «Если нарушить общину, нам и милостыню не у кого попросить будет».

¹ Во втором издании 1908 г. Ленин сделал сноску, чтобы отмежеваться от реформы, которая потребовала массовых порок и казней: «Само собой разумеется, что еще больший вред крестьянской бедноте принесет столыпинское (ноябрь 1906 г.) разрушение общины». Но между этой сноской и текстом имеется явное противоречие — трудно поддерживать разрушение общины («отмену всех стеснений») и в то же время ругать за это Столыпина.

Но эту проблему Ленин вообще исключал из рассмотрения. А ведь она — часть хозяйственного строя. Конечно, после двухсот лет «дикого» капитализма на Западе социал-демократы убедили общество в необходимости сознательной солидарности и организации системы социальных гарантий через государство. Но русские крестьяне рассудили, что они до этого могут и не дожить, да и не получит Россия тех огромных средств из колоний и «третьего мира», на которые создает эти системы западное государство.

Вообще, спор о земледельческой общине можно считать законченным после двух исторических экспериментов: реформы Столыпина и Октябрьской революции 1917 г. Получив землю, крестьяне повсеместно и по своей инициативе восстановили общину. В 1927 г. в РСФСР 91% крестьянских земель находился в общинном землепользовании. Как только история дала русским крестьянам короткую передышку, они определенно выбрали общинный тип жизнеустройства. И если бы не грядущая война и жестокая необходимость в форсированной индустриализации, возможно, более полно сбылся бы проект государственно-общинного социализма народников.

Общая ошибка марксистов, слишком жестко применявших формационный подход, заключалась в том, что они часто ставили знак равенства между докапиталистическими формами и *некапиталистическими*. Если не видеть в общине ее цивилизационное, а не формационное, содержание, то она, естественно, будучи «докапиталистической» формой, в конце XIX века выглядит как пережиток, дикость и отсталость. Если же рассматривать общину как продукт культуры, жестко не связанный с формацией, то в ней виден особый гибкий и насыщенный содержанием уклад, совместимый с самыми разными социально-экономическими базисами.

На основе общинных отношений во многом строилась ускоренная индустриализация Японии, Китая и стран Юго-Восточной Азии. Принципы общины лежат в построении больших кооперативов малых предприятий юга Италии, которые конкурируют с крупными корпорациями даже в области микроэлектроники.

Возможность русской общины встроиться в индустриальную цивилизацию еще до народников предвидели славянофилы. А.С.Хомяков видел в общине именно цивилизационное явление — «уцелевшее гражданское учреждение всей русской истории» и считал, что община крестьянская может и должна развиваться в общину промышленную. О значении общины как учреждения для России он писал: «Отними его, не останется ничего; из его развития может развиваться целый гражданский мир».

Еще более определенно высказывался Д.И.Менделеев, размышляя о выборе для России такого пути индустриализации, при котором она не попала бы в зависимость от Запада: «В общинном и артельном началах, свойственных нашему народу, я вижу зародыши возможности правильного решения в будущем многих из тех задач, которые предстоят на пути при развитии промышленности и должны затруднять те страны, в которых индивидуализму отдано окончательное предпочтение».

Упомяну здесь крайний, но очень важный для нашей темы результат, который десять лет отторгается нашими обществоведами — не верят. Но теперь вдруг его вспомнил либеральный журнал «Вопросы экономики». В одной статье (№ 4, 2000, с. 105) говорится: «После скандально известных исследований рабского труда в южных штатах США... совершенно иной видится взаимосвязь понятий «архаичность» и «эффективность». Ра-

нее *a priori* считалось, что архаичные, унаследованные от предшествующих эпох экономические структуры обязательно менее эффективны, чем новые, рожденные более высокоразвитым общественным строем» и т.д. Надо сказать, что автор этих «скандально известных исследований» получил в 1993 г. Нобелевскую премию по экономике.

Речь о том, что негры-рабы в США, которые фактически были на оброке (плантаторы не вмешивались в организацию их быта и труда), были поразительно эффективнее белых фермеров. Во время уборки хлопка рабов не хватало, и обычно на сезон нанимали белых рабочих. У них в среднем выработка была вдвое ниже, чем у негров-рабов (кстати, раб при этом получал и зарплату вдвое более высокую, чем свободный белый работник). Как пишут авторы исследования, белые протестанты были неспособны освоить сложную организацию коллективного труда, которая была у африканцев. В целом же душевая выработка негра была на 40% выше, чем у фермера¹.

Наконец, главный для нас опыт истории: русские крестьяне, вытесненные в город в ходе коллективизации, восстановили общину на стройке и на заводе в виде «трудового коллектива». Именно этот уникальный

¹ А вот факт, который с еще большим трудом укладывается в наши устоявшиеся представления, — высокая эффективность артелей негров-рабов, которых рабовладельцы в США иногда отпускали «на оброк» в промышленность. Африканцы с их навыками общинной организации создавали бригады со сложным коллективным распределением обязанностей, и эти бригады работали продуктивнее, чем белые рабочие-протестанты. Большого размаха эта форма не получила лишь потому, что на плантациях эти артели давали еще больший доход хозяину (здесь выработка негров была в среднем вдвое выше, чем у белых рабочих, — и, кстати, раб при этом получал и зарплату вдвое более высокую).

уклад со многими крестьянскими атрибутами (включая штурмовщину) во многом определил «русское чудо» — необъяснимо эффективную форсированную индустриализацию СССР. Но это — особая тема.

Сравнение капиталистического и крестьянского земледелия

В предисловии к книге «Развитие капитализма в России» Ленин выражает особую солидарность с Каутским в «признании прогрессивности капиталистических отношений в земледелии сравнительно с докапиталистическими». Для нас этот тезис важен и актуален сегодня, поскольку в СССР он с 70-х годов стал повторяться в несколько расширенной форме: «капитализм в земледелии прогрессивнее *некапитализма*». Имелся в виду уже советский строй.

Сегодня в России ложность расширенного тезиса очевидна: на той же земле, с той же технологией и с теми же людьми попытка заменить советские производственные отношения капиталистическими привела к спаду производства в два раза с глубокой деградацией хозяйства. В самом конце XIX века такого прямого и моментального сравнения не было. Не было и прямого доказательства тезиса Каутского применительно к России.

Каковы же методологические приемы обоснования этого тезиса у Ленина? Главных приемов — два: первый — отсылка к авторитету Маркса, который представлен в работе как абсолютно непререкаемый. Второй довод — статистика концентрации средств и уровень производства зажиточных крестьян по сравнению с бедными.

На мой взгляд, оба довода не дают оснований для того вывода, который делает Ленин. В этот вывод

большинство социал-демократов просто поверили — под воздействием не зависящих от книги факторов. Пострадали не они, а последующие поколения, которые продолжали верить в вывод Ленина. В общественном сознании остался укорененным большой идеологический миф.

Первый довод («от Маркса») несостоятелен потому, что даже если бы Маркс в принципе был прав, то говорил он исключительно о Западе, и никаких оснований переносить его выводы на иные почвенно-климатические и культурные системы не было. Условием для использования этого довода Лениным было предварительное признание, что Россия ничем существенно не отличается от Запада, а это чисто идеологическое утверждение, предмет веры, а не знания.

Но и в приложении к Западу тезис Маркса нельзя принять, если отвлечься от критериев монетаризма и считать, например, что прогрессивнее то земледелие, при котором население лучше питается. Сейчас мы знаем (из трудов школы Ф.Броделя), что возникновение капитализма в Европе привело к резкому ухудшению питания — вплоть до момента, когда хлынул поток денег из колоний, мяса и пшеницы из Америки. В Германии в конце Средневековья потребление мяса составляло 100 кг на душу населения, а в начале XIX века — менее 20 кг. Я уж не говорю о колониях, где «прогрессивные» европейские фермеры разрушали местную культуру земледелия. Индия до англичан не ведала голода. Ацтеки в XV веке питались лучше, чем средний мексиканец сегодня. Именно из-за разрушения местных систем земледелия европейцами происходило вымирание туземцев. В чем же прогресс?

Сам Маркс признает, что внедрение капитализма в земледелие других цивилизаций приводит к самым плачевным результатам. В I томе «Капитала» мы читаем:

«Если внешняя торговля, навязанная Европой Японии, вызовет в этой последней превращение натуральной ренты в денежную, то образцовой земледельческой культуре Японии придет конец». Нельзя высказаться определеннее: некапиталистическое сельское хозяйство Японии признано образцовой культурой, а внедрение в нее капитализма, по мнению Маркса, ее угробит. Эти предупреждения Маркса Ленин в своей книге не приводит и не обсуждает.

В последнее время (особенно в связи с Конференцией ООН «Рио-92») вышло несколько важных трудов, показывающих, что крестьянское земледелие принципиально более продуктивно и экономно, нежели капиталистическая ферма. Причина — в накопленной веками экологической интуиции крестьянина, которая утрачена у фермера, «предпринимателя на земле».

Еще раньше, до современных экологов, то же самое утверждали антропологи, изучавшие «докапиталистические» формы культуры. К.Лоренц писал: «...неспособность испытывать уважение — опасная болезнь нашей цивилизации. Научное мышление, не основанное на достаточно широких познаниях, своего рода половинчатая научная подготовка, ведет к потере уважения к наследуемым традициям. Всезнающему педанту кажется невероятным, что в перспективе возделывание земли так, как это делал крестьянин с незапамятных времен, лучше и рациональнее американских агрономических систем, технически совершенных и предназначенных для интенсивной эксплуатации, которые во многих случаях вызвали опустынивание земель в течение всего двух-трех поколений».

Конечно, средняя продуктивность земледелия была в России низкой. Говоря о причинах этого, следовало бы перечислить и «взвесить» все существенные факторы. Ленин же построил предельно абстрактную модель

с одним фактором: «капиталистическое хозяйство — крестьянское хозяйство». Между тем, согласно данным середины 70-х годов XIX в., средний доход крестьян с десятины в европейской части России составлял 163 коп., а все платежи и налоги с этой десятины — 164,1 коп. Тяжелейшей нагрузкой были выкупные платежи крестьян за свою же общинную землю. В 1902 г. они составили 90 млн. рублей — более трети тех денег, что крестьянство получало от экспорта хлеба¹.

Этот фактор «удушения монетаризмом» был вполне достаточным, чтобы подавить всякий прогресс. Смог бы это выдержать капиталистический фермер? Нет, не смог бы. А крестьянин выдерживал. Не только кормил, хоть и впроголодь, народ, но и оплачивал паразита-помещика, и индустриализацию России, и имперское государство. По мне, так именно это и есть надежный показатель эффективности — в реальных условиях.

Я уж не говорю о еще более «объективном» факторе, который Ленин вообще не упоминает — природном. В среднем по России выход растительной биомассы с 1 гектара более чем в 2 раза ниже, чем в Западной Европе, и почти в 5 раз ниже, чем в США. Сегодня лишь 5% сельскохозяйственных угодий в России имеют биологическую продуктивность на уровне средней по США. Если в Ирландии и Англии скот пасется практически круглый год, то в России период стойлового содержания 180-212 дней. Однолошадный крестьянский двор в среднем мог заготовить только 300 пудов сена и продуктивного скота держать не мог. Внедрение капитализма и рынка заставило увеличить посевы хлеба на экспорт, так что количество скота с начала XX века

¹ Освобождение от выкупных платежей — одно из главных завоеваний крестьянства в революции 1905-1907 гг. Уже в 1906 г. выкупные платежи снизили до 35 млн., а в 1907 г. — до 0,5 млн. рублей. Фактически они были отменены.

стало быстро сокращаться, что в свою очередь привело к снижению плодородия почв. Налицо технологический регресс.

В Письме одиннадцатом А.Н.Энгельгардт много места уделяет сравнению крестьянского и помещичьего (ставшего уже капиталистическим) земледелия. Он пишет «Агрономы «Руси»¹, нахватавшиеся из популярных французских книжек кое-каких поверхностных химических знаний, говорят, что мужик наделен достаточным количеством земли, но только не умеет ею пользоваться рационально, а потому не получает с нее того, что следовало бы. Они указывают, как много получает немецкий мужик с такого же количества земли, они советуют мужику изменить систему хозяйства, вести хозяйство интенсивное, советуют мужику удобрять землю виллевскими искусственными туками. Идеал агрономов «Руси»: мужик, живущий на интенсивно обработанном клочке земли. Мужичок в сером полуфрачке посыпает виллевскими туками свою нивку, баба в соломенной шляпе пасет свою коровку на веревочке по клеверному лужку. Восхитительная картина! Точно в Германии.

Читая статьи славянофильских агрономов, удивляешься только нахальству и бесстыдству этих недоучек. Мужик глуп, мужик не понимает хозяйства, мужик не знает, что скот нужно хорошо кормить, чтобы он был производителен, мужик не умеет убирать сено, ухаживать за скотом, рационально утилизировать молочные продукты. Ест, дурак, сам молоко, творог, топленое масло, вместо того, чтобы готовить из него парижское масло и чеддер для продажи господам. Мужик не знает, что нужно удобрять землю, вести интенсив-

¹ «Русь» — московская славянофильская газета (1880-1886), ее издателем-редактором был И.С.Аксаков.

ное хозяйство. А между тем мы видим, что этот мужик, который не знает, что скот нужно хорошо кормить, в страду, в покос работает по двадцати часов в день, убивается на работе, худеет, чернеет с лица и все для того, чтобы заготовить побольше корму для скота...

Я сел на хозяйство в 1871 году и, смею думать, достаточно подготовленный научно. Теперь, прохозяйничав одиннадцать лет, доведя хозяйство мое, по его производительности, до блестящего состояния, я говорю, что в общем разделяю воззрения мужика на хозяйство. Я считаю, что хозяйственные воззрения мужика, в главных своих основаниях, чрезвычайно рациональны, если смотреть на дело с точки зрения общей, государственной пользы.

Если мы посмотрим на частные хозяйства, ведущие свое дело рационально, достигшие большой доходности, то мы увидим всегда, что эти хозяйства имеют значение только сами для себя и никакого общего значения их системы, приемы и пр. не имеют. Для себя эти хозяйства рациональны, но для общего хозяйства страны они не имеют смысла¹... Точно так же и воззрения мужика на общую систему хозяйства страны, его экстенсивная система хозяйствования разумнее интенсивной системы «Руси» с виллевскими туками... В противоположность агрономам «Руси», которые говорят, что массы земель нужно оставлять пустовать и лишь на кусочках вести интенсивное хозяйство с виллевскими туками, я, на основании многолетней практики, в один голос с мужиком говорю, что мы должны, наоборот,

¹ Далее А.Н.Энгельгардт подробно рассматривает, почему ради увеличения прибыли частное хозяйство идет, например, на ранние покосы, «собирая сливки» с лугов, в то время как крестьянин дожидается максимального прироста травы, что в целом повышает продуктивность хозяйства страны в целом.

вести экстенсивное хозяйство, расширяться по поверхности, распахать пустующие земли. Я утверждаю, что это единственное средство извлечь те богатства, которые теперь лежат втуне, и так как сделать все это может только мужик, так как будущность у нас имеет только общинное мужицкое хозяйство, то все старания должны быть употреблены, чтобы эти пустующие земли пришли к мужику. Этого требует благо страны, благо всех».

В целом среднегодовая урожайность крестьянских полей после реформы 1861 г. стабильно возрастала. В 60-х годах XIX века она составляла 4,4 ц/га, а в 70-х — 4,7 (рост на 7%); в 80-х — 5,1 ц (рост на 8%), в 90-х — 5,9 (рост на 15%), в 1901-1910 — 6,3 ц (рост на 7%), в 1922-1927 — 7,4 ц/га (рост еще на 17%).

Вопреки нашим поверхностным представлениям, крестьянин в России использовал землю гораздо бережнее и рачительнее, нежели частный собственник — потому что для крестьянина земля означала *жизнь*, а для собственника лишь *прибыль*. А по своей важности это разные вещи. А.В.Чаянов пишет: «Очевидно, что для капиталистического хозяйства являются совершенно неосуществимыми мелиорации, дающие прирост ренты ниже обычного капиталистического дохода на требуемый для мелиорации капитал, и столь же очевидно, что все эти соображения неприменимы в отношении мелиораций трудового крестьянского хозяйства уже по одному тому, что оно не знает категории капиталистической ренты... В условиях относительного малоземелья семья, нуждающаяся в расширении объема своей хозяйственной деятельности, будет производить многие мелиорации, невыгодные и недоступные капиталистическому хозяйству, точно так же, как она уплачивает за землю и ее аренду цены, значительно превышающие *капиталистическую ренту* этих земель».

Здесь предлагается политэкономический, соответствующий марксистской методологии критерий — сравнение капиталистической ренты и прибавочного продукта крестьянина на той же земле. Его уже мог использовать, но не использовал Ленин. А.В.Чаянов пишет на основании строгих исследований: «В России в период начиная с освобождения крестьян (1861 г.) и до революции 1917 г. в аграрном секторе существовало рядом с крупным капиталистическим крестьянское семейное хозяйство, что и привело к разрушению первого, ибо малоземельные крестьяне платили за землю больше, чем давала рента капиталистического сельского хозяйства, что неизбежно вело к распродаже крупной земельной собственности крестьянам... Арендные цены, уплачиваемые крестьянами за снимаемую у владельцев пашню, значительно выше той чистой прибыли, которую с этих земель можно получить при капиталистической их эксплуатации».

И это — не аномалия, а общий в России случай. А.В.Чаянов в книге «Теория крестьянского хозяйства» (1923) пишет: «Многочисленные исследования русских аренд и цен на землю установили теоретически выясненный нами случай в огромном количестве районов и с несомненной ясностью показали, что русский крестьянин перенаселенных губерний платил до войны аренду выше всего чистого дохода земледельческого предприятия». Расхождения между доходом от хозяйства и арендной платой у крестьян были очень велики. А.В.Чаянов приводит данные для 1904 г. по Воронежской губернии. В среднем по всей губернии арендная плата за десятину озимого клина составляла 16,8 руб., а чистая доходность одной десятины озимого при экономичном посеве была 5,3 руб. В некоторых уездах разница была еще больше. Так, в Коротоякском уезде средняя арендная плата была 19,4 руб., а чистая до-

ходность десятины 2,7 руб. Разница колоссальна — 16,6 руб. с десятины, в семь (!) раз больше чистого дохода. Таким образом, даже в рамках понятий полит-экономики, то есть используя чисто монетарное измерение, следует признать крестьянское хозяйство в условиях России более эффективным, нежели фермерское капиталистическое.

Это четко выявила как раз реформа Столыпина. Газеты того времени писали, что землю покупают в основном безземельные («несеющие») — «те деревенские богатеи, которые до того времени не вели собственно-го сельского хозяйства и занимались торговлей или мелким ростовщичеством». В 1911 г. газета «Речь» писала: «добрая половина крестьянских посевных земель находится в руках городских кулаков, скупивших по 30 и более наделов». В 1910 г. другая центральная газета писала, что в Ставропольской губ. земля скупалась в больших размерах «торговцами и другими лицами не-крестьянского звания. Сплошь и рядом землеустроитель вынужден отводить участки посторонним лицам в размере 100, 200, 300 и более дес.»¹.

Это не улучшало дела, а лишь усиливало те тенденции, что наблюдались за четверть века до столыпинской реформы. А.Н.Энгельгардт писал в декабре 1881 г. (Письмо одиннадцатое): «Старая помещичья система после «Положения» заменилась кулаческой, но эта система может существовать только временно, прочности не имеет и должна пасть и перейти в какую-нибудь иную, прочную форму. Если бы крестьяне в этой борьбе пали, обезземелились, превратились в кнехтов, то могла бы создаться какая-нибудь прочная форма батрацкого хозяйства, но этого не произошло — падают,

¹ Обширные данные дореволюционной статистики сведены в книге «Экономическое развитие России» (вып. 2). М.-Л. 1928.

напротив, помещичьи хозяйства. С каждым годом все более и более закрывается хозяйство, скот уничтожается, и земли сдаются в краткосрочную аренду, на выпашку, под посевы льна и хлеба. Пало помещичье хозяйство, не явилось и фермерства, а просто-напросто происходит беспутное расхищение — леса вырубаются, земли выпахиваются, каждый выхватывает, что можно, и бежит. Никакие технические улучшения не могут в настоящее время помочь нашему хозяйству. Заводите какие угодно сельскохозяйственные школы, выписывайте какой угодно иностранный скот, какие угодно машины, ничто не поможет, потому что нет фундамента. По крайней мере, я, как хозяин, не вижу никакой возможности поднять наше хозяйство, пока земли не перейдут в руки земледельцев».

Реформа Столыпина была исключительно важна тем, что она послужила для всего русского общества наглядным экспериментом. В результате реформы Столыпина было насильно создано типично капиталистическое землевладение, которое, казалось бы, давало возможность организовать крупные фермы, нанять сельскохозяйственных рабочих и получать предусмотренную марксизмом прибавочную стоимость. Как следует из труда Ленина, так и должно было бы произойти, ибо ферма, по его мнению, — *политэкономически* несравненно более эффективное предприятие, нежели крестьянский двор.

Жизнь показала ошибочность выводов Ленина и его согласия с Каутским: вопреки мощному политическому и экономическому давлению крестьянство не исчезало, а оказывалось жизнеспособнее и эффективнее, чем фермы. В 1913 г. 89% национального дохода, произведенного в сельском хозяйстве европейской части России, приходилось на крестьянские хозяйства — в 10 раз больше, чем на капиталистические (по другим

оценкам, для России в целом накануне Первой мировой войны доля крестьян по стоимости продукта в земледелии и животноводстве составила 92,6%). Значит, насаждавшиеся правительством фермы были менее эффективны. Поэтому и помещики, и скупившие землю кулаки не устраивали ферм, а сдавали землю в аренду крестьянским дворам.

Как следует из одного исследования хода реформы (в Симбирской губ.), «половина всех покупателей покупала землю прежде всего в целях сдачи ее в аренду». Аренда была кабальной — за отработки (бесплатный труд) или исполу (за половину урожая). Арендатор бедствовал, что сказывалось на технике земледелия. По данным экономистов-аграрников, в центре России «при всей отсталости крестьянина и примитивности техники его хозяйства на наделных землях урожаи хлеба были выше, чем на помещичьих, сдаваемых в аренду». Иными словами, разрушение общины и перевод земли из наделов в сферу капиталистических отношений означали не прогресс, а обогащение сельских паразитов-рантье за счет регресса хозяйства и страданий крестьянина.

А.Н.Энгельгардт подробно излагает взгляды кулаков на земельный вопрос, и этот взгляд решительно расходится с программой Столыпина. В частности, кулаки предполагают так распорядиться помещичьей землей, которая так или иначе отойдет в казну: «Найдется богатый мужичок, который деньги внесет, земля под общество пойдет, а общество мужику выплачиваться будет. Богач найдет, с чего взять». То есть, кулаку, сельскому богачу выгоднее не устраивать ферму, а отдать землю общине и тянуть с нее проценты за кредит. Это, пожалуй, можно считать «миродством» в чистом виде.

Следует заметить, что концентрацию средств производства в пользовании зажиточных крестьян и более

высокую, чем у бедняков, продуктивность их хозяйств вообще нельзя принимать за свидетельство того, что «капиталистическое» хозяйство прогрессивнее «крестьянского». Для этого надо еще доказать, что зажиточный крестьянский двор, даже имеющий пять лошадей, превратился в хозяйство капиталистическое. Ленин это не доказывает, а постулирует, называя богатых крестьян «крестьянской буржуазией». Но постулат этот никак нельзя признать убедительным, и я к нему еще вернусь.

Подойдем к понятию «прогрессивное земледелие» с другой стороны — не производственно-экономической, а социальной. Ведь сельское хозяйство — это не только производство, а и *образ жизни*. Для России конца XIX века — образ жизни 85% населения. Можно ли считать прогрессивным процесс в экономике, при котором жизнь подавляющего большинства народа ухудшается? Ленин в своей книге прямо не ставил этот вопрос, но косвенно отвечал на него утверждением, будто сельский пролетарий живет лучше, чем крестьянин-бедняк.

На деле сельский житель, даже став батраком, не перестает быть крестьянином («раскрестьянивание», например, через огораживания в Англии, связано с изменением всего образа жизни — прежде всего, с переселением в город). Поэтому можно отвлечься от политико-экономической классификации, а говорить о бедняках, середняках и зажиточных. Было ли в этом плане радикальное внедрение капитализма (реформа Столыпина) прогрессивным?

Вот что показали имитационные модели двух вариантов развития сельского хозяйства России — по схеме реформы Столыпина и по прежнему пути, через крестьянское землепользование и сохранение общины (результаты моделирования приводит В.Т.Рязанов). Без реформы социальная структура деревни в 1912 г.

была бы такой: бедняки — 59,6, середняки — 31,8, зажиточные — 8,6%. Реально в ходе реформы соотношение стало 63,8:29,8:6,4. Заметный социальный регресс. Если бы столыпинская реформа продолжалась еще 10 лет, как и было предусмотрено, то социальная структура ухудшилась бы еще сильнее, до 66,2:28,1:5,5.

Наконец, еще один, близкий русскому человеку довод — поведение во время войны. Россия, как говорил Менделеев, долго вынуждена была жить «бытом военного времени». Поэтому «прогрессивным» для нее могло считаться только то хозяйство, которое сохраняет свою дееспособность в чрезвычайных условиях. Тяжелым, но предельно показательным экзаменом для двух типов хозяйства — трудового крестьянского и частного — стала Первая мировая война. К концу 1916 г. в армию было мобилизовано 14 млн. человек, село в разных местах потеряло от трети до половины рабочей силы. Как же ответило на эти трудности хозяйство — крестьянское и буржуазное? По всей России к 1915 г. посевная площадь крестьян под хлеба выросла на 20%, а в частновладельческих хозяйствах уменьшилась на 50%. В 1916 г. у частных вообще осталась лишь четверть тех посевов, что были до войны. В трудных условиях крестьянское хозяйство оказалось несравненно более жизнеспособным.

А вот вывод раздела «Сельское хозяйство» справочного труда «Народное хозяйство в 1916 г.»: «Во всей продовольственной вакханалии за военный период всего больше вытерпел крестьянин. Он сдавал по твердым ценам. Кулак еще умел обходить твердые цены. Землевладельцы же неуклонно выдерживали до хороших вольных цен. Вольные же цены в 3 раза превышали твердые в 1916 г. осенью». Таким образом, общинный крестьянин, трудом стариков и женщин уве-

личив посевы хлеба для России, еще и сдавал хлеб втрое дешевле, чем буржуазия.

Сегодня, когда в целом индустриальная цивилизация переживает довольно тяжелый кризис, в развитых странах возник большой интерес к крестьянству. Запад крестьянство давно ликвидировал, превратил в фермерство — капиталистическое предприятие на земле. Но сейчас уже ясно: будущее, постиндустриальное сельское хозяйство — за крестьянством (конечно, снабженным достижениями лучшей науки). Только хозяйство, организованное по-крестьянски, а не по-фермерски, сможет накормить человечество и не разрушить среду обитания. Поэтому изучают крестьянство в Индии, Китае, Японии, Египте, остатки его в Испании. Но главная сокровищница крестьянской цивилизации — Россия.

*Укрепление общины
как условие развития капитализма:
взгляд из конца XX века*

Изучение стран «третьего мира», втянутых в капиталистическую систему в качестве ее периферии, привело к очень важным выводам. Они прямо относятся к нашей теме. Главный их смысл состоит в том, что в России, в отличие от Западной Европы, капитализм в сельском хозяйстве и в целом в стране не мог вытеснить общину. И не только не мог вытеснить и заменить ее, но даже *нуждался* в ее укреплении. Иными словами, чтобы в какой-то части России мог возникнуть сектор современного капиталистического производства, другая часть должна была «отступить» к общине, претерпеть «архаизацию», стать более традиционной, нежели раньше. Образно говоря, капитализм не может

существовать без более или менее крупной буферной «архаической» части, соками которой он питается.

Глобализация капитализма, которая началась с XVI века, привела к тому, что эту «архаическую» часть Запад смог в значительной степени вынести за пределы метрополии, господствуя над архаическими укладами, находящимися в заморских территориях, — сначала в колониях, а потом в «третьем мире». Но Россия, не будучи колониальной империей, могла вести развитие капитализма только посредством архаизации части *собственного* общества. И прежде всего объектом этой архаизации стало крестьянство. Именно после реформы 1861 г., открывая простор для развития капитализма, само царское правительство укрепляет крестьянскую общину. И это вовсе не стратегическая ошибка, иначе и быть не могло.

В своем труде «Развитие капитализма в России» Ленин делает вслед за Марксом ошибку относительно прогрессивной роли капитализма в целом, в рамках всей системы «центр-периферия». Создавая в колониях анклавы современного производства, господствующий извне капитализм метрополии обязательно производил «демодернизацию» остальной части производственной системы — даже уничтожая структуры местного капитализма. Это хорошо изучено на примере Египта и Индии.

В очень важной книге «Теория формаций» (М., 1997) В.В.Крылов пишет о модернизации хозяйства на периферии («зеленой революции»): «Уже здесь начинает обнаруживаться тот поразительный факт, что так называемые пережитки докапиталистических способов труда и натурального хозяйства далеко не во всем и не всегда являются просто не успевшими исчезнуть остатками доколониальных времен, а представляют собой нечто генерируемое и воспроизводимое в отсталом мире законами его современного развития. Разве

не об этом свидетельствует превращение многих развивающихся стран в послевоенные годы из экспортеров продовольственных ресурсов в их чистых импортеров и усиление в них натурально-хозяйственных тенденций?». Далее он пишет уже о влиянии современной глобализации на страны Латинской Америки: «Такого удивительного переплетения процессов, когда экономический прогресс сопровождается не сокращением сферы традиционного труда, но ее разбуханием, история еще не знала. Этот традиционный сектор, видимо, имеет тенденцию становиться таким унифицированным сектором бедности и допромышленных форм труда, с которым мы встречаемся во многих странах Латинской Америки».

Даже столь архаический уклад, как рабство, в случае США генетически является вовсе не пережитком, а именно продуктом капиталистического развития. Всесторонне рассмотрев этот вопрос, В.В.Крылов заключает: «В отличие от метрополий, общества которых воплотили в самой своей структуре цивилизующие функции капитализма, общества зависимой от него периферии явились структурной материализацией его нереволюционизирующих общественный процесс консервативных тенденций».

Россия в конце XIX и начале XX века была именно страной *периферийного* капитализма. А внутри нее крестьянство было как бы «внутренней колонией» — периферийной сферой собственных капиталистических укладов. Его необходимо было удерживать в натуральном хозяйстве, чтобы оно, «самообеспечиваясь» при очень низком уровне потребления, добывало зерно и деньги, на которые можно было бы финансировать, например, строительство необходимых для капитализма железных дорог. Крестьяне были для капитализма той «природой», силы которой ничего не стоят для капиталиста.

Именно там в России, где сильнее всего чувствовался пресс вестернизации и модернизации, особенно усиливались традиционалистские взгляды и настроения. В 1870-1900 гг. как раз в центральных губерниях России, где относительно быстро развивались товарно-денежные отношения и отходные промыслы, крестьянство стремилось к укреплению общины и усилению в ней уравнительного начала. За эти годы в Московской губернии число уравнительных передельных (по едокам) общин увеличилось в 3 раза (до 77%), во Владимирской губ. в 5 раз (до 94%), в Саратовской в 41 раз (до 41%).

В.В.Крылов пишет: «В перспективе капиталистический путь развития должен привести развивающиеся страны не к такому состоянию, когда капиталистические порядки, вытеснив прочие уклады, покроют собою все общество в целом, как это случилось в прошлом в нынешних эпицентрах капитала, но к такому, когда могучий по доле в национальной экономике, но незначительный по охвату населения капиталистический уклад окажется окруженным морем пауперизма, не занятости, бедности. Такого взаимодействия капиталистического уклада с докапиталистическими и таких его результатов европейская история в прошлом не знала. Это специфический продукт капиталоемкого, позднего, перезрелого капитализма». По данным ФАО в теневом («неформальном») секторе экономики стран Африки южнее Сахары занято примерно 60% всей рабочей силы, из них 2/3 — в торговле. На путь архаизации такого типа толкнули и Россию сегодня, в то время как в начале XX века архаизация ограничивалась лишь укреплением структур традиционного общества очень развитой аграрной цивилизации.

Уже Маркс, до того как он стал работать именно ради создания теории современного капитализма как основы революционной идеологии западного пролета-

риата, уделил много внимания историческим различиям развития различных видов общины — городской античной и деревенской варварской. Это, кстати, были исследования, опровергающие саму идею последовательной смены формаций. Но сегодня принципиальное отличие развития капитализма на Западе и в периферийных обществах изучено достаточно подробно. В.В.Крылов констатирует важную вещь, которая объясняет закономерный характер сохранения и укрепления крестьянской общины в России: «Одно дело, когда частная капиталистическая собственность приходит на смену тоже частной, но мелкокрестьянской собственности, как это было в европейских странах; иное дело, когда частная капиталистическая собственность идет на смену общинным порядкам, как это было в пореформенной России и как это еще более ярко выражено ныне в странах Африки».

*О превращении крестьян
в пролетариат и буржуазию*

В труде «Развитие капитализма в России» Ленин делает радикальный вывод: «Доброму народнику и в голову не приходило, что, покуда сочинялись и опровергались всяческие проекты, капитализм шел своим путем и общинная деревня превращалась и превратилась в деревню мелких аграриев».

Ленин признает, что здесь его могут упрекнуть в том, что он забегают вперед. Но он считает, что лучше забежать вперед, чем отстать. С этим нельзя согласиться: речь шла о борьбе двух противоположных тенденций — развитии капитализма и сопротивлении ему. Значит, проблема была не в забегании или отставании, а в том, чтобы «взвесить» силу обеих тенденций.

Важнейший довод в пользу вывода об исчезновении общины — изменение классового строя деревни. Ленин пишет: «Старое крестьянство не только «дифференцируется», оно совершенно разрушается, перестает существовать, вытесняемое совершенно новыми типами сельского населения, — типами, которые являются базисом общества с господствующим товарным хозяйством и капиталистическим производством. Эти типы — сельская буржуазия (преимущественно мелкая) и сельский пролетариат, класс товаропроизводителей в земледелии и класс сельскохозяйственных наемных рабочих» (с. 166). В другом месте сказано: «крестьянство с громадной быстротой раскалывается...» Далее Ленин дает оценку: «К представителям сельского пролетариата должно отнести не менее половины всего числа крестьянских дворов, т.е. всех безлошадных и большую часть однолошадных крестьян» (с. 170).

Отнесение к пролетариату однолошадных крестьян, явно ведущих свое хозяйство, подтверждается тем, что «мелкие крестьяне понижают свои потребности ниже уровня потребностей наемных рабочих и надрываются над работой несравненно сильнее, чем эти последние». Это — критерий, далекий от политэкономии, и мы к нему еще вернемся.

Первый довод в пользу того, что «крестьянство перестает существовать» — высокая, по мнению Ленина, *товарность* хозяйства, вовлеченность его в рынок. Крестьянство, по утверждению Ленина, «находится уже в полной зависимости от рынка, от власти денег». Здесь, как и во многих других местах, Ленин допускает явные преувеличения, которые никак не подтверждаются его же данными: «полная зависимость от рынка»! Из приведенных семейных бюджетов следует, что личное потребление крестьян, включая пищу, покрывалось за счет покупных продуктов и вещей не более чем на

треть. Это в среднем, по всем категориям крестьян. Такую зависимость никак не назовешь полной. К тому же «рыночность» во многом была мнимой. Чтобы осенью заплатить подати, крестьяне были вынуждены дешево продавать хлеб, а весной покупать его уже дороже. Это дает видимое завышение «товарности», и экономисты-народники его вычитают, считая товарным только тот продукт, который не возвращается к производителю. Ленин такой поправки не делает.

Это явление «вынужденной товарности» натурального хозяйства довольно хорошо изучено в последние десятилетия на периферии капиталистической системы, в крестьянских странах «третьего мира». Подробно это изложено в книге В.В.Крылова «Теория формаций». В главе о натуральном хозяйстве сказано: «Чисто статистическими методами было рассчитано, что докапиталистические способы труда и натуральная замкнутость хозяйства прочно удерживаются в условиях, когда производство на душу населения не превышает 200-250 долл. Только внеэкономические, рентальные, налоговые и тому подобные меры позволяют в этих условиях увеличивать товарный выход продукции, часто за счет личного потребления самих производителей». Именно это и наблюдалось в России, где подати и платежи у крестьян превышали возможный доход от хозяйства.

Что же касается закупок крестьян на рынке, то В.В.Крылов пишет: «Исследование структуры крестьянских хозяйств в Индии и других отсталых странах, проведенное В.Г.Растянниковым, показало, что значительная часть покупаемых крестьянами продуктов идет на их личное потребление, а не на воспроизводственные нужды их хозяйств. Натуральность хозяйств по роли в них природных факторов труда оказалась значительно большей, нежели об этом можно было судить по раз-

мерам крестьянских покупок и продаж. Это позволило автору сделать вывод об имевшей место в нашей литературе переоценке степени развитости как мелко-товарных, так и капиталистических отношений в деревне развивающихся стран». Таким образом, сами по себе покупки крестьян на рынке ничего еще не говорили об уровне товарности их производства. Тем более об этом не говорят их продажи. «Рынок, — пишет В.Г.Растянников об Индии — непомерно «вздувался» за счет продукта, отчуждаемого в форме натуральной земельной ренты и прочих неоплачиваемых изъятий в натуре, обращавшихся в меновую стоимость и навсегда уходивших из сектора сельскохозяйственных производителей».

В.В.Крылов высказывается совершенно определенно: «Не вызывает никакого сомнения, что значительные слои крестьянства, тесно связанные с натуральными формами производства и отрезанные от прямых связей с рынком посредством «таких твердо установленных платежей, как налоги, земельная рента и т.д.» [Маркс], не могут быть отнесены к категории мелких буржуа. Они являются агентами не мелко-товарного уклада, но скорее феодального, общинно-племенного и т.п.».

Более того, даже работа крестьянина на капиталистический рынок еще не говорит о том, что и само его хозяйство является капиталистическим. Это на материале русской деревни доказывал А.В.Чаянов, а за последние десятилетия установлено исследованием крестьянства в развивающихся странах. Но об этом писал уже и сам Маркс. Сейчас крестьянство «третьего мира» во многом работает на закупочные центры частных корпораций или государства с фиксированной ценой. Это — типичная «работа на заказ», а не на свободный рынок. Маркс писал: «Работа на заказ, т.е. соответствие предложения предшествующему спросу, как *общее*

или преобладающее положение не соответствует крупной промышленности и никоим образом не вытекает как условие [процесса производства] из природы капитала». Но русский крестьянин в начале XX века именно преобладающим образом работал на закупочные центры. Он не был сам агентом капиталистического рынка. Впоследствии сам Ленин уточнил: «Товарное производство есть работа на *неизвестный* и свободный рынок».

В свете того, что сейчас известно о взаимодействии капитализма метрополий с периферией, становится более понятным, почему Ленин в 90-е годы считал, что в сельском хозяйстве России растет товарность и укрепляются капиталистические отношения, а через десять лет во многом изменил это представление. Вторжение западного финансового капитала и развитие капитализма в городе (как «метрополии» российского капитализма) после 1900 г. привело к сужению свободного рынка для крестьянства. Это было такое же «отступление от капитализма», какое наблюдалось ранее в Ирландии или Индии, а в наше время наблюдается в «третьем мире».

Подробно фактическая сторона дела изложена в книге видного экономиста-аграрника П.Лященко «Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства» (М., 1927). Он объясняет, что до конца 90-х годов XIX века основная масса зерна отправлялась на внутренний рынок, тесно связанный с мукомольной промышленностью. Это был в большой мере капиталистический рынок — децентрализованный, подвижный, с большим числом мелких агентов. Зерно у крестьян скупали кулаки, базарные скупщики и приказчики мукомолов. В начале XX века произошла быстрая переориентация зернового рынка на экспорт.

П.Лященко пишет: «Иностранный капитал шел в Россию в виде финансового капитала банков для обос-

нования здесь промышленных предприятий, но тот же иностранный банковый капитал захватывал и все отрасли нашей торговли, в особенности сельскохозяйственными продуктами... Он начинает приливать в хлебную торговлю и руководить ею, или непосредственно основывая у нас свои экспортные ссыпки, конторы (как, например, конторы французской фирмы Дрейфус, немецкой Нейфельд, массы греческих, отчасти итальянских и др.) и специальные экспортные общества, или субсидируя и кредитуя те же операции через сложную систему кредита, находившуюся также в руках иностранного капитала...

Но вследствие особых условий банковских покупок — прежде всего полной зависимости всей нашей банковской системы от иностранного капитала — положительных для народного хозяйства сторон в этом приливе крупного капитала к хлебной торговле было мало... Ни за качеством хлеба, ни за его чистотой, ни за другими условиями покупки и сдачи ни банк, ни его подставной клиент-скупщик не следили и ответственности за все это банк не принимал. При сосредоточении в руках банка (в портах или на крупных потребительных рынках) больших партий он, однако, не заботился ни об очистке зерна, ни об улучшении его качества, ни о правильности хранения: он должен был спешить с его продажей, часто влияя таким образом на понижение цен...

Таким образом «частный» банковский капитал не менее как на три четверти обслуживал финансирование нашей хлебной торговли. При этом главными частными банками, принимавшими наиболее широкое участие в хлеботорговых вообще и хлебоэкспортных операциях, были: Азовско-Донской, Международный, Петербургский частный коммерческий, Северный, Русско-азиатский, — работавшие преимущественно французскими капиталами, и Русский для внешней торговли и Петербургский учетный — немецкими».

Подробный анализ роли иностранных банков на сельскохозяйственном рынке России вообще интересен. Но здесь для нас важен тот факт, что это был уже совсем иной рынок, нежели десять лет назад, когда он был рассеян по всей стране и обслуживал ее потребности. Теперь его механизм для крестьянина стал напоминать механизм государственных поставок, к которому мы привыкли в колхозах. Крестьянин выполнял договор поставки определенной банковской конторе, закупавшей зерно у целых губерний. Это тот самый тип поставок, который изучен сегодня в развивающихся странах и который уже Маркс не относил к поставкам на капиталистический рынок. Иными словами, товарность производства российского крестьянства стала «менее капиталистической», менее рыночной, как сказали бы сегодня. Здесь проявилась общая закономерность — развитие капитализма в метрополии укрепляет некапиталистические уклады на периферии.

Таким образом, само по себе увеличение объема продаж продукции крестьянами на рынке еще не говорит о том, что их хозяйство становится капиталистическим. Другое дело — расходы богатых крестьян на *хозяйство* (покупка скота, лошади, инвентаря). У основной массы крестьян денежные доходы и расходы составляют около 45% от валовых. Но сам факт больших расходов (да и больших ли — 102 рубля в год на хозяйство у крестьян с 3 лошадьми, из них 50 рублей — на аренду земли у помещика) вовсе не говорит о том, что в России произошел перелом. Тут нужно посмотреть длинный временной ряд — а сколько покупали крестьяне тридцать лет назад?

Но главное в том, что крестьянское хозяйство может быть вполне рыночным — и в то же время не капиталистическим. Этого не мог знать Маркс, потому что в Англии уже не было крестьян. Производство продукта

на рынок — признак необходимый, но не достаточный. Это подробно объясняет А.В.Чаянов, и давайте сделаем усилие и вникнем хотя бы в его выводы:

«Экономическая теория современного капиталистического общества представляет собой сложную систему неразрывно связанных между собой категорий (цена, капитал, заработная плата, процент на капитал, земельная рента), которые взаимно детерминируются и находятся в функциональной зависимости друг от друга. И если какое-либо звено из этой системы выпадает, то рушится все здание, ибо в отсутствие хотя бы одной из таких экономических категорий все прочие теряют присущий им смысл и содержание и не поддаются более даже количественному определению...

Такая же катастрофа ожидает обычную теоретическую систему, если из нее выпадает какая-либо иная категория, к примеру, категория заработной платы. И даже если из всех возможных народнохозяйственных систем, которым эта категория чужда, мы сделаем объектом анализа ту, в которой во всей полноте представлены меновые отношения и кредит, а, следовательно, категории цены и капитала, например, систему крестьянских и ремесленных семейных хозяйств, связанных меновыми и денежными отношениями, то даже и в этом случае мы легко сможем убедиться в том, что структура такого хозяйства лежит вне рамок привычной системы политэкономических понятий, характерных для капиталистического общества».

А.В.Чаянов поднимал вопрос универсальной значимости — на том же уровне, что и Маркс. Он писал: «Одними только категориями капиталистического экономического строя нам в нашем экономическом мышлении не обойтись хотя бы уже по той причине, что обширная область хозяйственной жизни, а именно аграрная сфера производства, в ее большей части стро-

ится не на капиталистических, а на совершенно иных, безнаемных основах семейного хозяйства, для которого характерны совершенно иные мотивы хозяйственной деятельности, а также специфическое понятие рентабельности. Известно, что для большей части крестьянских хозяйств России, Китая, Индии и большинства неевропейских и даже многих европейских государств чужды категории наемного труда и заработной платы. Уже поверхностный теоретический анализ хозяйственной структуры убеждает нас в том, что свойственные крестьянскому хозяйству экономические феномены не всегда вмещаются в рамки классической политэкономической или смыкающейся с ней теории».

Эту работу он заканчивает такой мыслью: «Ныне, когда наш мир постепенно перестает быть миром лишь европейским и когда Азия и Африка с их своеобразными экономическими формациями вступают в круг нашей жизни и культуры, мы вынуждены ориентировать наши теоретические интересы на проблемы некапиталистических экономических систем».

Когда читаешь А.В.Чаянова, то кажется, что он был в отчаянии: говорил он ясно, данные имел надежные, считался самым видным экономистом-аграрником. Но главные вещи, которые он говорил, просто не замечались, они шли как бы параллельно принятой «теоретической системе», которая на деле «терпела катастрофу». Да, крестьянин выходит на рынок, но если внутри его производственной ячейки нет категории зарплаты, то и смысл рынка совсем иной, нежели при капитализме. Почитаем Ветхий Завет — там меновые отношения тоже представлены в полной мере, но нет же главы «Развитие капитализма в Иудее».

Чем доказывает Ленин возникновение из крестьян двух антагонистических классов — буржуазии и пролетариата? На мой взгляд, доказательства нет, поскольку

даже не введены определения. Образ классов возникает как бы сам собой, из общих соображений. Вскользь Ленин замечает, что «исследователи признают пролетариатом не только безлошадных, но и однолошадных крестьян». Мало ли что признают «исследователи», они явно используют термин «пролетарий» как метафору. Кстати, метафора эта очень многообразна. Так, А.Тойнби писал: «Пролетарий — это скорее состояние души, чем нечто обусловленное чисто внешними обстоятельствами. Истинным признаком пролетария является не бедность и не низкое происхождение, а постоянное чувство неудовлетворенности, подогреваемое отсутствием законно унаследованного места в обществе и отторжением от своей общины».

Как довод Ленин приводит данные о том, что безлошадные и однолошадные крестьяне наряду с ведением своего хозяйства батрачат, а наем батраков — это «превращение в товар рабочей силы, продаваемой несостоятельным крестьянством». Вывод, на мой взгляд, неубедительный — не всякий наем есть превращение рабочей силы в товар. Неужели стоимость рабочей силы Балды была, по Марксу, три щелчка в лоб? В батраки (феты) нанимались свободные греки еще в древних Афинах, о них достаточно писал в «Политии» Аристотель. Можно ли считать Афины капиталистическим обществом?

Сам Маркс неоднократно останавливался на том факте, что далеко не всякий наемный труд отвечает капиталистическим производственным отношениям. В очень многих случаях наем, по его выражению, есть «отношение простого обращения» — обмен одной потребительной стоимости на другую. Живой труд как услуга обменивается на жизненные средства в их денежной или натуральной форме. Именно так и нанимались батраки в России. Даже широкое развитие найма батраков еще не означает возникновения капитализма.

Об этом почти прямо писал Маркс: «Обмен овеществленного труда на живой труд еще не конституирует ни капитала на одной стороне, ни наемного труда — на другой. Весь класс так называемых слуг, начиная с чистильщика сапог и кончая королем, относится к этой категории. Сюда же относится и свободный поденщик, которого мы спорадически встречаем повсюду, где либо азиатская община, либо западная община, состоящая из свободных собственников земли, распадается на отдельные элементы»

Капиталистических отношений не возникает независимо от того, участвуют ли в этом обмене деньги. Маркс это объясняет так: «Обмен *денег как дохода*, как всего лишь средства обращения, на живой труд никак не может превратить деньги в капитал, а следовательно, никак не может превратить труд в наемный труд в экономическом смысле». В.В.Крылов заключает: «Марксов метод определения укладной природы наемного труда служит предостережением против поспешного отнесения всякого продающего свою рабочую силу работника к категории капиталистически эксплуатируемого рабочего».

Кроме того, в немалой мере противореча своему выводу, Ленин показывает, что значительная доля наемного труда оплачивалась через «натуральный обмен» — отработками. Бедняк или середняк отработывал долг, ссуду семян и инвентаря, аренду земли у помещика или кулака — работал на его земле со своей лошадей. Это — не капитализм, что и признает Ленин. Но отработки вместо денежного расчета преобладали в русских губерниях! Значит, далеко еще было до «полной зависимости от денег» и полного «превращения рабочей силы в товар».

В книге Ленина приведено много данных о расслоении крестьян по величине хозяйства. Это принималось

им за свидетельство того, что крестьянство разделилось на два класса — сельскую буржуазию с крупными хозяйствами и бедноту, которая превращалась в пролетариат. Но данные, которые привел Ленин, представляли собой «моментальную фотографию». Никаких выводов из нее сделать было нельзя, потому что известно было, что в русской общине наблюдалось интенсивное движение, с гибкой арендой, а часто и переделом земли («передельная община»). Что же показали длительные (в течение 30 лет) наблюдения за одной и той же выборкой крестьянских дворов? Такие наблюдения велись в России с 1882 по 1911 г., и данные их приводит А.В.Чаянов. Из них видны два процесса, которые полностью противоречат выводу Ленина.

Во-первых, группа «буржуазии» — крупные дворы, которые засевают более 12 дес., — очень неустойчива. Она непрерывно распадается за счет деления выросших семей и перехода «осколков» в низшие категории — «обратно к крестьянам». За 30 лет из дворов этой категории не разделилось только 33,6%. Из разделившихся 84,6% уменьшили посевную площадь. Более того, 58% тех дворов, что за это время не разделились, также уменьшили свои посевы. Напротив, малосеющие группы, особенно «пролетариат», в массе своей увеличили посевную площадь — 71,6% из неделившихся дворов и 72,8% из делившихся.

А.В.Чаянов пишет: «Малосеющая группа проявляет гигантскую силу роста и почти 3/4 своих хозяйств перебрасывает за 30 лет в более высокие посевные группы, с другой стороны, обе многосеющие в 1882 г. группы дают ярко выраженную картину ослабления и распада». Ясно, что это никак не согласуется с расхождением на классы. Классы — устойчивые группы, основанные на библейском принципе «У бедного отнимется, у богатого прибудется». Иными словами, трудно

бедняку попасть в класс буржуазии, но те, кто в него попал, удерживаются в нем силой приведенного выше принципа. В крестьянстве же мы видим нечто совершенно противоположное.

Ленин тщательно удаляет из рассуждений фактор культуры, лирику. Но превращение рабочей силы в товар, т.е. обезличенную меновую стоимость, — огромное изменение именно в культуре, в антропологии, в представлении о человеке. Это прекрасно видно из приведенного Лениным рассказа о том, как эксплуатируют батраков немцы-колонисты — «оттого по истощенному виду так легко узнать работавших у немцев-колонистов» (с. 241). А у русских крестьян при переписях записывали батраков как членов семьи, что внесло немало путаницы (думаю, и в бюджеты дворов, которые использовал Ленин). Потому что, по мнению крестьян, все, кто питается из одного котла, — члены семьи. Член семьи — не товар, а нечто иное.

Кстати, А.В.Чаянов категорически отказывается от свойственного народникам «культурологического» подхода и говорит только о жестокой экономической действительности. Он отвергает «сладенькое живописание российского крестьянства наподобие благонравных пейзажей, всем довольных и живущих, как птицы небесные. Мы сами такого представления не имеем и склонны полагать, что каждый крестьянин не отказался бы ни от хорошего ростбифа, ни от граммофона, ни даже от пакета акций «Ойл Шелл Компани», если бы к тому представился случай. К сожалению, в массе такого случая не представляется, и каждая копейка достается крестьянской семье тяжелым напряженным трудом. А в этих обстоятельствах ей приходится отказываться не только от акций и граммофона, но подчас и от говядины».

Ленин придает очень большое значение имущественному расслоению крестьянства как показателю его разделения на пролетариат и буржуазию. Однако данные, которыми он сам пользуется (бюджеты дворов по губерниям), большого расслоения по этому признаку не показывают. «Буржуазия», по классификации Ленина, — это крестьяне, которые ведут большое хозяйство и имеют большие дворы (в среднем 16 душ, из них 3,2 работника). Если же разделить имущество на душу, разрыв не так велик — даже в числе лошадей. У однолошадных — 0,2 лошади на члена семьи, у самых богатых — 0,3. В личном потреблении разрыв еще меньше. Посудите сами: у беднейших крестьян (безлошадных) расходы на личное потребление (без пищи) составляли 4,3 рубля в год на душу; у самых богатых (пять лошадей и больше) — 5,2 рубля. Разрыв заметен, но так ли уж велик?

Особое значение Ленин придает *питанию* как показателю жизненного уровня, здесь «наиболее резкое отличие бюджетов хозяина и рабочего». Действительно, буржуазия и пролетариат различаются как классы не только отношением собственности, но и культурой — образом жизни. И здесь тип питания есть один из главных признаков. Но таково ли было это отличие у разных групп крестьянства, чтобы, как это сделал Ленин, выделять курсивом слова «*хозяин*» и «*рабочий*» — указывая тем самым на их классовое различие?

У безлошадных расходы на пищу 15 руб. на члена семьи, у «пятилошадных» — 28 руб. Кажется, разрыв велик, но дальнейшие данные объясняют этот разрыв. Практически все безлошадные семьи, по данным Ленина, в среднем выделяют для работы по найму 1 батрака (то муж, то поденно жена, то дети). Батрак *питается у хозяина*. По данным для Орловской губ., пропитание батрака обходилось хозяину в среднем в 40,5

руб. в год (у Ленина приведен подробный рацион батрака). Очевидно, что эти деньги надо присовокупить к бюджету безлошадной семьи, членом которой является батрак. Если так, то выходит, что у «пролетария» на члена семьи расходуется на еду 25,4 руб., а у «буржуя» 28 руб. Строго говоря, следовало бы расходы на батрака вычесть из бюджета семьи хозяина, если он при переписи записал батрака членом своей семьи, тогда разрыв еще больше снизится — но мы этого делать не будем, нет точных данных о том, какая часть крестьян записывала батраков как членов семьи.

Из данных, приведенных Лениным (если брать не «двор», а расходы на душу), расслоения крестьян на классы по этому признаку не наблюдается. Да и Толстой отметил: «В том дворе, в котором мне в первом показали хлеб с лебедой, на задворках молотила своя молотилка на четырех своих лошадях,... а хлеб с лебедой ела вся семья в 12 душ... «Мука дорогая, а на этих пострелят разве наготовишься! Едят люди с лебедой, а мы что ж за господа такие!».

В целом, можно сказать, что в конце века, когда писалась книга Ленина, расслоение крестьянства по имущественному уровню и по образу жизни не привело к его разделению на два класса — *пролетариат* и *буржуазию*. Сами крестьяне делили себя на «сознательных» — работающих, непьющих, политически активных, — и «хулиганов». Разницу между ними они объясняли как отличие крестьян в заплатах одежде от крестьян в дырявой одежде.

Крестьянство осталось как «класс в себе». И, неожиданно оно выступило как «класс для себя» в революции 1905-1907 гг. В ходе ее рухнула вся концепция «сельской буржуазии и сельского пролетариата». Активность в революции проявили середняки и богатые крестьяне, батраки («пролетариат») были наиболее

пассивны. Т.Шанин пишет: «Середняки, в соответствии с точным определением этого слова, были решающей силой в российском селе и большинства в его общинах. Безземельные и «бобыли» не имели достаточного веса в деревнях и не могли оказать в одиночку длительного сопротивления в сельской борьбе. Восстание совершалось не маргиналами, а теми, кто отказывался превращаться в таковых. Сила общинного схода была такой, что наиболее богатые обычно не могли удерживать контроль над этими общинами. Что касается кулаков в сельской местности России, по крайней мере в крестьянском значении этого термина, они были не обязательно самыми богатыми хозяевами или работодателями, но «не совсем крестьянами», стоящими в стороне от общин или против них. Наиболее близким крестьянским синонимом термину «кулак» был в действительности «миroeд» — «тот, кто пожирает общину"...» (с. 277).

Центром организации революционных выступлений была община — деревенский или волостной сход. Уровень организации, высокая дисциплина и, можно сказать, «культура» революции поразили всех политиков и напугали правительство гораздо больше, чем эксцессы. Мы, к нашему буквально горю, очень мало знаем об этой революции, потому что она пошла совершенно «неправильно». Мы, например, слышали о Совете в Иваново-Вознесенске, который пассивно просуществовал два месяца, но ничего не знаем о сотне крестьянских советских республик, которые по полгода обладали полнотой власти в обширных зонах. История Советской России началась в деревне в 1905 г.

В ходе революции практически не было конфликтов между бедняками и богатыми крестьянами. Те, кого Ленин называл «сельской буржуазией», были организаторами большой «петиционной кампании» — в Крестья-

янский Союз и в Государственную Думу. Изучено около 1500 таких петиций, и в 100% из них — требование отмены частной собственности на землю. После этого вопрос о том, являются ли богатые крестьяне буржуазией и стало ли общинное крестьянство оплотом капитализма, можно было считать закрытым.

*Трудности понимания крестьянского хозяйства:
взгляд А.В. Чаянова*

Выше говорилось о том, что жесткая парадигма — способ видения явлений определенного класса — является фильтром, через который многих сторон деятельности просто не видно. Политэкономия как теория капиталистического хозяйства заставляла подгонять любые хозяйственные явления под свои категории и понятия. А.В.Чаянов в 1924 г. опубликовал на немецком языке работу «К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства», в которой сделал попытку построить «метатеорию» многоукладных экономических систем. Прежде всего, для нас важна его мысль о том, что не все реально существующие и даже важнейшие производственные уклады можно описать в категориях классической политической экономии. Он писал в этой работе: «В современной политической экономии стало обычным мыслить все экономические явления исключительно в категориях капиталистического хозяйственного уклада. Основы нашей теории — учение об абсолютной земельной ренте, капитале, цене, а также прочие народнохозяйственные категории — сформулированы лишь в приложении к экономическому укладу, который зиждется на наемном труде и ставит своей задачей получение максимального *чистого дохода*...».

В специальной главе А.В.Чаянов разбирает категорию *капитала*, как она проявляется в трудовом хозяйстве, и считает эту проблему самой важной для его исследования: «Развивая теорию крестьянского хозяйства как хозяйства, в корне отличного по своей природе от хозяйства капиталистического, мы можем считать свою задачу выполненной только тогда, когда окажемся в состоянии вполне отчетливо установить, что капитал как таковой в трудовом хозяйстве подчиняется иным законам кругообращения и играет иную роль в сложении хозяйства, чем на капиталистических предприятиях». Строго говоря, именно в том, как функционирует капитал, следовало искать критерий отнесения хозяйств к категории капиталистических, а отнюдь не в том, сколько продукта крестьянин выносит на рынок.

Во введении к своей главной работе «Теория крестьянского хозяйства» (1923) А.В.Чаянов объяснял, что все учение о трудовом хозяйстве, которое он представлял, складывалось из двух больших направлений — из накопления огромного эмпирического материала и индуктивных выводов и из «установления, также эмпирически, целого ряда фактов и зависимостей, которые не укладывались в рамки обычного представления об основах организации частнохозяйственного предприятия и требовали какого-либо специального толкования. Эти специальные объяснения и толкования, даваемые вначале в каждом конкретном случае отдельно, внесли в обычную теорию частнохозяйственного предприятия такое количество осложняющих элементов, что в конце концов оказалось более удобно обобщить их и построить особую теорию трудового семейного предприятия, несколько отличающегося по природе своей мотивации от предприятия, организованного на наемном труде».

Такая постановка вопроса всегда сопряжена с болезненным кризисом и конфликтами в науке, на разрыв с общепринятыми взглядами идут лишь тогда, ко-

гда накапливается слишком много фактов и случаев, которые не втискиваются в господствующую модель. А.В.Чаянов не скрывает, что им был сделан сознательный выбор. Он пишет: «Как видно из нашего попутного анализа, все эти случаи могут быть истолкованы при помощи категорий капиталистического хозяйства, построенного на наемном труде. Для этого, однако, приходится создавать весьма сомнительную концепцию, объединяющую в лице крестьянина и предпринимателя-капиталиста, и эксплуатируемого им рабочего, впадающего в хроническую безработицу и заставляющего своего хозяина во имя своих рабочих интересов переламывать свое хозяйство и поступать предпринимательски невыгодно. Возможно, что эта фикция в интересах монизма экономического мышления и должна быть сохранена, как указывал, например, проф. А.Вебер во время нашего с ним личного разговора по поводу немецкого издания этой книги. Однако нам лично она кажется слишком натянутой и искусственной и к тому же практически скорее запутывающей наблюдающиеся факты, чем поясняющей их».

Отметим важную проблему, которая встала при изучении трудового хозяйства, действующего в рамках господствующего капиталистического способа производства. Именно эта проблема в 1899 г. затруднила Ленину анализ крестьянского хозяйства в России. Ее теоретическое понимание пришло намного позднее. Во многих местах А.В.Чаянов подчеркивает тот факт, что семейное трудовое хозяйство, обладая особенным и устойчивым внутренним укладом, во внешней среде приспособляется к господствующим экономическим отношениям, так что его внутренний («субъективный») уклад вообще *не виден* при поверхностном взгляде. Он пишет: «Всякого рода субъективные оценки и равновесия, проанализированные нами *как таковые*, из недр

семейного хозяйства на поверхность не покажутся, и вовне оно будет представлено такими же объективными величинами, как и всякое иное».

Таким образом, А.В.Чаянов утверждает, что принятые в политэкономии типы научной абстракции и эконометрический подход не позволяют понять природу крестьянского двора — в своих внешних проявлениях он подлаживается под господствующие рыночные формы. А.В.Чаянов высказывает такое методологическое положение: «Мы только тогда поймем до конца основы и природу крестьянского хозяйства, когда превратим его в наших построениях из объекта наблюдения в субъект, творящий свое бытие, и постараемся уяснить себе те внутренние соображения и причины, по которым слагает оно организационный план своего производства и осуществляет его в жизни».

Здесь — источник столкновения А.В.Чаянова не только с марксистами, но и с современными ему буржуазными западными экономистами, которые склонялись к рассмотрению трудового хозяйства как разновидности капиталистического. А.В.Чаянов замечает: «К.Риттер, отмечая в своей рецензии на мою книгу те же моменты, как и проф. А.Скальвайт, указывает на неправильность моей терминологии и говорит, что *даже чистые семейные хозяйства*, поскольку они становятся товаропроизводителями, сбывают свои продукты на капиталистический рынок и подчиняются влиянию его цен, должны именоваться хозяйствами капиталистическими, так как они составляют собой часть капиталистической народнохозяйственной системы».

Из своего анализа взаимодействия трудового хозяйства с внешней экономической средой А.В.Чаянов делает важный для нашей темы вывод: хозяйства такого типа сохраняют свою внутреннюю природу в самых разных народнохозяйственных системах, но в то же

время они в своих внешних проявлениях приспособляются к среде по типу «мимикрии», так что возникает соблазн и их внутреннюю природу трактовать в категориях макросистемы, хотя эти категории неадекватны внутреннему укладу предприятия и затрудняют ее понимание.

А.В.Чаянов признавал, что работа по выявлению природы укладов, внешне приспособившихся к господствующей системе (как, например, крестьянского хозяйства), еще далеко не завершена, поскольку их субъекты далеки от самопознания: «Подобно тому, как мольеровский Журден сорок лет говорил прозой, сам не подозревая этого, наш крестьянин сотни лет ведет свое хозяйство по определенным объективно существующим планам, быть может, субъективно не вполне осознавая их».

Огромное отличие Германии и Швейцарии, с учеными которых вел спор А.В.Чаянов, от России состояла в том, что на Западе крестьянское хозяйство было замаскировано очень глубоко, поскольку капитализм там господствовал почти полностью, а на селе в очень большой степени (крестьянин был вытеснен фермером). В России же крестьянство составляло 85% населения, а на селе определяло хозяйственную жизнь почти абсолютно. Поэтому А.В.Чаянову и другим экономистам его направления было гораздо легче разглядеть сущность крестьянского двора как «субъекта» хозяйства, нежели на Западе.

О ХАРАКТЕРЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

*Капитализм и крестьянство:
взгляд классического и современного марксизма*

И в момент написания «Развития капитализма в России», и даже в первый период после революции 1905-1907 гг. Ленин следовал евроцентристскому тезису о неизбежности прохождения России через господство капиталистической формации. Отсюда вытекало, что и назревающая русская революция, смысл которой виделся в расчистке площадки для прогрессивной формации, должна быть революцией буржуазной¹.

В статье «Аграрный вопрос и силы революции» (1907) Ленин писал: «Все с.-д. убеждены в том, что наша революция по содержанию происходящего общественно-экономического переворота буржуазная. Это значит, что переворот происходит на почве капиталистических отношений производства и что результатом переворота неизбежно станет дальнейшее развитие именно этих отношений производства (Соч., т.15,

¹ Ленин принципиально отошел от этого тезиса (отошел по сути, но стараясь не декларировать отход) после февраля 1917 г., в Апрельских тезисах. С этого момента его главные стратегические установки шли в разрез с «всеобщими законами» исторического материализма. Но официальное советское обществоведение не поднялось до того, чтобы это объяснить. Т.Шанин писал: «Плодотворная противоречивость творческого ума Ленина попросту отрицается».

с.204). Троцкий о революции 1905 г. сказал: «Наша революция убила нашу «самобытность». Она показала, что история не создала для нас исключительных законов».

В предисловии ко второму изданию «Развития капитализма в России» (1908 г.) Ленин дает две альтернативы буржуазной революции: «На данной экономической основе русской революции объективно возможны две основные линии ее развития и исхода:

Либо старое помещичье хозяйство... сохраняется, превращаясь медленно в чисто капиталистическое, «юнкерское» хозяйство... Весь аграрный строй государства становится капиталистическим, надолго сохраняя черты крепостнические... Либо старое помещичье хозяйство ломает революция... Весь аграрный строй становится капиталистическим, ибо разложение крестьянства идет тем быстрее, чем полнее уничтожены следы крепостничества».

Таким образом, Ленин исходит из того постулата, который мы находим уже в предисловии к «Капиталу» Маркса, — капиталистический способ производства может охватить все пространство («весь аграрный строй государства становится капиталистическим»). То есть, вся сельская Россия в принципе может стать капиталистической, и к этому направлена русская революция. И народники, и А.Н.Энгельгардт в своих «Письмах из деревни» старались показать, что это невозможно именно в принципе, а не из-за умственной косности крестьянства. Для людей, воспитанных под сильным влиянием евроцентризма, их объяснения с сильным акцентом на «самобытность» России были неубедительны. Сегодня, на основании большого массива исследований «третьего мира», вовлеченного в мировую систему капитализма, мы видим, что капитализм по сути своей есть *система-кентавр*.

Возникновение капиталистического уклада с высоким уровнем производства неминуемо сопровождается усилением окружающей его «оболочки» из массы хозяйств, ведущих натуральное или полунатуральное хозяйство. Для капиталистического уклада симбиоз с этим «архаическим» хозяйственным пространством абсолютно необходим, он без него не может существовать. Это показал и опыт «зеленой революции» во многих азиатских странах — капиталистической модернизации подвергалась лишь небольшая часть хозяйств (в Индии — около 20%), а остальные сохранялись именно как общинно-крестьянские.

Россия в начале XX века могла обеспечить средствами для интенсивного хозяйства лишь кучку капиталистических хозяйств помещиков (на производство 20% товарного хлеба), но не более. Остальное — горбom крестьян. В 1910 г. в России в работе было 8 млн. деревянных сох, более 3 млн. деревянных плугов и 5,5 млн. железных плугов. Сравнивать эффективность разных элементов одной системы нельзя — соха дополняла плуг, а не воевала с ним. Можно даже предположить, что к концу XIX века те формы феодальной эксплуатации (отработки), которым посвящена значительная часть книги Ленина и о которых много писал А.Н.Энгельс, были уже не столько пережитками крепостничества, сколько продуктом симбиоза с капитализмом.

Маркс писал, что в зависимых от капитализма обществах капитал регрессирует так, что «имеет место эксплуатация со стороны капитала без капиталистического способа производства». В целом, весь исходный тезис о том, что буржуазная революция в России привела бы к превращению всех крестьянских хозяйств в фермерские, принципиально ошибочен. При этом не-

существенно, имеет ли место такое «архаизирующее» воздействие капитализма при контакте с крестьянским хозяйством отечественных капиталистических укладов, как в России, или иноземных, как у англичан в Ирландии или Индии.

Приведу здесь важные методологические положения В.В.Крылова, которые он сформулировал на основании изучения взаимодействия капитализма с традиционными укладами Африки, но вскользь говорил об их применимости и к России начала XX века. Прежде всего, он утверждает принципиальную несхожесть процессов разложения феодального общества с зарождением капитализма в Западной Европе и на периферии, где зрелый уже «внешний» капитализм сталкивается с общиной. Он пишет:

«Особенность Тропической Африки состояла в том, что здесь мировому капитализму с момента установления его колониального господства противостояли традиционные порядки, среди которых преобладающее значение имели начавшие разлагаться общинные отношения.

Исторический тип традиционных укладов, с самого начала противостоявших капитализму в его периферийных обществах, существеннейшим образом отличается от тех традиционных укладов, которые противостояли ему когда-то в Европе. Подгонять все имеющее место в развивающихся странах традиционные отношения под «феодальную мерку», как это до сих пор делают некоторые западные и советские исследователи, значит игнорировать не только исторические различия в судьбах африканских и европейских народов в доколониальный период, но и существенное несходство зависимого капиталистического развития бывших колоний и капиталистического саморазвития метрополий».

Смысл этих тезисов в том, что развитие капитализма в аграрной сфере и столкновение его с некапиталистическими укладами на Западе в XVII-XVIII веках и, два века спустя, в России — принципиально разные процессы. Поэтому первое главное положение книги Ленина «Развитие капитализма в России», в котором постулируется именно схожесть этих процессов, является, видимо, ошибочным. Во всяком случае, оно не могло выдвигаться как постулат, а должно было предлагаться лишь как гипотеза. Если так, то неверен или необоснован был и прогноз исхода русской революции, которая якобы предопределяла выбор между двумя западными путями развития — «прусским» или «американским».

Теперь о движущих силах революции. Главным противоречием, породившим русскую революцию, марксисты считали в то время сопротивление прогрессивному капитализму со стороны традиционных укладов (под ними понимались община, крепостничество — в общем, «азиатчина»). Исходом революции в любом случае будет «чисто капиталистическое» хозяйство. Трудящиеся заинтересованы лишь в том, чтобы это произошло быстрее, чтобы революция пошла по радикальному пути, по пути превращения крестьян в фермеров и рабочих («американский путь»).

Сегодня мы имеем большой запас знания о взаимодействии капитализма с общиной, полученного на материале множества конкретных ситуаций, структурно схожих именно в главной для нас коллизии. Из этого знания вытекает вывод о том, что представление о революции в России начала XX века, исходящее из идеи схожести процесса в России и на Западе, было внутренне противоречивым. И ошибка была одной и той же у Ленина и Столыпина. Она заключалась в том, что

«азиатчина» уже была не только противником, но и продуктом капитализма. Капитализм был возможен в России только в симбиозе с этой «азиатчиной». Любая попытка уничтожить ее посредством буржуазной революции или реформы вела не к капитализму, а к уничтожению капитализма. Так, как хирургическое разделение сиамских близнецов означает их неминуемую смерть.

При обсуждении этой особенности периферийного капитализма ценны такие суждения В.В.Крылова: «Сохранение и широкое распространение в африканской деревне традиционных отношений вообще, общинных в особенности, есть продукт еще и консервирующего прежние порядки воздействия капитализма.

Даже там, где капитализм разрушал эти порядки, в «освободившемся» социально-экономическом пространстве, развивались не столько собственно капиталистические порядки, сколько такие докапиталистические укладные формы, с которыми в доколониальный период периферийные страны знакомы не были.

Таким образом, в зависимых странах капиталистические отношения вырождаются, идут вспять, регрессируют в предшествующие им укладные формы. И это суть регрессивные формы самого капитала, такие докапиталистические уклады, которые исторически не предшествуют капитализму, но следуют после него, им же самым порождаются. Эти «псевдотрадиционные» или «неотрадиционные» укладные формы необходимо отличать от предшествующих капитализму действительно доколониальных местных укладов».

К этим соображениям следовало бы только добавить, что здесь понятия «докапиталистические» формы и «регресс» являются лишь данью линейному представлению о ходе исторического процесса, свойственного

истмату, за рамки которого принципиально не выходит В.В.Крылов. О тех же формах А.В.Чаянов, например, говорит «*некапиталистические*». Взаимодействие капитализма с общиной на периферии вряд ли можно считать и «регрессом», поскольку это именно симбиоз, позволяющий капитализму эффективно эксплуатировать периферии, а периферии — выжить в условиях огромного по масштабам изъятия из нее ресурсов. На путях буржуазной революции выйти из этого порочного круга невозможно. И если уж революция начинается (хотя бы и под знаменем либерально-буржуазной революции), она неминуемо в главном своем течении приобретает антибуржуазный характер.

Вернемся к той трактовке русской революции, которая давалась марксистами в начале века. Прусский — или американский путь? Сбылись ли эти предвидения и оправданны ли были пожелания? Нет, предвидения не сбылись. Революция свершилась, а капиталистического хозяйства как господствующего уклада не сложилось ни в одном из ее течений. Тезис о том, что революция была буржуазной, не подтвердился практикой. Сегодня более убедительной надо считать теоретическую концепцию, которая представляет русскую революцию как начало мировой волны крестьянских войн, вызванных именно сопротивлением крестьянского традиционного общества против разрушающего воздействия капитализма (против «раскрестьянивания»). В колыбели капитализма, Западной Европе, такие «антибуржуазные» революции (типа восстания крестьян Вандеи) потерпели поражение, а на периферии — победили или оказали огромное влияние на ход истории. Это революции в России, Китае, Мексике, Индонезии, Вьетнаме и Алжире.

В развитых крестьянских цивилизациях те формы симбиоза с общиной, которые навязывались капита-

лизмом, означали архаизацию крестьянского уклада и уже в прямом смысле регресс и разрушение. Община действительно была «стеснением». Но в то же время и капиталистическая модернизация, подобная той, что предложил Столыпин, была разрушительной и вела к пауперизации большей части крестьянства. Это была историческая ловушка, осознание которой оказывало на крестьян революционизирующее действие. Именно такое противоречие, принимающее характер порочного круга, когда любое его разрешение чревато катастрофой, и приводит к революциям. Так и получилось в России. Сама община превратилась в организатора сопротивления и борьбы. «Земля и воля!» — этот лозунг неожиданно стал знаменем русской крестьянской общины. Это оказалось полной неожиданностью и для помещиков, и для царского правительства, и даже для марксистов.

Если так, то данный Лениным в «Развитии капитализма в России» диагноз и главного противоречия, и движущей силы, и альтернативных исходов революции был ошибочным. Он делает в книге важнейший вывод: «Строй экономических отношений в «общинной» деревне отнюдь не представляет из себя особого уклада, а обыкновенный мелкобуржуазный уклад... Русское общинное крестьянство — не антагонист капитализма, а, напротив, самая глубокая и самая прочная основа его».

В рамках марксизма дать в то время иной диагноз было трудно. Взгляды же народников еще были в большой мере интуитивными и не могли конкурировать с марксизмом, который опирался на огромный опыт Запада.

Сам же Маркс представлял русскую революцию совершенно не по-марксистски. Он не только не считал

ее буржуазной, но и задачу ее видел как раз в том, чтобы спасти крестьянскую общину. Он писал: «Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция. Впрочем, русское правительство делает все возможное, чтобы подготовить массы к такой катастрофе. Если революция произойдет в надлежащее время, если она сосредоточит все свои силы, чтобы обеспечить свободное развитие сельской общины, последняя вскоре станет элементом возрождения русского общества и элементом превосходства над странами, которые находятся под ярмом капиталистического строя». Этот тезис никак не вяжется с главными утверждениями и пафосом книги Ленина.

В дальнейшем не только сам Маркс, но даже его последователи, в наибольшей степени проникнутые евроцентризмом, признавали своеобразие революции 1905-1907 гг., ее несводимость к формуле «буржуазной революции». Даже К.Каутский пишет (в русском издании 1926 г.): «Русская революция и наша задача в ней рассматривается не как буржуазная революция в обычном смысле, не как социалистическая революция, но как совершенно особый процесс, происходящий на границах буржуазного и социалистического обществ, служа ликвидации первого, обеспечивая условия для второго и предлагая мощный толчок для общего развития центров капиталистической цивилизации».

Итак, исход русской революции, по мнению Каутского, — ликвидация капиталистического строя в России и мощный стимул для укрепления капитализма на Западе. Не будучи в состоянии отказаться от своих взглядов на крестьянство, Каутский облекает свой вывод в обычную для истмата терминологию (революция не буржуазная и не социалистическая, но происходит на «границе» этих двух обществ). Сегодня мы не обязаны

загонять мысль в рамки негодных для данного случая понятий.

Видный историк Б.Мур пишет, анализируя все революции, начиная с Крестьянской войны в Германии и кончая Китаем: «Главной социальной базой радикализма были крестьяне и мелкие ремесленники в городах. Из этих фактов можно сделать вывод о том, что дух человеческой свободы выражается не только в том, в чем видел Маркс, — то есть в устремлениях классов, идущих к власти, но также — и, вероятно, даже больше — в предсмертном вопле класса, который вот-вот будет захлестнут волной прогресса». В ходе русской революции, а затем через создание советского строя человек с общинным мироощущением *овладел прогрессом*.

Условием для победоносной революции в России было то уникальное сочетание подъема сознания общинного крестьянства и молодого рабочего класса, которое понял Ленин, развивая идею о союзе рабочих и крестьян. Это подтверждено на опыте других революций, которые на деле означали огромную мировую антикапиталистическую революцию. Сравнивая поведение рабочих в разных странах, мы должны были бы прийти к выводу, что революционным, отрицающим сам буржуазный порядок как неправду, был рабочий класс именно там, где, как в России, он не потерял связь с землей, со своими крестьянскими корнями. Шесть крупных революций потрясли мир в XX веке, и все они опирались на крестьянство и пролетариат с сельскими корнями. Историк крестьянства Э.Вольф пишет: «Революционная активность, очевидно, является результатом не столько роста промышленного пролетариата как такового, сколько расширения промышленной рабочей силы, все еще тесно связанной с де-

ревенской жизнью. Сама попытка среднего и «свободного» крестьянина остаться в рамках традиций делает его революционным».

Открытость Ленина и догматизм ленинистов

Уже в ходе революции 1905-1907 гг. (после крестьянских волнений 1902 г.) начинает меняться представление Ленина о крестьянстве и его отношении к капитализму. Он рвет с установкой западной социал-демократии — избегать уступок крестьянам даже в виде включения аграрного вопроса в партийные программы. На IV (объединительном) съезде РСДРП он предлагает принять требование о «национализации всей земли» — крестьянский лозунг революции 1905 г. Это было настолько несовместимо с принятыми догмами, что против Ленина выступили не только меньшевики, но и почти все большевики. Луначарский даже упрекнул Плеханова за старую куцую программу, которую тот якобы протасил «из страха перед крестьянской революцией, из боязни, чтобы ее торжество не повлекло за собой и торжество народников над марксистами».

Сам Плеханов на IV съезде верно понял поворот Ленина: «Ленин смотрит на национализацию [земли] глазами социалиста-революционера. Он начинает даже усваивать их терминологию — так, например, он распространяется о пресловутом народном творчестве. Приятно встретить старых знакомых, но неприятно видеть, что социал-демократы становятся на народническую точку зрения».

После 1908 г. Ленин уже совершенно по-иному представляет сущность спора марксистов с народниками (кстати, спора, который он сам активно вел в по-

следние годы XIX века). Он пишет в письме И.И.Скворцову-Степанову: «Воюя с народничеством как с неверной доктриной *социализма*, меньшевики доктринерски просмотрели, прозевали исторически реальное и прогрессивное историческое содержание народничества... Отсюда их чудовищная, идиотская, ренегатская идея, что крестьянское движение реакционно, что кадет прогрессивнее трудовика, что «диктатура пролетариата и крестьянства» (классическая постановка) противоречит «всему ходу хозяйственного развития». «Противоречит всему ходу хозяйственного развития» — это ли не реакционность?!».

Из этого ясно видно, что трактовка, которую давал проблеме сам Ленин десять лет назад, ушла в прошлое, он о ней даже не вспоминает. «Чудовищная, идиотская, ренегатская идея» меньшевиков, не понявших прогрессивного содержания народничества, — это их позиция после революции 1905 г., которая выявила реальность. После этой революции мыслить в канонах марксизма десятилетней давности — значило именно стать ренегатами марксизма.

Т.Шанин пишет: «Какими бы ни были ранние взгляды Ленина и более поздние комментарии и конструкции, он был одним из тех немногих в лагере русских марксистов, кто сделал радикальные и беспощадные выводы из борьбы русских крестьян в 1905-1907 гг. и из того, в чем она не соответствовала предсказаниям и стратегиям прошлого. Вот почему, к концу 1905 г., Россия для него уже не была в основном капиталистической, как написано в его книге 1899 г.»¹.

¹ Ленин говорил на 7-м съезде РКП(б), что в России «самые развитые формы капитализма, в сущности, охватили небольшие верхушки промышленности и совсем мало еще затронули земледелие» (Соч., т. 36, с. 7).

Поддержка Лениным крестьянского взгляда на земельный вопрос означала серьезный разрыв с западным марксизмом. Т.Шанин пишет: «В европейском марксистском движении укоренился страх перед уступкой крестьянским собственническим тенденциям и вера в то, что уравнильное распределение земли экономически регрессивно и поэтому политически неприемлемо. В 1918 г. Роза Люксембург назвала уравнильное распределение земель в 1917 г. как создающее «новый мощный слой врагов народа в деревне».

В 1907 г. Ленин в проекте речи по аграрному вопросу во II Государственной думе прямо заявил о поддержке «крестьянской массы» в ее борьбе за землю и о союзе рабочего класса и крестьянства. Союзу не с сельским пролетариатом, а именно с крестьянством. Какой разительный контраст с книгой «Развитие капитализма в России»! В этой речи уже и намек нет на прогрессивность больших землевладений и бескультурие «одичалого земледельца». Здесь сказано нечто противоположное: «Вопиющую неправду говорят про крестьян, клеветают на крестьян те, кто хочет заставить Россию и Европу думать, будто наши крестьяне борются против культуры. Неправда!».

В 1908 г., Ленин пишет статью, само название которой наполнено большим скрытым смыслом: «Лев Толстой как зеркало русской революции». Уже здесь — совершенно новая трактовка русской революции, пересмотр одного из главных положений книги «Развитие капитализма в России». Ведь очевидно, что не мог быть Толстой зеркалом буржуазной революции.

В этой статье Ленин очень осторожно выдвигает кардинально новую для марксизма идею о революциях, движущей силой которых является не устранение препятствий для господства «прогрессивных» производственных отношений (капитализма), а именно предотвращение этого господства — стремление не пойти по

капиталистическому пути развития. Это — новое понимание сути русской революции, которое затем было развито в идейных основах революций других крестьянских стран.

Что отражает Толстой как «зеркало русской революции»? Теперь, согласно взгляду Ленина 1908 г., «протест против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеления масс, который должен был быть порожден патриархальной русской деревней». Не буржуазная революция, а протест против капитализма!

При этом Ленин не говорит здесь об униженных и оскорбленных, о раздавленных колесницей капитализма, об «одичалом земледельце» — он говорит о крестьянстве в целом: «Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России. Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, взятых как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как *крестьянской буржуазной революции*».

Чтобы не вступать в конфликт с системой взглядов русского марксизма, которую сам же он укреплял в своем труде 1899 г., Ленин говорит лишь об «особенности» нашей революции, но выделяет слово *крестьянская*. На деле речь шла не об особенностях, а о совмещении двух разных, а в главных вопросах и противоположно направленных революциях — буржуазной и крестьянской, глубоко *антибуржуазной*. Можно даже сказать, что крестьянская революция более антибуржуазна, нежели пролетарская, ибо крестьянство и капитализм несовместимы, а капитал и труд пролетария — лишь конкуренты на рынке¹.

¹ Говоря об официальной советской истории, Т.Шанин замечает: «Те цитаты из Ленина, которые не подходили к антикрестьянской тенденции, были просто забыты или затерялись».

Ленин, после урока революции 1905-1907 гг., теперь по-иному видит чаяния крестьянства: не освободиться от постылого надела, не превратиться в рабочего, а «расчистить землю, создать на место полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян, — это стремление красной нитью проходит через каждый исторический шаг крестьян в нашей революции». По сути, уже в 1908 г. Ленин отказывается от главных тезисов своей книги 1899 г. и признает, что народники верно определили конечный идеал, цивилизационное устремление 85% населения России, а значит, и грядущей русской революции.

Это новое понимание и сделало Ленина вождем революции. Второй, помимо Ленина, великий русский политик, который так же глубоко понял урок первой революции, Столыпин, отдал все силы делу раскола и «умиротворения» крестьянства — и потерпел крах.

Столь же осторожно, но существенно развивает Ленин мысль об антибуржуазном характере крестьянской революции. В 1910 г. он пишет в связи со смертью Л.Н.Толстого: «Его непреклонное отрицание частной поземельной собственности передает психологию крестьянской массы... Его непрестанное обличение капитализма передает весь ужас патриархального крестьянства, на которого стал надвигаться новый, невидимый, непонятный враг, идущий откуда-то из города или откуда-то из-за границы, разрушающий все «устои» деревенского быта, несущий с собою невиданное разорение, нищету, голодную смерть, одичание, проституцию, сифилис...»

Здесь уже и речи нет о прогрессивном влиянии капитализма, устраняющем «азиатчину» из русской деревни. Наоборот, капитализм несет в нее одичание и невиданное разорение. Нет здесь и следа старой догмы

о свершившемся разделении крестьян на буржуазию и пролетариат. Это — полное отрицание старого тезиса, что общинное крестьянство — опора капитализма. Капитализм — враг крестьянства в целом. И в ходе революции (как в 1905-1907, так и летом 1917 г.) не бедные крестьяне («пролетарии») громили «крестьянскую буржуазию», а крестьянская община приговаривала к сожжению избы, а то и целые деревни соседей, изменивших общему решению схода¹.

И именно по вопросу о крестьянстве стала все более и более проходить линия, разделяющая большевиков и меньшевиков, которые все сильнее тяготели к блоку с западниками-кадетами. И вопрос, по сути, стоял так же, как был поставлен в двух Нобелевских комитетах (по литературе и по премиям мира), которые отказали в присуждении премий Льву Толстому — самому крупному мировому писателю того времени и первому всемирно известному философу ненасилия. Запад не мог дать Толстому премию, ибо он «отстаивал ценности крестьянской цивилизации» в ее борьбе с наступлением капитализма.

Мы в советское время, бездумно слушая профессоров марксизма-ленинизма, не замечали того, что четко зафиксировали современники и оппоненты Ленина: выводы его труда «Развитие капитализма в России» им самим де-факто признаны ошибочными, и он принципиально изменил всю теоретическую концепцию. В 1912 г. М.И.Туган-Барановский подчеркнул: «Аграрные программы марксистов стали все ближе приближаться к аграрным программам народников, пока наконец ме-

¹ В Харьковской губернии в 1907 г. была сожжена вся деревня Дмитровка из-за того, что ее жители отказались от участия в договоренном совместно с соседними деревнями нападении на помещичью усадьбу.

жду ними не исчезли какие бы то ни было принципиальные различия. И те, и другие почти с одинаковой энергией требовали перехода земли в руки крестьянства... При таком положении дел старые споры и разногласия решительно утрачивают свой смысл. Жизнь своей властной рукой вынула из-под них почву».

Я думаю, что завершением большого пути Ленина — от ортодоксального марксиста и евроцентриста, написавшего «Развитие капитализма в России», до творца советского строя и вождя цивилизационного масштаба — можно считать Апрельские тезисы 1917 г.

В них содержался цивилизационный выбор, прикрытый срочной политической задачей. Не буржуазная республика, а идущие от крестьянской общины Советы, не ускоренное развитие капитализма с последующей пролетарской революцией, а продолжение некапиталистического пути развития в форме социализма.

Это чутко уловил А.М.Горький с его антикрестьянским чувством: «Когда в 17 году Ленин, приехав в Россию, опубликовал свои «тезисы», я подумал, что этими тезисами он приносит всю ничтожную количественно, героическую качественно рать политически воспитанных рабочих и всю искренно революционную интеллигенцию в жертву русскому крестьянству».

Суть Апрельских тезисов и следующего за ними Октября как цивилизационного выбора, как отказ от евроцентризма и признание своеобразия России отметили многие левые идеологи России и Европы. Лидер эсеров В.М.Чернов считал это воплощением «фантазий народников-максималистов», лидер Бунда М.И.Либбер (Гольдман) видел корни взглядов Ленина в славянофильстве. Отсюда — антисоветизм Плеханова и Засулич, смычка меньшевиков с белыми. На Западе сторонники Каутского определили большевизм как «азиат-

зацию Европы». В дальнейшем эти идеи развил Л.Д.Троцкий.

Наконец, в полной мере понимание Лениным сути крестьянской экономики проявилось при выработке концепции нэпа. Вопрос тогда снова был поставлен ребром, без доктринерства. Двум наиболее авторитетным экономистам-аграрникам России Л.Н.Литошенко и А.В.Чаянову было поручено подготовить два альтернативных программных доклада. Л.Н.Литошенко рассмотрел возможности продолжения, в новых условиях, варианта «реформы Столыпина» — создания фермерства с крупными земельными участками и наемным трудом. А.В.Чаянов исходил из развития трудовых крестьянских хозяйств без наемного труда с их постепенной кооперацией.

Доклады в июне 1920 г. обсуждались на комиссии ГОЭЛРО (это был прообраз планового органа) и в Наркомате земледелия. В основу государственной политики была положена концепция А.В.Чаянова. Его главная идея, что крестьянская экономика не есть капитализм, восторжествовала. Ленин убедил партию, что в России «смычка с крестьянской экономикой» (главный смысл нэпа) — фундаментальное условие построения социализма. Иными, словами, нэп был вызван не конъюнктурой, а всем типом России как крестьянской страны.

Хотя и теперь Ленин не пошел на открытое столкновение со всей конструкцией понятий и категорий марксизма. Проще было назвать нэп временным отступлением, уступкой буржуазной сущности крестьянства. Назови хоть горшком! Главное тогда было решить срочную проблему стратегического выбора. А нам, догматикам, этот двойной язык дорого обошелся. Мы описывали советское хозяйство в терминах рыночной экономики и допустили его разрушение — так же, как

до этого приняли разрушительную формулу коллективизации.

Главное значение труда Ленина сегодня — исторический урок. Он, на мой взгляд, в следующем: длительное сохранение неадекватной системы понятий, даже если в условиях авторитарного государства есть возможность принимать верные стратегические решения, в конце концов ведет к поражению. Для анализа нынешнего кризиса полезно рассмотреть труд Ленина «Развитие капитализма в России» как заданную на весь XX век парадигму — вместе с противоречащими ей явлениями.

Мы должны заново осмыслить революцию 1905-1907 гг., реформу Столыпина, Февраль-Октябрь 1917 г., нэп, индустриализацию-коллективизацию и крах 1988-1994 гг. Только тогда нам станут понятны причины двух важнейших наших катастроф XX века: неизбежности превращения реформы Столыпина в крестьянскую коммунистическую революцию, которая улеглась, породив советский строй, — и краха советского строя с параличом хозяйства при реформе 90-х годов.

Уроки Столыпина

Крупной акцией в антисоветской кампании конца XX века стало создание «мифа Столыпина». Тот, чье имя сочеталось со словом «реакция», стал кумиром демократической публики! Ведь дошло до того, что в среде интеллигенции Столыпин стал самым уважаемым деятелем во всей истории России — 41% поставили его на первое место. Выше Александра Невского, Петра Великого или Жукова. Это такое красноречивое явление, что надо на нем остановиться подробнее.

Вот ирония истории: как только Руцкого выбрали губернатором Курской области, он заявил, что преклоняется перед Столыпиным. А ведь именно в Курской губернии особо постарались в 1906 г. каратели, именно здесь в ответ на эти действия летал «красный петух». Когда уже была подавлена революция 1905 г. и, казалось, никто и пикнуть не смел, в Курской губернии протесты крестьян были на удивление массовыми: жечь усадьбу князя Барятинского в селе Снагости собрались 3 тысячи крестьян, а усадьбу графа Шереметева в селе Борисовка — 2 тысячи крестьян. В обоих случаях волнения произошли после того, как при разгоне крестьянских сходо́в стража открывала огонь и были убитые и раненые. В обоих случаях расправа над крестьянами была жестокой.

Столыпин прославился на двух поприщах — как министр внутренних дел, давший целую доктрину борьбы с революцией («успокоение»), и как премьер-министр с 1906 по 1911 г., проводивший «столыпинскую реформу». До этого он был губернатором в Гродно, часто ездил в Пруссию и уже в молодости стал поклонником хуторского хозяйства Прибалтики, потом служил саратовским губернатором. Лично выезжал на усмирение крестьянских волнений, бывал и под градом камней, и под пулями, приказывал пороть целые деревни. Но ведь не за это же полюбила Столыпина наша трудовая интеллигенция.

Фигура Столыпина была раздута в перестройке не потому, что его реформа была успешной. Реформа провалилась по всем пунктам. Главное — замысел. Столыпин был альтернативой советской аграрной политике, как бы предшественником Горбачева и Чубайса. Он разрушал сельскую общину — так же, как А.Н.Яковлев мечтал разрушить колхоз.

В своих делах Столыпин вошел в непримиримый конфликт с русской жизнью — как умом, так и сердцем. В области разума, науки ему противостояла русская агрономическая мысль, воплощенная в А.В.Чаянове. А в области духа ему противостоял Лев Николаевич Толстой, выразитель философии крестьянства, «зеркало русской революции». Тот, кто преклоняется перед Столыпиным, неминуемо отвергает и Чаянова, и Толстого — они с ним несовместимы.

Вспомним замысел реформы Столыпина. После отмены крепостного права в 1861 г. крестьян оставили почти без земли. Было утверждено «временнообязанное» состояние — крестьяне были обязаны продолжать барщину или оброк до выкупа земли. Почему-то решили, что это продлится 9 лет, а за это время крестьяне накопят денег на выкуп. На деле это затянулось до 1881 г., и пришлось издать закон об обязательном выкупе.

Чтобы закрепить крестьян на земле, заставить их выкупать землю и облегчить сбор податей, помещики и правительство ужесточили круговую поруку — усилили власть общины, затруднили выход из нее. Но сама община менялась и развивалась — и превратилась в организатора сопротивления и борьбы. Поскольку все помыслы Столыпина были направлены на модернизацию при сохранении помещичьей собственности, он стал вождем тех сил, которые начали уничтожать общину. В этом и была суть реформы. Задумано было так: если принудить к выходу из общины с наделом, то произойдет быстрое расслоение крестьян, богатые скупят все наделы и станут фермерами, а остальные — батраками. Получится капитализм на селе, опора строя.

Но сама идея реформы не отвечала реальности. Выше уже говорилось о возникшем в России «сектор-

ном разрыве» — порочном круге столь фундаментального характера, что его никак не могла разорвать реформа, не предполагавшая никаких вложений ресурсов в сельское хозяйство.

Неблагоприятным для реформы было и состояние общественного сознания. Измученные выкупными и подушными податями, крестьяне озлобились и на помещиков, и на правительство. В многоземельной Саратовской губернии 893 помещика владели 2 млн. га земли, а 336 тыс. крестьянских дворов — 3 млн. га (в среднем по 8 га на двор). Даже в урожайные годы крестьяне, чтобы расплатиться с налогами и выкупными, подчистую продавали хлеб и питались очень скудно.

И в 1902 г. по всей черноземной полосе Украины и Центра прошла полоса восстаний. По сути, началась крестьянская революция, на фоне которой наступил 1905 г. В этих условиях начать жесткую реформу по развалу общины — значило пойти ва-банк. Ведь реформа предполагала создать «крепких хозяев» — но одновременно и массу разоренных людей. Что перевесит? «Столпы общества» предупреждали: если реформа не увенчается успехом, ее результатом будет как раз революция.

В 1906 г., став премьером, Столыпин начал лихорадочно проводить план в жизнь. С одной стороны, поощрялся выход из общины и переселение безземельных в Сибирь, давались даже небольшие ссуды. С другой стороны, жестоко каралось всякое сопротивление крестьян разделу общины. Толстой был категорически против частной собственности на землю, и толково объяснял, почему это губительно для России. Он писал об указе 9 ноября 1906 г. о выходе из общины и закреплении наделной земли в частную собственность: «Крестьяне знают, что все попытки освобождения их от земельного рабства всегда разбивались об закосне-

лость царского правительства, которое в насмешку над их законными требованиями дало им закон 9 ноября, вносящий только еще новое зло в их отчаянное положение».

Кто же оказался прав: Чаянов и Толстой, вместе с критиками реформы «справа», — или Столыпин? История ответила четко: реформа Столыпина провалилась, она прямо привела к революции. Причина — не в ошибках, слабостях и даже не в нехватке средств. Причина — в несоответствии идей Столыпина интересам основной массы крестьянства и реальности периферийного капитализма. Россия была в совсем ином положении, чем Пруссия.

Ход реформы Столыпина досконально изучался несколькими группами экономистов-аграрников, земствами и МВД. Они были честнее, чем нынешние реформаторы, и публиковали данные. Разберем три вопроса: в каких масштабах была разрушена община; кто скупил землю; что дала реформа России (пусть даже вопреки интересам крестьян). Итак, реформа началась с указа 9 ноября 1906 г., который был заменен гораздо более жесткими законами 14 июня 1910 г. и 29 мая 1911 г. (они предусматривали уже не добровольный выход, а принудительную приватизацию наделов).

По данным Вольного экономического общества, за 1907-1915 гг. из общины вышли 2 млн. семей. По данным МВД, 1,99 млн. семей. Более половины из этого числа вышли за два года — 1908 и 1909, потом дело пошло на спад, вопреки сильному экономическому и административному давлению. То есть, всего из общины вышло около 10% крестьянских семей. Община в центре России устояла. Не удалось и «расчистить» землю от «слабых» крестьян. Из тех, кто, продав надел, двинулся в Сибирь, огромное число разорилось и вер-

нулось озлобленными и нищими (с 1907 по 1914 г. официально зарегистрировано свыше 1 млн. семей «обратников»).

Выше приведены сведения о том, как шла продажа земли во время реформы. Как было сказано, продавалась земля через Крестьянский поземельный банк, и за время его существования общинами было куплено 3,06 млн. дес., товариществами (кооперативами) 10 млн., а частными хозяевами 3,68 млн. дес. земли. Динамика покупки земли приведена на рис. 1.

Очевидно, что реформа не создала таких условий, чтобы процесс пошел сам, по нарастающей, чтобы он втягивал в себя крестьянство, пусть и после начального периода сопротивления. Более того, переселенцы в Сибири стали объединяться в общины, и сам Столыпин, посетив те места, признал, что это разумно. Он был человек умный и патриот России. Но — поверил в фермерство, потому что смолоду служил в западных областях. Там, кстати, реформа прошла успешно: в Гродненской и Виленской губ. число безземельных крестьян в 1915 г. уже составляло 2/3, в Ковенской и Витебской 1/2 всех дворов.

Главное в опыте реформы было то, что трудовые крестьянские хозяйства, выйдя из общины и даже приобретя, с большими лишениями, дополнительные наделы, быстро теряли землю.

Заметим, что закон запрещал продавать более шести наделов в одни руки (средний надел составлял 7 дес.). Видно, была и тогда в России коррупция, хотя демократия еще не победила. Вот статья корреспондента газеты из Ставропольской губернии («Наша зоря», 1910, № 3): «За два года лишились земли 5300

дворов, причем немало дворов, владевших более чем одним наделом. Общая цифра проданных крестьянами наделов выразится числом около 6360. Скупкой наделов земля сосредоточивалась в одних руках. Случаи покупки 30, 40 и более наделов нередки. Средний крестьянский надел с выпасами, выгонами и прочими угодьями принимается в 7 дес. Средняя продажная цена за десятину — 40 руб. Цифра эта колеблется между 25 и 65 руб., преобладающая же продажная цена — 45 руб. Помещичьи земли и земли, продаваемые земельным крестьянским банком, идут не ниже 125 руб. за десятину. И более 50% всех сделок по продаже совершено за наличный расчет».

Зачем скупали землю кулаки? Часть — для спекуляции. Часть — для организации ферм с наемным трудом.

Исследования, проведенные в ряде губерний земствами и Главным управлением земледелия и землеустройства, повторяют общий вывод о социальном лице скупщиков земли. Вот примеры выводов. «Безземельные покупщики земли как из имений банка, так и от частных владельцев — это в подавляющем большинстве представители крестьянской буржуазии, но только скопившие себе капитал не около земли, а каким-то другим путем и теперь вложившие этот самый капитал в землю на предмет первоначального накопления уже возле матери-земли» (Симбирское земство). В Ефимовском уезде Тульской губ. из 105 обследованных «банковых» хуторян 52 принадлежали к мещанам и к лицам некрестьянского сословия (духовенство, полицейские, сидельцы винных лавок и пр.), 29 к деревенским кулакам и только 24 к крестьянам. Так же и в се-

верных и промышленных губерниях: «Законом 9 ноября спешили воспользоваться здесь лишь элементы, и так давно уже порвавшие с деревней и переселившиеся в город».

Вот описание самой фигуры скупщика земли и того типа продажного юриста, которого породила реформа, данное депутатом I Государственной думы от Саратовской губ. Аникиным («Вестник Европы», февраль 1909): «Как ночной шакал, роется он острым рылом в наследии помещного дворянства, не брезгуя и отбросами общины. Он не имеет исторически нарощенных привилегий своих предшественников, но уже верхним чутьем угадывает, что будущее может остаться за ним. К услугам таких господ появились и ученые юристы-адвокаты, которые, разъезжая по селам, «за скромную плату» устраивают выделы из общины и продажу душ. Чичиковы нашего времени, они рыскают, как голодные волки, по деревням и селам». Пресса тех лет полна такими описаниями. Это — о той сельской буржуазии, которая возникла в ходе реформы. А изъятие земли у тех трудовых крестьянских хозяйств, которые вышли из общины и прикупили надел или два, происходило просто — через тот же Крестьянский банк.

Вот вывод ученых: «Продавая земельные участки по невероятно вздутой цене и в то же время беспощадно взыскивая платежи, банк в конце концов приводил к разорению своих наименее имущих и состоятельных покупателей, и последние нередко или оказывались вынужденными добровольно продавать свои участки и оставаться совсем без земли, или насильственно удалялись, «сгонялись» самим банком за неисправный взнос платежей». Банк покупал землю в среднем по 45

руб. за десятину, а продавал землю из своего имения по цене до 150 руб., а землю помещиков еще дороже (год от года цены колебались).

Сегодня реформаторы говорят, что если будет разрешена продажа земли, то фермер сможет заложить свою землю в банк, получить кредит, купить на него машины, удобрения и семена — а осенью расплатиться. Этому может поверить только Буратино. Фермер не расплатится и неизбежно потеряет землю. Потому и сохранилась в России земля у крестьян, что общинное право содержало абсолютный запрет на залог земли. Удивительно, как люди не замечают очевидной вещи: ведь банк и может давать кредит под меньший процент, чем коммерческие банки, только потому, что покрывает эту разницу продажей отобранной за неуплату земли. При той низкой цене, какая устанавливается на землю в России, отбирать земли придется много — иначе банку не продержаться.

Что же дала для развития сельского хозяйства именно реформа Столыпина? Объективные данные таковы. Реформа способствовала распашке целины в Сибири и Казахстане (кое-где создавая острые национальные проблемы и вызывая массовый угон скота в Китай). Но для этого не требовалось разрушать общину в центре России. Главное, что не произошло заметного шага в улучшении техники и организации земледелия. Площади посевов выросли за годы реформы на 10,5 млн. дес. (на 14%). Производство в 1911-1915 гг. по сравнению с 1901-1905 гг. выросло: пшеницы на 12%, ржи на 7,4, овса на 6,6 и ячменя на 33,7%.

Главный признак интенсивного хозяйства — рост животноводства («перегон зерна и кормов в мясо»). А

вот вывод статистики: «По всем без исключения видам скота наблюдается (в 1905-1914 гг.) сокращение в расчете на 100 жителей населения. С наступлением кризиса трехполья не хватает кормовых средств на содержание скота». То есть, реформа переориентировала часть земли на товарный хлеб (на экспорт), но при этом нарушился баланс земледелия и животноводства.

В целом прирост продукции в сельскохозяйственном производстве в результате реформы Столыпина упал. В 1901-1905 гг. он составлял 2,4% в год, а в 1909-1913 гг. снизился в среднем до 1,4%. Прирост продовольствия стал ниже прироста населения.

Безусловно, в те годы село России укрепилось. Но этому способствовала не продажа земли, а тот факт, что в результате революции 1905 г. были отменены выкупные платежи за землю, тяжелейшее бремя для крестьян (в 1903 г. эти платежи составили 89 млн. руб. — почти половину того, что сельское хозяйство России получало за экспорт хлеба). Кроме того, в 1909 и 1910 гг. существенные средства селу дал богатый урожай. Выросли закупки техники, начали появляться удобрения.

В целом вызвав тяжелые социальные потрясения, реформа Столыпина не дала заметного общественного и экономического эффекта. Кооперация крестьян обещала дать значительно больше, чем классовое расслоение и капиталистическое ведение хозяйства.

Тяжелым, но предельно показательным экзаменом для двух типов хозяйства — трудового крестьянского и частного — стала мировая война. К концу 1916 г. в армию было мобилизовано 14 млн. человек. Село в разных местах потеряло от трети до половины рабочей силы. Как же ответило на эти трудности хозяйство —

крестьянское и буржуазное? По всей России к 1915 г. посевная площадь крестьян под хлеба выросла на 20%, а в частновладельческих хозяйствах уменьшилась на 50%. В 1916 г. у частных вообще осталась лишь четверть тех посевов, что были до войны. В трудных условиях крестьянское хозяйство оказалось несравненно более жизнеспособным.

Более того, 23 сентября 1916 г. царское правительство ввело продразверстку (пусть об этом вспомнят наши демократы) и установило твердые цены, хотя кое для кого с послаблениями. И вот вывод раздела «Сельское хозяйство» справочного труда «Народное хозяйство в 1916 г.»: «Во всей продовольственной вакханалии за военный период всего больше вытерпел крестьянин. Он сдавал по твердым ценам. Кулак еще умел обходить твердые цены. Землевладельцы же неуклонно выдерживали до хороших вольных цен. Вольные же цены в 3 раза превышали твердые в 1916 г. осенью».

Таким образом, общинный крестьянин, трудом стариков и женщин увеличив посевы хлеба для России, еще и сдавал хлеб втрое дешевле, чем буржуазия. А его тогдашние и нынешние черниченки уже сто лет поносят последними словами, требуя отдать землю кулакам, а сегодня и помещикам.

И еще — мелочь, но какая красноречивая. В 1915 г. правительство, чтобы смягчить нехватку рабочей силы, стало распределять по хозяйствам военнопленных (всего 266 тысяч) за небольшую плату. Их охотно брали кулаки и помещики. А крестьяне отказывались, как они говорили, «пользоваться дешевым подневольным трудом военнопленных». В центре России в среднем на

1000 работников у крестьян работало 3 военнопленных, а у частных владельцев — 270!

История повторяется сызнова, и, если Чубайса не остановить, добром опять не кончится. И лучше бы нашей интеллигенции не выдумывать себе сусального образа Столыпина, а помочь умерить пыл реформаторов, начитавшихся западных книжек.

ШТРИХИ К СОЦИАЛЬНОМУ ПОРТРЕТУ РОССИИ: КТО ШЕЛ В РЕВОЛЮЦИЮ

Перед нами стоит большая и в действительности новая задача — понять, почему развитие капитализма в России привело к революции, которая взорвала сословное общество и государство, но в то же время открыла дорогу вовсе не рыночной экономике и буржуазному государству, а совершенно иному жизнеустройству — советскому строю.

Официальное советское обществоведение нас просто уводило от этого вопроса, деля его на части и давая каждой части вопроса вроде бы логичный «марксистский» ответ. Мол, капитализм был для России прогрессивным строем, но ему мешали остатки крепостничества, поэтому произошла буржуазно-демократическая революция (сначала «репетиция» в 1905 г., затем успешная в феврале 1917 г.). Так бы и шло дело, но, благодаря прозорливости и умелому руководству, пролетариат сумел воспользоваться моментом и вырвать власть у буржуазии. Буржуазная революция *переросла* в социалистическую!

Да, в каждой части такого ответа есть разумное зерно, но обе части не стыкуются, между ними — несоизмеримость. Почему же триумфальная буржуазная революция, открывавшая простор прогрессивному строю,

вдруг сникла настолько, что небольшой по величине и очень незрелый пролетариат вдруг смог вырвать власть? С чего это успешная буржуазная революция «переросла» в свою противоположность? В чем была чудесная сила ничтожной по величине партии большевиков, против которой к тому же ополчились как раз в вопросе о социалистической революции все ее возможные союзники («левые силы»)? Ведь зерно вопроса именно здесь, но оно было умело изъято из разговора путем деления проблемы на две части (а исторического времени — на два последовательных этапа, на Февраль и Октябрь).

Сегодня мы можем и даже обязаны подойти к вопросу хладнокровно — не устраняя все неувязки ссылкой на гениальность Ленина, но и не следуя еще более примитивной сказке о кознях хитрых большевиков. Давайте очертим кратко «портреты» главных социальных сил России к моменту Февраля с точки зрения их отношения к главным ценностям и порядкам буржуазно-либерального (капиталистического) жизнеустройства. А потом сделаем то же самое для тех политических организаций и движений, которые выражали это отношение главных социальных сил.

Итак, в XIX веке Россия переживала новую (после реформ Петра) волну *модернизации* — развитие промышленности по образцам западного капиталистического хозяйства. Но это развитие происходило в совершенно иных культурных и социальных условиях, нежели за двести лет до этого на Западе, так что накопившиеся противоречия подвели к революции с иными, нежели на Западе, «действующими лицами». Рассмотрим вначале социальный портрет той части российского общества, которая на время соединилась в революционном процессе «Февраля».

Крестьяне представляли самое большое сословие (85% населения). К ним примыкала значительная прослойка тех, кто вел «полукрестьянский» образ жизни. В России, в отличие от Запада, не произошло длительно-го «раскрестьянивания», сгона крестьян с земли и превращения их в городской пролетариат. Напротив, к началу XX века крестьянская община почти «переварила» помещика и стала «переваривать» немногочисленных хозяев типа капиталистического фермера. Динамика этого процесса показана на рис. 2.

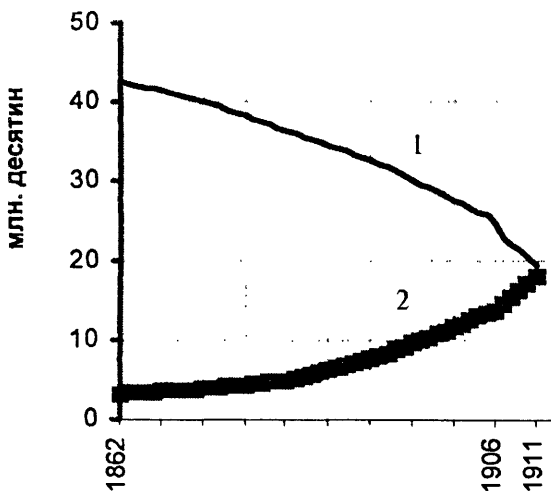

Рис 2. Помещичье (дворянское) (1) и крестьянское (2) землевладение в Европейской России в 1862-1911 гг.

Дотошное изучение статистических данных о собственности на землю в России по всем областям было проведено по результатам трех переписей — 1878, 1887 и 1905 гг. Эти данные сведены, например, в книге Д.А.Тарасюка «Поземельная собственность пореформенной России» (М., Наука, 1981). Вот наиболее точная картина. В 1877 г. в частном владении было 23,8% земли (80% владельцев были дворяне), наделная общинная земля составляла 33,6%, казенная, удельная, церковная и т.д. земля — 42,6%. Земля, которая находилась в частной собственности небольшого числа зажиточных крестьян, составляла всего 3,8% наделной общинной земли. К 1905 г. положение существенно не изменилось: в частном владении 26,1%, наделная общинная земля составляла 33,8%, казенная — 40,1%. Разница лишь в том, что среди частных владельцев дворяне имели теперь только 52,3% — они распродали с 1877 г. 30% своей земли.

Попытка быстро создать на селе классовое общество в виде фермеров и сельскохозяйственных рабочих через «революцию сверху» (реформа Столыпина) не удалась. Издавая первый Указ (9 ноября 1906 г.), сам Столыпин сказал, что цель этого Указа — «вбить клин в общину». Причем с самого начала было ясно, что такое глубокое изменение всего жизнеустройства деревни не будет поддержано крестьянами. Столыпин предупреждал, что не следует «ставить в зависимость от доброй воли крестьян момент ожидаемой реформы».

Об отношении общины к землепользованию и к реформе написано море литературы, в том числе за рубежом. Обычно община не возражала, если при очередном переделе кто-то хотел выделиться на хутор на краю общинной земли. Но во время реформы такое выделение стало насаждаться насильно, причем власти поддерживали «сепаратистов», так что те требовали

себе лучшие участки. Этому община уже сопротивлялась. Но главный конфликт возник, когда землеустроители, чтобы не возиться, перешли к повальной приватизации, сразу разбивая на участки землю всей деревни.

В воспоминаниях земского начальника из Вологодской губ. В.Поливанова описан такой случай. В страду в деревню приехали землеустроители, созвали сход и объявили, что велено делиться на хутора. Сход посоветовался и отказался. Начальник пообещал ссуду, потом угрожал арестовать «бунтовщиков», потом пригрозил прислать на постой солдат. Крестьяне твердили: «Как старики жили, так и мы будем жить, а на хутора не согласны». Тогда начальник пошел пить чай, а крестьянам велел сесть на землю и ждать. Вышел поздно вечером. «Ну как, согласны?». Сход ответил: «Все согласны. На хутора так на хутора, на осину так на осину, только чтобы всем, значит, вместе». Поливанов пишет, что ему удалось дойти до губернатора и отложить реформу деревни Лопатихи. Историк П.Зырянов, который приводит этот рассказ, отмечает, что это типичный случай с нетипичным эпилогом.

Подавляющее большинство населения России пошло к революции, соединенное в огромное *сословие* крестьян, сохранивших особую культуру и общинное мировоззрение — по выражению М.Вебера, «архаический аграрный коммунизм» (говорить о *классовом* сознании было бы неправильно, т.к. в точном смысле этого слова крестьяне России класса не составляли). Этот коммунизм вытекал не из религиозных или идеологических доктрин, а из исторически данных русскому крестьянству условий жизни.

На большом международном семинаре в 1995 г., посвященном проблеме голода, историк В.В.Кондрашин говорил: «Страх перед голодом был одной из при-

чин консолидации российского крестьянства в рамках традиционной поземельной общины. В течение столетий в условиях налогового гнета государства, помещичьей кабалы община обеспечивала минимальное приложение сил трудовых своих членов, удерживала массу крестьянских хозяйств от разорения. В общине традиционно была взаимоподдержка крестьян в случае голода. Общественным мнением была освящена помощь в деле спасения от голода слабейших крестьянских семей. Надо сказать, что хроническое недоедание крестьян [в пореформенный период] создавало в России социальную базу для большевизма и распространения уравнилельных коммунистических идей».

Главные ценности буржуазного общества — *индивидуализм* и *конкуренция* — в среде крестьян не находили отклика, а значит, и институты буржуазного государства и нормы буржуазного права для подавляющего большинства народа привлекательными не были. Даже в самом конце XIX века русская деревня (не говоря уж о национальных окраинах) жила по нормам *традиционного* права с очень большим влиянием общинного права.

Английский исследователь крестьянства Т.Шанин рассказывает такую историю: «В свое время я работал над общинным правом России. В 1860-е годы общинное право стало законом, применявшимся в волостных судах. Судили в них по традиции, поскольку общинное право — традиционное право. И когда пошли апелляции в Сенат, то оказалось, что в нем не знали, что делать с этими апелляциями, ибо не вполне представляли, каковы законы общинного права. На места были посланы сотни молодых правоведов, чтобы собрать эти традиционные нормы и затем кодифицировать их. Была собрана масса материалов, и вот вспоминается один интересный документ. Это протокол, который вел один из таких молодых правоведов в волостном суде,

слушавшем дело о земельной тяжбе между двумя сторонами. Посоветовавшись, суд объявил: этот прав, этот неправ; этому — две трети спорного участка земли, этому — одну треть. Правовед, конечно, вскинулся: что это такое — если этот прав, то он должен получить всю землю, а другой вообще не имеет права на нее. На что волостные судьи ответили: «Земля — это только земля, а им придется жить в одном селе всю жизнь».

В начале XX века в значительной части просвещенного слоя господствовало мнение об отсталости русского крестьянства (дикости, азиатчине и т.д.). Это вполне совмещалось с «любовью к народу» и почтением к тем духовным авторитетам, например, Льву Толстому, которые всем своим творчеством доказывали, что такое представление о крестьянстве ложно. Здесь, думаю, сказался важный дефект европейского образования в незападных культурах. За корявой, «азиатской» внешностью какого-либо социального явления образованный человек с трудом различает суть. Этот дефект мы в полной мере унаследовали и умножили в советское время, и он сыграл фатальную роль во время перестройки. А.Н.Энгельгардт писал в Письме пятом:

«Какая разница в этом отношении между рассказами Тургенева и Успенского, рисующими русского крестьянина! Сравните тургеньевских «Певцов» с «Обозом» Успенского. Внешняя сторона у Успенского вернее, чем у Тургенева, и, попав в среду крестьян, вы в первый момент подумаете, что картина Успенского есть действительность, «голая правда», а картина Тургенева — подкрашенный, наряженный вымысел. Но подождите, и через несколько времени вы убедитесь, что певцы Тургенева *есть*, а извозчиков Успенского *нет*. В деревне вы услышите этих «Певцов» и в песне косцов, возвращающихся с покоса, и в безобразном трепаче подгулявшей пары, возвращающейся с ярмарки, и в хоре

калек переходящих, поющих о «блудном сыне», но «Обоза» вы не увидите и не услышите».

И вот его наблюдение, важное для понимания роли крестьян в революции: «И что меня поражало, когда я слышал мужицкие рассуждения на сходках, — это свобода, с которой говорят мужики. Мы говорим и оглядываемся, можно ли это сказать? а вдруг притянут и спросят. А мужик ничего не боится. Публично, всенародно, на улице, среди деревни мужик обсуждает всевозможные политические и социальные вопросы и всегда говорит при этом открыто все, что думает. Мужик, когда он ни царю, ни пану не виноват, то есть заплатил все, что полагается, спокоен. Ну, а мы зато ничего не платим» (А.Н.Энгельгардт, «Письмо шестое»).

Позволю себе сослаться на личное впечатление. Мне кажется, что люди, выросшие под давлением хорошего формального образования, часто незаметно для себя начинают считать, что только такое формальное образование и служит носителем высокой культуры и сильного способа мышления. Зерно истины в таких воззрениях есть, но не такое уж большое. В детстве, в последние годы войны, я большую часть времени прожил вдвоем с дедом в деревне. Мы много беседовали. Я с тех пор набрался знаний, но не поумнел, мыслю примерно так же, как тогда, и хорошо помню те разговоры. Дед мой был бедняк из казаков. Но он был один из умнейших людей, каких мне пришлось встретить в жизни. Именно умнейших, способных к важным и свободным умозаключениям, охватывающим и широкие исторические периоды, и большие пространства. При этом он был человеком высокой и тонкой культуры, с «многослойной» деликатностью (не знаю, годится ли слово «диалектическая»). Все это было продуктом его воспитания в крестьянской культуре. Для многих из нынешних интеллигентов мой дед показался бы

«корявым», да и похож он был на киргиза. И вряд ли они бы нашли интересным с ним разговаривать.

Вернемся к условиям жизни русских крестьян. А.Н.Энгельгардт обращает внимание на очень важный факт: интеллигенция в общем не имела представления о самых главных сторонах жизни крестьян, и прежде всего об их питании. Он пишет в «Письме девятом»: «Еще в октябрьской книжке «Отеч. Записок» за прошлый год помещена статья, автор которой на основании статистических данных доказывал, что мы продаем хлеб не от избытка, что мы продаем за границу наш насущный хлеб, необходимый для собственного нашего пропитания...¹ Многих поразили этот вывод, многие не хотели верить, заподозревали верность цифр, верность сведений об урожаях, собираемых волостными правлениями и земскими управами... Тому, кто знает деревню, кто знает положение и быт крестьян, тому не нужны статистические данные и вычисления, чтобы знать, что мы продаем хлеб за границу не от избытка... В человеке из интеллигентного класса такое сомнение понятно, потому что просто не верится, как это так люди живут, не евши. А между тем это действительно так. Не то, чтобы совсем не евши были, а *недоедают*, живут впроголодь, питаются всякой дрянью. Пшеницу, хорошую чистую рожь мы отправляем за границу, к немцам, которые не будут есть всякую дрянью... Но мало того, что мужик ест самый худший хлеб, он еще *недоедает*».

К теме питания крестьян он возвращается неоднократно, как и впоследствии в своих статьях Лев Толстой. Тем, кто хочет понять истоки русской революции, все это надо читать. А.Н.Энгельгардт пишет в том же

¹ Речь идет о статье П.Е.Пудовикова «Хлебные избытки и народное продовольствие» в журнале «Отечественные записки» (1879, № 10, с. 477-496).

письме: «Американец продает избыток, а мы продаем необходимый насущный хлеб. Американец-земледелец сам ест отличный пшеничный хлеб, жирную ветчину и баранину, пьет чай, заедает обед сладким яблочным пирогом или папушником с патокой. Наш же мужик-земледелец ест самый плохой ржаной хлеб с костером, сивцом, пушниной, хлебает пустые серые щи, считает роскошью гречневую кашу с конопляным маслом, об яблочных пирогах и понятия не имеет, да еще смеяться будет, что есть такие страны, где неженки-мужики яблочные пироги едят, да и батраков тем же кормят. У нашего мужика-земледельца не хватает пшеничного хлеба на соску ребенку, пожует баба ржаную корку, что сама ест, положит в тряпку — соси.

А они об путях сообщения, об удобствах доставки хлеба к портам толкуют, передовицы пишут! Ведь если нам жить, как американцы, так не то, чтобы возить хлеб за границу, а производить его вдвое против теперешнего, так и то только что в пору самим было бы. Толкуют о путях сообщения, а сути не видят».

Надо отметить, что достоверная информация о реальной жизни крестьян доходила до общества от военных. Они первыми забили тревогу из-за того, что наступление капитализма привело к резкому ухудшению питания, а затем и здоровья призывников в армию из крестьян. Будущий главнокомандующий генерал В.Гурко привел данные с 1871 по 1901 г. и сообщил, что 40% крестьянских парней впервые в жизни пробуют мясо в армии. Генерал А.Д.Нечволодов в известной книге «От разорения к достатку» (1906) приводит данные из статьи академика Тарханова «Нужды народного питания» в «Литературном медицинском журнале» (март 1906), согласно которым русские крестьяне в среднем на душу населения потребляли продовольствия на 20,44 руб. в год, а английские — на 101,25 руб.

Полезно бы это было прочесть С.Говорухину, который расписывает «жирные остендские устрицы» в столичных магазинах «России, которую мы потеряли».

Ранее говорилось, что уже к 1906 г. крестьянство в массе своей требовало национализации земли, а во время реформы Столыпина упорно сопротивлялось превращению земли в частную собственность (приватизация земли, в принципе, и является главным средством «раскрестьянивания»). А.Н.Энгельгардт писал: «Мужик нашел бы пользу в земле, землевладелец нашел бы пользу в капитале». Это значит, что крестьянин и фермер действуют в двух совершенно разных культурно-экономических системах (по определению Аристотеля, в *экономии* и *хрематистике*). Вполне резонно нынешний, неолиберальный идеолог «дикого» (вернее, утопического) капитализма А.Н.Яковлев с горечью жаловался: «На Руси никогда не было нормальной, вольной частной собственности... Частная собственность — материя и дух цивилизации».

Впрочем, резонна его жалоба лишь частично, ибо частная собственность — материя и дух именно западной и только западной цивилизации. Жан-Жак Руссо в «Рассуждениях о происхождении неравенства» (1755) писал о возникновении гражданского общества: «Первый, кто расчистил участок земли и сказал: «это мое» — стал подлинным основателем гражданского общества». Он добавил далее, что в основании гражданского общества — непрерывная война, «хищничество богачей, разбой бедняков». Ясно, что такой идеал был несовместим с общинным мировоззрением русских крестьян.

Более того, в отношении крестьянства давным-давно и досконально известно, что частная собственность и капитализм означают его быстрое и прямое уничтожение, причем с массовыми страданиями и не-

избежными жестокостями. Историк крестьянства В.П.Данилов напомнил опыт капитализма при приватизации земли в Англии: «Не нужно забывать, как решались социальные проблемы при огораживаниях, о рабочих домах для выбрасываемых из деревни, о том, что в каждом поселке стояла либо виселица, либо чурбак с топором, где рубили головы тем, кто не согласен с огораживанием».

После реформы 1861 г. положение крестьян улучшилось, хозяйство их, в общем, пошло в гору, повышалась урожайность, все это сказалось, например, на питании. Но затем все больше крестьяне стали ощущать наступление капитализма. Железные дороги стали «высасывать» продукты сельского хозяйства. Крестьянство было главным источником ресурсов для капиталистической индустриализации, и товарность их хозяйства искусственно повышалась денежными податями и налогами. В России возник периодический массовый голод, которого раньше крестьяне не знали (как, впрочем, не знали голода до капитализма ни в Европе, ни в Индии, ни в империи ацтеков).

Вот что говорил историк В.В.Кондрашин на международном семинаре в 1995 г.: «К концу XIX века масштабы неурожая и голодных бедствий в России возросли. В 1872-1873 и 1891-1892 гг. крестьяне безропотно переносили ужасы голода, не поддерживали революционные партии. В начале XX века ситуация резко изменилась. Обнищание крестьянства в пореформенный период вследствие непомерных государственных платежей, резкого увеличения в конце 90-х годов арендных цен на землю — все это поставило массу крестьян перед реальной угрозой пауперизации, раскрестьянивания. Государственная политика по отношению к деревне в пореформенный период оказывала самое непосредственное влияние на материальное

положение крестьянства и наступление голодных бедствий».

До 1917 г. весь прибавочный продукт нещадно изымался из села («недоедим, а вывезем»). Все мало-мальски развитые страны, производившие менее 500 кг зерна на душу населения, зерно *ввозили*¹. Россия в рекордный 1913 г. имела 471 кг зерна на душу — и *вывозила* очень много зерна — за счет внутреннего потребления, причем именно крестьян. Даже в 1911 г., в год исключительно тяжелого голода было вывезено 53,4% всего зерна — больше и относительно, и тем более абсолютно, чем в годы предыдущего пятилетия.

Даже в «нормальные» годы положение было тяжелым. Об этом говорит очень низкий уровень установленного официально «физиологического минимума» — 12 пудов хлеба с картофелем в год. В нормальном 1906 году этот уровень потребления был зарегистрирован в 235 уездах с населением 44,4 млн. человек. Возмущение крестьян вызывало уже не то, что приходилось есть хлеб с лебедой и пушной хлеб (с мякиной, из неотвеянного зерна), а то, что «не было белого хлеба на соску» — грудному ребенку. Точнее сказать, что из села изымался весь прибавочный и значительная часть необходимого продукта.

Здесь надо сказать об особом социальном типе среди крестьян — *кулаке* (мироеде). Вокруг этого понятия в годы перестройки был создан целый миф, его приравнивали к понятию «справный хозяин» и представили образцом русской трудовой этики. На деле кула-

¹ Кстати, тот факт, что к концу 80-х годов СССР, производя 750 кг зерна на душу населения, стал его в существенных количествах *ввозить*, как раз говорит о том, что он достиг весьма высокого уровня развития и перешел к рациону питания, свойственному самым развитым странам. Зерно стали расходовать для развития животноводства.

ками были главным образом крестьяне, оторвавшиеся от земли и промышлявшие ростовщичеством и торговлей. Социально-экономическую характеристику кулачеству дал А.В.Чаянов, а А.Н.Энгельгардт приводит свои обыденные наблюдения: «Каждый мужик при случае кулак, эксплуататор, но пока он земельный мужик, пока он трудится, работает, занимается сам землей, это еще не настоящий кулак, он не думает все захватить себе, не думает, как бы хорошо было, чтобы все были бедны, нуждались, не действует в этом направлении. Конечно, он воспользуется нуждой другого, заставит его поработать на себя, но не зиждет свое благосостояние на нужде других, а зиждет его на своем труде. От такого земельного мужика вы услышите: «Я люблю землю, люблю работу, если я ложусь спать и не чувствую боли в руках и ногах от работы, то мне совестно, кажется, будто я чего-то не сделал, даром прожил день»... Он расширяет свое хозяйство не с целью наживы только, работает до устали, недосыпает, недоедает. У такого земельного мужика никогда не бывает большого брюха, как у настоящего кулака.

Из всего «Счастливого Уголка» [так называл А.Н.Энгельгардт местность около его поместья] только в деревне Б. есть настоящий кулак. Этот ни земли, ни хозяйства, ни труда не любит, этот любит только деньги. Этот не скажет, что ему совестно, когда он, ложась спать, не чувствует боли в руках и ногах, этот, напротив, говорит: «работа дураков любит»... Этот кичится своим толстым брюхом, кичится тем, что сам мало работает: «у меня должники все скосят, сожнут и в амбар положат». Этот кулак землей занимается так себе, между прочим... У этого все зиждется не на земле, не на хозяйстве, не на труде, а на капитале, на который он торгует, который раздает в долг под проценты. Его кумир — деньги, о приумножении которых он только и

думает... Он пускает этот капитал в рост, и это называется «ворочать мозгами». Ясно, что для развития его деятельности важно, чтобы крестьяне были бедны, нуждались, должны были обращаться к нему за ссудами».

Крестьянство (в том числе «в серых шинелях» — солдаты) подошло в 1917 г. с яркой исторической памятью о революции 1905-1907 гг., которая была не только «репетицией» (как назвал ее Ленин), но и «университетом». Это была первая из целой мировой цепи крестьянских войн XX века, в которых община противостояла наступлению капитализма, означавшего «раскрестьянивание». Таким образом, свергнув в Феврале царизм в союзе с буржуазией и получив возможность влиять на ход политических событий, крестьяне (и солдаты) оказывали давление, толкавшее Россию прочь от буржуазной государственности и капиталистического жизнеустройства.

Рабочий класс

К моменту революции 1917 г. общая численность рабочего класса в России оценивалась в 15 млн. человек — примерно 10% всего населения. Но кого относить к рабочему классу? В 1913 г. В.И.Ленин писал: «пролетариев у нас, вероятно, около 20 миллионов», но ведь к этой категории тогда причисляли и сельский пролетариат (около 5 млн. человек), и городскую бедноту. На VIII съезде РКП(б) Ленин говорил, что слой рабочих, «которые составляли нашу силу, — этот слой в России неимоверно тонок». Много исследователей после этого пытались уточнить число рабочих, выделив разные его составляющие. В результате считают, что в рабочих фабрично-заводской промышленности с семьями было 7,2 млн. человек, из них взрослых мужчин 1,8 млн.

Но главное даже не в количестве. Рабочий класс России, не пройдя через горнило протестантской Реформации и длительного раскрестьянивания, не обрел мироощущения *пролетариата* — класса утративших корни индивидуумов, торгующих на рынке своей рабочей силой. В подавляющем большинстве русские рабочие были рабочими в первом поколении и по своему типу мышления оставались крестьянами. Совсем незадолго до 1917 г. (в 1905 г.) половина рабочих-мужчин имела землю, и эти рабочие возвращались в деревню на время уборки урожая. Очень большая часть рабочих жила холостяцкой жизнью в бараках, а семьи их оставались в деревне. В городе они чувствовали себя «на заработках».

С другой стороны, много молодых крестьян прибывало в город на сезонные работы и во время экономических подъемов, когда в городе не хватало рабочей силы. Таким образом, между рабочими и крестьянами в России поддерживался постоянный и двусторонний контакт. Городской рабочий начала века говорил и одевался примерно так же, как и крестьянин, в общем, был близок к нему по образу жизни и по типу культуры. Даже и по сословному состоянию большинство рабочих были записаны как крестьяне. Крестьяне и рабочие составляли тот «народ», который был отделен, а в критические моменты и противопоставлен «верхним» условиям царской России.

Сохранение общинной этики и навыков жизни в среде рабочих проявилось в форме мощной рабочей солидарности и способности к самоорганизации, которая не возникает из одного только классового сознания. Это определило необычное для Запада поведение рабочего класса в революционной борьбе и в его самоорганизации после революции, при создании новой государственности. Многие наблюдатели отмечали да-

же странное на первый взгляд явление: рабочие в России начала века «законсервировали» крестьянское мышление и по образу мыслей были более крестьянами, чем те, кто остался в деревне.

М.М.Пришвин писал в дневнике в 1916 г., что «рабочие — посланники земли»: «Характерно для нашего движения, что рабочие в массе сохраняют деревенскую мужицкую душу. Пример Алекс. Вас. Кузнецов: он 25 лет был в Петербурге и вернулся к земле на свой хутор более мужиком, чем настоящие мужики; за это время мужики в деревне более подверглись влиянию города, чем он в городе».

Надо подчеркнуть очень важный факт, который в нашей упрощенной истории исключался из рассмотрения, поскольку противоречил вульгаризированной марксистской теории: главными носителями революционного духа среди рабочих к 1914 г. стали не старые кадровые рабочие (они в массе своей поддерживали меньшевиков), а молодые рабочие, недавно пришедшие из деревни.

Именно они поддерживали большевиков и помогли им занять главенствующие позиции в профсоюзах. Это были вчерашние крестьяне, которые пережили революцию 1905-1907 гг. именно в момент своего становления как личности — в 18-25 лет. Через десять лет они принесли в город дух революционной общины, осознавшей свою силу. На самых крутых поворотах революционного процесса эта низовая масса большевиков создавала такое положение, которое можно назвать вслед за Б.Брехтом: «ведомые ведут ведущих».

Надо сказать о том культурном типе, который представлял из себя молодой грамотный русский рабочий начала XX века. Это было особое культурно-историческое явление, и оно сыграло большую роль в революции. Это был рабочий, который, с одной сторо-

ны, обладал большой тягой к знанию и чтению, которая всегда была характерна для пришедших из деревни рабочих. Отличие в том, что наш рабочий одновременно получил три типа литературы на пике их зрелости — русскую литературу «золотого века», оптимистическую просветительскую литературу эпохи индустриализма и столь же оптимистическое обществоведение марксизма. Это сочетание во времени уникально. А. Богданов в 1912 г. писал, ссылаясь на беседу с английским профсоюзным лидером, что в те годы в заводских рабочих библиотеках были, помимо художественной литературы, книги типа «Происхождение видов» Дарвина или «Астрономия» Фламмарiona — и они были зачитаны до дыр. В заводских библиотеках английских тред-юнионов были только футбольные календари и хроники королевского двора.

Классовое сознание рабочих России было высоко развито, хотя другие признаки «классовости» сильно отстали. Антонио Грамши писал в 1917 г. (сходную мысль по-иному выразили и другие мыслители), что русские рабочие как бы собрали и впитали в себя классовое сознание, накопленное рабочими всего мира за триста лет. Они стали пророком, несущим в себе «уголь, пылающий огнем», мысль и язык трудящихся всех времен и народов.

Буржуазия

Буржуазия в России, скованная сословными рамками, не успела и уже не могла выработать того классового сознания «юной» буржуазии, которое на Западе сделало ее революционным классом «для себя». В отличие от западного капитализма, где представители крупной буржуазии начинали как предприниматели,

российский капитализм с самого начала складывался в основном как акционерный. Крупные капиталисты современного толка происходили не из предпринимателей, а из числа управленцев — директоров акционерных обществ и банков, чиновников, поначалу не имевших больших личных капиталов. Крупные московские («старорусские») капиталисты вроде Рябушинских, Морозовых или Мамонтовых начинали часто как распорядители денег старообрядческих общин. По своему типу мышления и те, и другие не походили на западных буржуа-индивидуалистов.

Численный состав крупной буржуазии был в России очень невелик. В 1905 г. доход свыше 20 тыс. руб. (10 тыс. долл.) в год от торгово-промышленных предприятий, городской недвижимости, денежных капиталов и «личного труда» получали в России, по подсчетам Министерства финансов, 5739 человек и 1595 акционерных обществ и торговых домов (их пайщики и составляют первое число). Более дотошные подсчеты (В.С.Дякин) дают число лиц с доходом выше 20 тыс. руб., равное 12377 человек. Это принципиально дела не меняет — что такое 12 тыс. человек на всю Россию! Остальные богатые люди, не считая помещиков, получали доход на *службе*.

Мы видим, что «масса» буржуазии была очень мала. В Москве, согласно переписи 1902 г., было 1394 хозяина фабрично-заводских заведений, включая мелкие. 82% предпринимателей входили в состав старых ремесленно-торговых сословий, были включены в иерархию феодального общества, имели свои сословные организации и не испытывали острой нужды в переустройстве общества на либерально-буржуазный лад.

Страх, который буржуазия, подавленная «импортированными силами крупного капитала» (М.Вебер), испытала во время революции 1905-1907 гг., заставил

ее искать защиты у царского бюрократического государства. Большинство буржуазии после страшного урока 1905 г. вообще отошло от политики, стало консервативным и никак не могло принять на себя активную роль в революции. Многочисленные попытки основать политические партии буржуазии («собственников») не увенчались успехом. Одним из парадоксов России было то, что за расширение возможностей буржуазного развития боролись партии, не являющиеся чисто буржуазными ни по своему социальному составу, ни по идеологии.

Обычным для ортодоксальных марксистов и либералов было считать, что русская революция произошла *«слишком рано»* — не созрели для нее еще предпосылки, слаба была буржуазия, не созрела почва для демократии. Это представление механистично, оно не учитывает фазу «жизненного цикла» всей капиталистической формации и прежде всего Запада, следовать которому пытались и либералы, и марксисты.

Изучая, начиная с 1904 г., события в России, М. Вебер приходит к гораздо более сложному и фундаментальному выводу: *«слишком поздно!»*. Успешная буржуазная революция в России уже невозможна. И дело было, по его мнению, не только в том, что в массе крестьянства господствовала идеология «архаического аграрного коммунизма», несовместимого с буржуазно-либеральным общественным устройством. Главное заключалось в том, что русская буржуазия оформилась как класс в то время, когда Запад уже заканчивал буржуазно-демократическую модернизацию и исчерпал свой освободительный потенциал. Буржуазная революция может быть совершена только «юной» буржуазией, но эта юность неповторима. Россия в начале XX века уже не могла быть изолирована от «зрелого» за-

падного капитализма, который утратил свой оптимистический революционный заряд.

В результате в Россию импортируется капитализм, который, с одной стороны, пробуждает радикальные социалистические движения, но в то же время воздвигает против них зрелую бюрократическую организацию, абсолютно враждебную свободе. Под воздействием импортированного капитализма русская буржуазия до срока состарилась и, вступив в союз с бюрократией, оказалась неспособной совершить то, что на Западе совершила юная буржуазия. «Слишком поздно!».

Историк-эмигрант А.Кустарев, изучавший «русские штудии» М.Вебера, пишет: «Самое, кажется, интересное в анализе Вебера — то, что он обнаружил драматический парадокс новейшей истории России. Русское общество в начале XX века оказалось в положении, когда оно было вынуждено одновременно «догонять» капитализм и «убегать» от него. Такое впечатление, что русские марксисты (особенно Ленин) вполне понимали это обстоятельство и принимали его во внимание в своих политических расчетах, а также в своей зачаточной теории социалистического общества. Их анализ ситуации во многих отношениях напоминает анализ Вебера». Это верное замечание, и надо только удивляться, что к сходным выводам Вебер и Ленин пришли, исходя из совершенно разных философских посылок. Надо добавить, что к такому же выводу относительно России пришел в конце жизни и Маркс, но это не было известно Ленину.

Та небольшая часть крупных капиталистов, которая смогла войти в симбиоз с «импортированным» зрелым западным капитализмом, после 1905 г. заняла столь радикальную социал-дарвинистскую антидемократиче-

скую позицию, что вступила в конфликт с господствующими в России культурными нормами и влиться в революционное движение не могла. Так, группа московских миллионеров, выступив в 1906 г. в поддержку столыпинской реформы, заявила: «Дифференциации мы нисколько не боимся... Из 100 полуголодных будет 20 хороших хозяев, а 80 батраков. Мы сентиментальностью не страдаем. Наши идеалы — англосаксонские. Помогать в первую очередь нужно сильным людям. А слабеньких да нытиков мы жалеть не умеем». Как общественная позиция такой взгляд укорениться не мог — общество не следовало англосаксонским идеалам, оно «страдало сентиментальностью».

Российская буржуазия пришла к началу XX века как экономически сильный, но «культурно больной» класс, с внутренне противоречивым самосознанием. Назревающая революция, казалось бы, объективно призванная расчистить путь для буржуазно-демократических преобразований, изначально несла сильный антибуржуазный заряд. В 1905 г. Вебер высказал мнение, что грядущая русская революция не будет буржуазно-демократической, это будет революция нового типа, причем первая в новом поколении освободительных революций.

Не получила буржуазия в России и того религиозно освященного положения, которое дали западной буржуазии протестантизм и тесно связанное с ним Просвещение. В России идеалы Просвещения распространились, уже потеряв свою роль носителя буржуазной идеологии (скорее наоборот, здесь они были окрашены антибуржуазным критицизмом). Российские буржуазные либералы были романтиками, обреченными на саморазрушение. Как ни парадоксально, они были вынуждены на деле выступать против капитализма —

зрелого и бюрократического. Поэтический идеолог крупной буржуазии Брюсов сказал тогда:

И тех, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном.

М.Вебер, объясняя коренное отличие русской революции от буржуазных революций в Западной Европе, приводит фундаментальный довод: к моменту первой революции в России понятие «собственность» утратило свой священный ореол даже для представителей буржуазии в либеральном движении. Это понятие даже не фигурирует среди главных программных требований этого движения. Как пишет один из исследователей трудов Вебера, «таким образом, ценность, бывшая мотором буржуазно-демократических революций в Западной Европе, в России ассоциируется с консерватизмом, а в данных политических обстоятельствах даже просто с силами реакции»¹. В общем, буржуазия в России не стала ведущей силой буржуазной революции, как это было на Западе. Еще важнее, что она и не воспринималась как такая сила другими частями общества.

Политические пристрастия активной части буржуазии распределялись в широком спектре — от правых и националистов до социалистов. Ведущая буржуазная партия (партия Народной свободы, «конституционные демократы» — кадеты) была реформистской и стреми-

¹ В сравнении с русскими буржуазными либералами начала века наши нынешние идеологи капитализма выглядят довольно нелепо. Вспомним, как В.Селюнин излагал их символ веры: «Рынок есть священная и неприкосновенная частная собственность. Она, если угодно, самоцель, абсолютная общечеловеческая ценность». Ну, В.Селюнин — газетчик. Но ведь в том же духе высказывался и академик-«экономист» А.Н.Яковлев.

лась предотвратить революцию. Но и эта партия поначалу была «антибуржуазной» и, как говорили в 1905 г. сами кадеты, «не имела противников слева» (а слева от нее были и эсеры, и большевики). Правда, напуганные декабрем 1905 г., кадеты отмежевались от революционного подхода и ограничили себя «конституционализмом».

Часть буржуазии, переживавшая духовный кризис, поддерживала социалистическую оппозицию, заигрывала с масонами, порой тяготела к социал-демократам (иногда даже финансируя их боевые дружины, как в 1905 г. крупный московский заводчик Н.П.Шмит, именем которого назван проезд на Красной Пресне; позже он все деньги отдал большевикам, и на них издавалась газета «Правда» и содержались профессиональные революционеры за границей). Но и эта небольшая часть буржуазии не претендовала на роль лидера в революции, она лишь следовала голосу больной совести.

Большинство же русской буржуазии, вышедшей из купечества и подавленной «импортированными силами крупного капитала» (М.Вебер), после страшного урока 1905 г. вообще отошло от политики и возложило все свои надежды на царя и бюрократический аппарат. Оно стало консервативным и никак не могло принять на себя активную роль в революции.

Интеллигенция

Модернизация в России породила и особый, неизвестный на Западе периода буржуазных революций культурный слой — *разночинную интеллигенцию*. Судя по материалам переписи 1897 г., профессиональная интеллигенция на тот момент включала в себя около 200 тыс. человек. С начала XX века ее численность бы-

стро возрастала, и к 1917 г. оценивалась в 1,5 млн. человек (включая чиновничество и офицеров). Наиболее крупной группой накануне революции 1917 г. были учителя (195 тыс.) и студенты (127 тыс.). Врачей было 33 тыс., инженеров, адвокатов, агрономов — по 20-30 тыс. Около трети интеллигенции было сосредоточено в столицах.

Восприняв западные либеральные и демократические идеи, эта интеллигенция в то же время не стала буржуазной. Стихийная социальная философия русской интеллигенции (не сводимая ни к какой конкретной идеологии) представляла собой противоречивое сочетание идеалов свободы гражданского общества с мессианским, в основе своей религиозным идеалом правды и справедливости, свойственным обществу традиционному и именно в русской истории. Н.А.Бердяев писал, что интеллигенция «была у нас идеологической, а не профессиональной и экономической, группировкой, образовавшейся из разных социальных классов».

Приняв с энтузиазмом идею свободной личности, русская интеллигенция не могла согласиться с антропологией западного гражданского общества, которая представляла человека как конкурирующего индивида, вынужденного непрерывно наносить ущерб ближнему в борьбе за существование. Тем, кто был воспитан на Пушкине, Толстом и Достоевском, было невозможно принять в целом рационализм философа гражданского общества Джона Локка, согласно которому разьединение людей оправдано, ибо «никто не может разбогатеть, не нанося убытка другому».

Если для западного интеллектуала, проникнутого рационализмом Просвещения, идеалом был поиск «правды как истины», то для русского интеллигента этот идеал неразрывно сочетался с поиском «правды

как справедливости». Как писал Н.А.Бердяев, «у Достоевского есть потрясающие слова о том, что если бы на одной стороне была истина, а на другой Христос, то лучше отказаться от истины и пойти за Христом, т.е. пожертвовать мертвой истиной пассивного интеллекта во имя живой истины целостного духа».

В результате русская интеллигенция, проведя огромную работу по разрушению легитимности российского самодержавия, не смогла стать той духовной инстанцией, которая взяла бы на себя легитимацию государства буржуазного. Напротив, значительная и в этическом отношении очень авторитетная часть интеллигенции заняла определенно антикапиталистические позиции. Это особенно проявилось в движении народников, видящих ядро будущего свободного общества в крестьянской общине, а затем и в социал-демократии, принявшей постулат марксизма об освободительной миссии рабочего класса.

На этом факте надо остановиться особо. Важным идеологическим (и шире — духовным) условием, повлиявшим на ход развития революции и последующего советского периода, было сильное влияние на культурный слой России *марксизма*. Это — огромное по масштабам социальное, философское и экономическое учение, рожденное общественной мыслью Запада в период завершения первой фазы индустриальной революции. Конкурируя с либерализмом, марксизм отличался своим универсализмом — *всецеловечностью*. Напротив, либерализм, противопоставляя «гражданское общество» природному состоянию человека как дикости, отрицал применимость гражданских прав, например, к неграм и индейцам, что позволяло американским либералам искренне принимать рабство.

Дав непревзойденную по своим познавательным возможностям методологию для анализа капиталистического хозяйства, марксизм оказал очень большое влияние на *всех* экономистов. В начале XX века С.Н.Булгаков писал в «Философии хозяйства»: «Практически все экономисты суть марксисты, хотя бы даже ненавидели марксизм». Заметим, что в то время, время быстрого хозяйственного развития России, воздействие экономистов на сознание интеллигенции и всей читающей публики было очень значительным.

Будучи теснее связан с наукой, нежели либерализм, марксизм обладал более широкими объяснительными возможностями. Исходя из мессианской идеи преодоления того отчуждения между людьми и между человеком и природой, какое породила частная собственность, марксизм нес огромный заряд оптимизма — в отличие от пессимизма буржуазной идеологии, выраженного в социал-дарвинизме (мальтузианстве и других его вариантах).

Именно эти качества, созвучные традиционным идеалам русской культуры, объясняли тягу к марксизму в России. Влияние марксизма испытали не только социал-демократы, но и несогласные со многими его постулатами народники и даже анархисты. На деле весь культурный слой России и значительная часть рабочих находились под его влиянием. Г.Флоровский, объясняя, почему марксизм был воспринят в России конца XIX века как мировоззрение, писал, что была важна «не догма марксизма, а его проблематика». Это была первая мировоззренческая система, в которой на современном уровне ставились основные проблемы бытия, свободы и необходимости. Как ни покажется это непривычным нашим православным патриотам, надо вспомнить важную мысль Г.Флоровского — именно марксизм пробудил в России начала века тягу к рели-

гиозной философии. Ибо в марксизме, как пишет Г.Флоровский, были и «крипторелигиозные мотивы. Именно марксизм повлиял на поворот религиозных исканий у нас в сторону православия. Из марксизма вышли Булгаков, Бердяев, Франк, Струве. Все это были симптомы какого-то сдвига в глубинах». Добавлю, что в свое время марксистами были не только религиозные искатели, но даже и такие правые лидеры кадетов, как П.Струве и А.Изгоев.

Сегодня это покажется странным, но ушедшие в область религиозно-философских исканий либеральные интеллигенты, даже из марксистов, обвиняли социализм (представленный прежде всего социал-демократами) именно в «буржуазности». Очень показательна позиция С.Н.Булгакова. Он, которого ранее Плеханов назвал «надеждой русского марксизма», к 1907 г. выбрал в своей философии главные и, казалось бы, взаимоисключающие части мышления русской интеллигенции — либерализм, консерватизм и прогрессизм. В 1917 г. в своей известной работе «Христианство и социализм» С.Н.Булгаков посвятил целый раздел именно критике «буржуазности» социализма («он сам с головы до ног пропитан ядом того самого капитализма, с которым борется духовно, он есть капитализм наизусть»). Впрочем, далее он пишет о социализме: «Если он грешит, то, конечно, не тем, что он отрицает капитализм, а тем, что он отрицает его недостаточно радикально, сам духовно пребывая еще в капитализме».

От буржуазных ценностей интеллигенцию отделяла не только мировоззренческая пропасть, но и социальные условия жизни. Вопреки расхожему мнению времен перестройки, основная масса интеллигенции в России накануне революции 1917 г. по уровню материального благосостояния относилась в *бедному боль-*

шинству народа. С.Говорухин, поразивший воображение обывателей СССР устрицами и осетриной, почему зря лежавших на витринах «России, которую мы потеряли», предусмотрительно не сообщил, что 40% интеллигентов России в апреле 1917 г. имели доход до 1,5 тыс. руб. в год, которые определялись как прожиточный минимум, а еще 40% — доход около 1,5 тыс. руб. (средняя зарплата рабочего-металлиста была 1262 руб.).

Учителя сельских школ зарабатывали меньше, чем чернорабочие, — в среднем 552 руб. в год (это в среднем, но 66% из них имели зарплату в пределах 408-504 руб. в год), да и эта зарплата не выплачивалась по несколько месяцев. При обследовании школ Смоленской губернии в одной из анкет можно было прочесть: «Жизнь каторжная. Материальное положение сельского учителя ниже всякой критики. Приходится голодать в полном смысле слова, быть без обуви и одежды, а своих детей оставлять без образования». Так что сам быт большинства интеллигенции вовсе не побуждал ее в социальных конфликтах быть на стороне капитала. Интеллигент был *трудящимся*. П.А.Столыпин в докладе царю в 1904 г. даже назвал земскую интеллигенцию («третий элемент») главным источником радикализма на селе, сделав вывод: «Единственный тормоз на пути «третьего элемента» это администрация».

Интеллигенция сочувствовала революции, имея в виду ее освободительное, а не буржуазное начало, а молодое поколение — студенты — активно участвовали в выступлениях рабочих и крестьян. Их демонстрации обычно предшествовали выступлениям рабочих и служили их катализатором. Во время крестьянских волнений начала века студенты за свою беззаветную помощь даже заслужили такое уважение, что само слово «студент» стало пониматься как что-то вроде «защит-

ник народа». Известен случай, когда крестьяне в 1902 г. пошли громить полицейский участок, требуя «освободить их студента» — полуграмотного местного крестьянина, зачинщика их выступлений.

Когда после поражения революции 1905-1907 г. и утраты веры в успех столыпинской реформы единственная буржуазно-либеральная партия в России (кадеты) стала уповать на буржуазию («русских Крупнов» и «крепкое мещанство»), она предприняла большую пропагандистскую кампанию, направленную на преодоление враждебного отношения интеллигенции к буржуазии. Вели ее бывшие марксисты (авторы книги «Вехи» Струве, Бердяев, Изгоев). При этом им неизбежно пришлось отвергнуть сам идеал равенства. Струве писал, что основанием прогрессивного общества «является всегда человеческая личность, отмеченная *более высокой степенью годности*» [выделено мной.— С.К.-М]. Это был сдвиг к «рыночному» и социал-дарвинистскому представлению о человеке, а значит, к полному разрыву с той антропологией, на которой стояло общинное мировоззрение крестьян («архаический аграрный коммунизм»). Струве пытался даже вызывать к патриотическим чувствам интеллигенции, призывая считать поддержку развития капитализма как «национальный идеал и национальное служение», но этот рыночный патриотизм отклика не получил (да и вообще это «поле» было прочно занято правыми).

Этот поворот Струве был очень радикальным, и в поддержку ему сразу выступил Бердяев: «Скажут, Струве хочет обуржуазить Россию, привить русской интеллигенции буржуазные добродетели. И Россию необходимо «обуржуазить», если под этим понимать призыв к социальному творчеству, переход к высшим формам хозяйства и отрицание домогательств равенства». Но в том-то и было дело, что интеллигенция не

видела в буржуазности импульса к «социальному творчеству», но зато слишком бросалось в глаза «отрицание равенства». И, в общем, заметного успеха кампания по смычке интеллигенции с буржуазией не имела. Изгоев вынужден был даже бросить интеллигенции упрек в том, что «западноевропейская буржуазия своими знаниями, энергией, честностью, трудоспособностью во много и много раз превосходит русскую, даже социалистическую интеллигенцию». Упрек интеллигенция проглотила, но в массе своей осваивать главные ценности энергичной западной буржуазии не стала.

Интеллигенция составляла значительную часть того социального образования, что историки называют «городские средние слои». Это городская мелкая буржуазия, служащие и лица свободных профессий. И в социальном, и в идеологическом плане это образование сильно отличалось от того, что на Западе называют «средним классом». Если на Западе «средний класс» следовал в русле идеологии, задаваемой буржуазией, то в России, при слабости буржуазии, разночинная городская интеллигенция, наоборот, поставляла кадры идеологических работников во все партии и ощущала себя «трудовым» классом, как бы надклассовой силой. Той стабилизирующей, консервативной роли, которую играет «средний класс» на Западе, городские средние слои в России не играли. Напротив, они быстро радикализировались в момент революции и разошлись по разные стороны баррикад, не образовав никакого центристского ядра.

Особо важную роль сыграли разночинные городские слои в момент Февральской революции. Во-первых, их представители, находившиеся в армии, имели в ней очень большой удельный вес по численности — около 1,5 млн. человек или 15% всех военнослужащих. При

этом очень большая часть их — в качестве офицеров. Во-вторых, именно они приняли активное участие в революционном процессе, непропорционально большое даже по сравнению с их численностью. Это видно по составу армейских комитетов, которые начали создаваться с первых дней революции. Есть данные по составу делегатов съезда Юго-Западного фронта в мае 1917 г. Это весьма представительные данные, так как на этом фронте находилось почти 40% всей действующей армии. К средним слоям можно отнести 57% делегатов — 28% служащих, 24% лиц свободных профессий и 5% ремесленников. Из остальных было 27% земледельцев, 10% рабочих и 3% из «господствующих классов» (помещики, фабриканты и торговцы). К осени, правда, вес «средних слоев» в составе армейских комитетов стал снижаться, а число рабочих расти, но все равно политическая активность «разночинцев» оставалась высокой.

Дворянство

Это сословие было небольшим по численности, дворяне составляли около 1% населения, но большинство их деклассировалось, пополнив ряды разночинной интеллигенции. Помещиками были около половины дворян (примерно 0,5% населения). Однако это сословие обладало очень большим экономическим и политическим влиянием, владея примерно третьей частью земельных угодий страны. В 1905 г. стоимость земель дворян в 50 губерниях России на 60% превышала общую массу акционерных капиталов в стране.

Поместное дворянство как сословие испытывало сильное давление. Треть крупных поместий, имевших свыше 500 десятин земли (и почти треть их земель),

была уже буржуазной (ими владели купцы и выходцы из крестьян). Из имений от 100 до 500 десятин дворянских было лишь 46%. 26% имений от 20 до 100 дес. уже не выдерживали конкуренции с кулацкими хозяйствами.

Отметим важную роль дворянства, которая часто теряется из виду. Это сословие «связывало» российское общество, поскольку дворянам были присущи высокая географическая мобильность и обширные социальные связи. Как правило, помещики жили в селе и одновременно в уездном или губернском городе, часто посещали столицы и выезжали за границу. Их родные пополняли ряды чиновничества и офицерства, их дети учились в университетах. Через них город был тесно связан с деревней (другим каналом связи были крестьяне, уходившие в город на заработки).

Историки отмечают особенность российского дворянства, которая сыграла важную роль в его взаимоотношениях с другими сословиями. В отличие от дворянства Западной Европы, российское дворянство не было замкнутой корпорацией. Через целый ряд процедур в него принималось много недворянского элемента. Это, в частности, задержало развитие классового сознания буржуазии. У нас она была склонна к компромиссу и даже симбиозу с дворянством, а в Европе была вынуждена идти на радикальную революцию, чтобы утвердить свой статус вопреки дворянству. Аристократия во время революций, особенно во Франции, становилась чуть ли не главным врагом буржуазии. В России же среди либерально-буржуазных политиков было много дворян и даже аристократов.

В своих умонастроениях и делах дворянство совершило крутой вираж в связи с революцией 1905-1907 гг. Он во многом предопределил судьбу капитализма в России. Дворянство, имевшее своим главным источни-

ком дохода земельную собственность, трудно перенесло отмену крепостного права и последовавший за ним сельскохозяйственный кризис. В начале века большая часть поместий находилась в упадке, 4/5 дворянства были не в состоянии содержать свои семьи только на доходы от земли. Это определило заметный рост оппозиционности дворянства, которая выразилась в активном участии в земском движении и либеральных настроениях (поддержке конституционализма).

Этот либерализм был, однако, внутренне противоречив, поскольку дворянство недоброжелательно относилось к программам индустриализации как «выжиманию ресурсов из сельского хозяйства». Иными словами, дворянство не видело для себя возможности воспользоваться выгодами от развития капитализма, оно связывало свое благополучие с земельной собственностью и государственной службой.

Волнения крестьян 1902-1903 гг., а затем революция 1905-1907 гг. большее всего ударила по семьям 30-40 тыс. помещиков. Около 15% поместий были сожжены, значительную часть земли в районах, охваченных волнениями, пришлось продать. Попытки деятелей дворянства восстановить давно уже иллюзорные патриархальные отношения с крестьянами полностью провалились.

Крестьяне четко определили свое отношение к помещикам как классовому врагу. Под этим были исторические корни, которые дали пышные всходы после реформы 1861 г. А.Н.Энгельгардт пишет в письме из деревни в 1863 г. о запустении помещичьих усадеб после реформы, что видно было даже по исчезновению псовой охоты: «Притом же крестьяне теперь так зазнались, что не позволяют борзятникам топтать поля». В сноске он дает пояснение: «Прежде тоже иногда случалось, что крестьяне, особенно казенные, нападали на охот-

ников, топчущих их поля. Вы, может быть, не знаете, что у охотников существовал сигнал «на драку». Охотник, схваченный крестьянами, трубил на рожке сигнал, и тогда все остальные охотники спешили к нему на помощь и, разумеется, обыкновенно побивали крестьян. Теперь «на драку» едва ли кто-нибудь затрубит».

В 1905 г. на съездах Всероссийского Крестьянского Союза были определены враждебные крестьянам силы, и в этом было достигнуто убедительное согласие. «Враги» были означены в таком порядке: чиновники («народу вредные»), помещики, кулаки и местные черносотенцы. А главное, полный антагонизм с помещиками выражался во всеобщем крестьянском требовании национализации земли и непрерывно повторяемом утверждении, что «Земля — Божья». Выборы в I и II Думы рассеяли всякие сомнения — крестьяне не желали иметь помещиков своими представителями.

Дворянство в полной мере осознало угрозу, которую несет для них революция. В октябре 1905 г. испуг правительства достиг такой степени, что оно было уже готово пожертвовать дворянством. Главноуправляющий землеустройством и земледелием Н.Н.Кутлер готовил проект принудительного отчуждения помещичьих земель и их передачи крестьянам! В 1906 г. с либеральными настроениями в среде дворянства было покончено, кадеты за их аграрную программу были «разоблачены» как предатели интересов дворянства и вычищены из земств (как пишут, произошла «урбанизация российского конституционализма» — он был изгнан из сельской местности в города). Дворянство сдвинулось вправо и стало консервативной силой, оказывающей сильное давление на правительство.

Верно оценив отношение к себе крестьян, дворянство уже не могло отстаивать демократические принципы, особенно всеобщее избирательное право — оно бы

означало полное устранение дворянства с политической арены. Разогнав I и II Думы, царское правительство так изменило избирательный закон, что 30 тыс. помещиков получили в III Думе в два раза больше депутатских мест, чем 20 млн. крестьянских дворов. В ходе обсуждения этот проект избирательного закона назывался «бесстыжий». Сам Николай II сказал, смеясь: «Я за бесстыжий».

Революция 1905 г. заставила помещиков наконец-то обрести классовое самосознание и создать политическую организацию — Совет объединенного дворянства. В ее рамках вырабатывались концепции приспособления дворянства к новой ситуации. Суть ее была в частичном восприятии западных идей и идее роспуска крестьянской общины, которая показала свой революционный потенциал. Западничество дворянства было очень избирательным — принимались принципы либеральной экономики (прежде всего, приватизация земли крестьянских общин, при том, что помещичья собственность объявлялась «неотчуждаемой»), но отвергались принципы парламентской демократии. Это был своего рода прообраз «либерализма по Пиночету».

Когда Столыпин, глубоко понявший уроки революции 1905-1907 гг., предложил и стал осуществлять целостную программу модернизации хозяйства и государства России на капиталистических принципах, консервативное дворянство приняло из нее только ее аграрную часть (разрушение общины и приватизацию земли), но стало оказывать нарастающее сопротивление остальным разделам реформы, без которых и аграрная часть была обречена на крах. Конечно, неудача реформы была уже predetermined упорством сопротивления общинного крестьянства, но влиятельная оппозиция справа не оставила Столыпину никаких шансов.

В марте 1907 г. Совет объединенного дворянства направил Столыпину меморандум, выражавший недовольство уже и самим замыслом реформы. В нем говорилось: «Направив все усилия на подъем крестьянского хозяйства, правительство бросило всякую заботу о хозяйстве культурном и даже способствует его упразднению, поощряя всякое начинание в области перехода всей земельной площади к первобытному земледелию».

В начале 1907 г. съезд объединенного дворянства заявил о своем неприятии реформы местных органов управления, поскольку, дескать, она отдаст власть на местах в руки «людей хищническо-промышленного типа», которые соединятся с «третьим элементом» (интеллигенцией). Таким образом, была отвергнута даже такая программа модернизации, при которой развитие капитализма (с самым необходимым минимумом демократизации) происходило бы при сохранении всех привилегий дворянства. Дворянство поставило заслон буржуазной государственности «справа». Выступая против проекта реформы начального образования (части общего плана столыпинской реформы), предводитель правых в Думе Н.Е.Марков обращался к помещикам: «Ваши имения, ваша жизнь будет висеть на волоске, когда воспитанные в ваших безбожных школах ученики придут вас жечь, и никто вас защищать не будет».

Правый кадет А. С. Изгоев писал в конце 1907 г.: «Среди двух правящих наших классов, бюрократии и поместного дворянства, мы напрасно стали бы искать конституционных сил. Интересы этих классов не могут быть ограждены при господстве в стране правового строя. Эти классы неспособны осуществить конституции даже в формальном ее смысле». Таким образом, и дворянство, очень влиятельное сословие России, стало

после 1905 г. антибуржуазным, пусть и «справа». Его неприятие либерально-капиталистического строя стало фундаментальным. Газета «Утро России», которая вновь стала издаваться с ноября 1909 г. на деньги крупного капитала (Рябушинские, С.Н.Третьяков и др.), писала 19 мая 1910 г.: «Дворянину и буржуа нельзя уже стало вместе оставаться на плечах народа: одному из них приходится уходить».

Разрыв дворянства с буржуазией означал крах октябристов — партии справа от кадетов. Этот разрыв был вполне четко осознан обеими сторонами. Газета «Утро России» писала, в частности: «Союз аграриев с торгово-промышленным классом был бы противоестественным». Или, более красочно: «Жизнь перешагнет труп тормозившего ее сословия с тем же равнодушием, с каким вешняя вода переливает через плотину, размывая ее и прокладывая новое русло».

Как это бывает на стадии разложения сословного общества, привилегированное сословие морально деградирует и становится движущей силой регресса. Таким и стало дворянство после революции 1905 г. Участвуя в выборах во II Государственную Думу в 1907 г. и наблюдая политику дворянства, С.Н.Булгаков писал: «Ах, это сословие! Было оно в оные времена очагом русской культуры, не понимать этого значения русского дворянства значило бы совершать акт исторической неблагодарности, но теперь это — политический труп, своим разложением отравляющий атмосферу, и между тем он усиленно гальванизируется, и этот класс оказывается у самого источника власти и влияния. И когда видишь воочию это вырождение, соединенное с надменностью, претензиями и, вместе с тем, цинизмом, не брезгающим сомнительными услугами, — становится страшно за власть, которая упорно хочет базиро-

ваться на этом элементе, которая склоняет внимание его паркетным шепотам».

Особым было положение *духовенства*. В начале века Церковь стала по сути частью государственной машины Российской империи, что в условиях назревающей революции послужило одной из причин падения ее авторитета в массе населения (что, кстати, прямо не связано с проблемой религиозности).

Поэтому, кстати, полезно вспомнить, что кризис Церкви в начале века вовсе не был следствием действий большевиков-атеистов. Он произошел раньше и связан именно с позицией Церкви в момент разрушительного вторжения капитализма в русскую жизнь. Согласно отчетам военных духовников, когда в 1917 г. Временное правительство освободило православных солдат от обязательного соблюдения церковных таинств, процент причащающихся сразу упал со 100 до 10 и менее.

В массе своей духовенство вело себя как сословие, связанное дисциплиной церковной организации. С.Н.Булгаков, в то время уже видный религиозный философ, продолжая мысль о состоянии дворянского сословия, пишет в 1907 г.: «Совершенно новым в этих выборах было принудительное участие в них духовенства, причем оно было заранее пристегнуто властью к «правому» блоку и все время находилось под надзором и под воздействием архиерея... И пусть ответственность за грех, который совершен был у избирательных урн рукой духовенства, падет на инспираторов этого низкого замысла, этого вопиющего насилия... Последствия этого сатанинского замысла — сделать духовенство орудием выборов правительственных кандидатов — будут неисчислимы, ибо духовенству предстоит еще отчитываться пред своей паствой за то, что по их спинам прошли в Государственную думу «губернатор» и

иные ставленники своеобразных правых... Это политический абсурд и наглый цинизм, которого нарочно не придумают и враги церкви... До сих пор мне приходилось много нападать на нигилизм интеллигентский, но я должен признать, что в данном случае ему далеко до нигилизма административного!».

Крестьяне и дворяне

Для выбора всего будущего пути России, который подспудно вызревал с начала XX века, огромное значение имело совместное, бок о бок, существование двух производственных укладов и почти двух миров — крестьянства и помещичьего хозяйства. Они находились в тесном взаимодействии, имели друг к другу долгий исторический счет, приглядывались к изменениям и настроениям в доме «соседа». Установки крестьянства были важны уже потому, что оно составляло подавляющее большинство населения и главный источник национального богатства, из него рекрутировались рабочие и солдаты. Дворяне же, как сказано выше, «связывали» все общество тем, что из него генерировалась культурная и управленческая элита. Две эти важнейшие социальные группы (сословия) надо рассматривать не только порознь, но и в их взаимодействии, как «связку», как особую подсистему российского общества.

С середины 90-х годов XIX века «миры» крестьян и помещиков стали быстро расходиться к двум разным полюсам жизнеустройства: крестьянство становилось все более «общинным», а помещики — все более капиталистами. Крестьяне строили «хозяйство ради жизни» с ориентацией на самообеспечение, а помещики — «хозяйство ради прибыли».

Укреплению общины способствовала и политика государства (установление круговой поруки для сбора налогов, податей и выкупных платежей), и необходимость самоорганизации для противостояния помещикам, и начавшиеся при внедрении капитализма и вывозе хлеба голодные кризисы. Именно после голода 1891 г. общины вернулись к переделам земли и ввели самый уравнительный принцип землепользования — по едокам. Приоритетным критерием в общине было обеспечение физического выживания людей (сейчас появилось много исследований, посвященных «этике выживания» как особом мировоззрении). Напряженность между двумя этими полюсами приобретала не только экономический, но и мировоззренческий характер, имеющий даже религиозные корни. Историки приводят показательные сравнения России и Пруссии: немецкие крестьяне, в отличие от русских, не испытывали к своему помещику-юнкеру острой неприязни, его страсть к наживе была оправдана общей для них протестантской этикой.

Столыпинская реформа лишь усугубила взаимную ненависть частных собственников земли и крестьянской массы. 24 января 1909 г., во время беседы с французским ученым П.Боером, который взял интервью у виднейших российских политиков (Столыпина, Витте и др.), С.А.Муромцев посчитал именно этот рост взаимной глухой ненависти главной опасностью для России. И эта опасность, по его мнению, лишь усугублялась внешней политической апатией и отсутствием видимых общественно-политических движений, задавленных полицейскими репрессиями.

Отмечу здесь кратко, что вообще сведение социальных отношений на селе к экономическим — глубокая ошибка. Эту ошибку в начале века в равной степени совершали и марксисты, и либералы, и консерваторы.

В 1900 г. урожайность на земле помещиков была на 12-18% выше, чем у крестьян. Это не такая уж большая разница, но в целом, за счет всех факторов, экономическая эффективность хозяйства помещий была, по расчетам министра земледелия в 1894-1905 гг. А.С.Ермолова, на 30-40% выше, чем у крестьян. Впрочем, как показал А.В.Чаянов, сам этот показатель («экономическая эффективность») применять к крестьянскому хозяйству можно лишь условно, ибо по своей природе и внутренней структуре он адекватен именно и только капиталистическому хозяйству.

Для нас здесь важнее, что, работая батраком у помещика, крестьянин с десятины обрабатываемой им земли получал, по данным А.С.Ермолова, 17 руб. заработка, в то время как десятина своей наделной земли давала ему 3 руб. 92 коп. чистого дохода. Вероятно, министр завысил заработки батрака, но что они были значительно выше чистого дохода от крестьянского труда, верно (на этом факте строил свои выводы и Ленин до 1905 г.). Тем не менее, крестьяне упорно боролись за землю и против помещиков.

Все теоретики начала века, кроме ученых народнического толка, видели причину этого в косности архаического мышления крестьян — примерно как и нынешние либеральные экономисты. Как верно заметили недавно экономисты-правоведы С.Ковалев и Ю.Латов, «ожесточенная борьба крестьян за снижение своего жизненного уровня должна представляться экономисту затяжным приступом коллективного помешательства». Консервативный экономист-аграрник А.Салтыков даже издал в 1906 г. книгу «Голодная смерть под формой дополнительного надела. К критике аграрного вопроса», где доказывал невыгодность для крестьян требовать у помещиков землю вместо того, чтобы наниматься в батраки.

На деле батрак и хозяин крестьянского двора — не просто разные статусы, а фигуры разных мироустройств. И все теории, исходящие из модели «человека экономического», к крестьянину просто неприменимы и его поведения не объясняют. Вот важный факт: во время всеобщей июльской аграрной забастовки 1905 г. в Латвии большинство забастовщиков были батраками. Они были гораздо сильнее, чем в центральной России, «овеваны духом капитализма», однако во время забастовки вели себя не как батраки, а как крестьяне. Они требовали не увеличения зарплаты, а продажи им или сдачи в аренду участков помещичьей земли. Иными словами, требовали дать им возможность восстановить статус крестьянина. А.Н.Энгельгардт, поминая «дикого помещика» Салтыкова-Щедрина, писал: «Дикий барин» думал было без мужика обойтись, да и обстыдился. Нужен мужик, а мужик-то сам хочет быть хозяином, а кнехтом быть не хочет. Это не то, что интеллигент, который в какие угодно кнехты готов итти, лишь бы только иметь обеспеченное положение» (Письмо одиннадцатое, 1881).

Далее он развивает эту мысль: «Не из либерализма утверждаю, что единственное средство для поднятия нашего хозяйства — это увеличение крестьянских наделов, вообще переход земли в руки земледельцев. Не как «либерал», как *хозяин* говорю я, что у нас до тех пор не будет никакого хозяйственного порядка, что богатства наши будут лежать втуне, пока земли не будут принадлежать тем, кто их работает... В начале было сделано много попыток завести батрацкое хозяйство с машинами и агрономиями, но все эти попытки не привели к желаемому результату. Чисто батрацких хозяйств у нас нет. «Grande culture» с работающими в хозяйстве вольнонаемными батраками оказалась невозможной, потому что она требует безземельного *кнехта*,

такого кнехта, который *продавал бы хозяину свою душу*, а такого кнехта не оказалось, ибо *каждый мужик сам хозяин*».

Главная проблема в отношениях между крестьянством и помещиками сводилась к *земле*. От крепостной зависимости крестьян освободили почти без земли, за нее крестьяне должны были платить выкуп. Эти платежи были отменены в 1905 г. благодаря революции. Землю крестьяне всегда считали своей, общинной (во время крепостного права крестьяне говорили барам: «Мы ваши, а земля наша»). Захват земли помещиками крестьяне никогда не признавали законным и в этом вопросе на компромисс не шли. Есть сведения, что даже самые консервативные помещики в начале века согласились бы отдать крестьянам половину своих земель, чтобы спокойно владеть второй половиной. Однако требование крестьян было однозначным: *национализация* земли.

Это была мысль давно и глубоко осознанная. А.Н.Энгельгардт писал: «По понятиям мужика земля — царская, конечно, не в том смысле, что она составляет личную царскую собственность, а в том, что царь есть распорядитель всей земли, главный земляной хозяин. На то он и царь. Если мужик говорит, что царю невыгодно, когда земля пустует, что его царская польза требует, чтобы земля возделывалась, то тут дело вовсе не в личной пользе царя — царю ничего не нужно, у него все есть, а в пользе общественной. Общественная польза требует, чтобы земли не пустовали, хозяйственно обрабатывались, производили хлеб. Общественная польза и справедливость требуют равнять землю, производить переделы. Мужик широко смотрит на дело, а вовсе не так, как сообщают разные корреспонденты: отнимут землю у господ и отдадут крестьянам. Нет, это не так. Царь об общественной пользе думает».

Здесь важно подчеркнуть, что крестьяне вовсе не требовали и не желали экспроприации земли у помещиков, они понимали национализацию как средство справедливо разделить землю согласно трудовому принципу — чтобы и помещикам оставить, но столько, сколько он может возделывать своим трудом. А.Н.Энгельс-гардт писал: «Газетные корреспонденты ошибочно передавали, что в народе ходят слухи, будто с предстоящей ревизией земли от помещиков отберут и передадут крестьянам. Толковали не о том, что у одних отберут и отдадут другим, а о том, что будут равнять землю. И заметьте, что во всех этих толках дело шло *только о земле* и никогда не говорилось о равнении капиталов или другого какого имущества...

Именно толковали о том, что будут равнять землю и каждому отрежут столько, сколько кто может обработать. Никто не будет обойден. Царь никого не выкинет и каждому даст соответствующую долю в общей земле. По понятиям мужика, каждый человек думает за себя, о своей личной пользе, каждый человек эгоист, только мир да царь думают обо всех, только мир да царь не эгоисты. Царь хочет, чтобы всем было *равно*, потому что всех он одинаково любит, всех ему одинаково жалко. Функция царя — всех *равнять*...

Крестьяне, купившие землю в собственность или, как они говорят, в вечность, точно так же толковали об этом, как и все другие крестьяне, и нисколько не сомневались, что эти «законным порядком за ними укрепленные земли» могут быть у «законных владельцев» взяты и отданы другим. Да и как же мужик может в этом сомневаться, когда, по его понятиям, вся земля принадлежит царю и царь властен, если ему известное распределение земли невыгодно, распределить иначе, *поравнять*. И как стать на точку закона права собствен-

ности, когда население не имеет понятия о праве собственности на землю?»

На деле и крестьяне, и помещики подспудно признавали, что вопрос о земле не сводится к выгоде, тем более понимаемой узко в терминах экономики. Следуя линии народников, экономист-аграрник П.Вихляев обосновал присущее России «право на землю», которое, по его мнению, должно было быть положено в основу русской государственности после революции 1905 г. (из его трудов исходили в своих программах эсеры). В книге «Право на землю» (1906) он писал: «Частной собственности на землю не должно существовать, земля должна перейти в общую собственность всего народа — вот основное требование русского трудового крестьянства».

Здесь был корень конфликта, ибо европейски образованные дворяне и политики исходили из западных представлений о частной собственности. Понятно, что требования крестьян выглядели в их глазах преступными и отвратительными посягательствами на чужую собственность. А.Салтыков писал: «Само понятие права состоит в непримиримом противоречии с мыслью о принудительном отчуждении. Это отчуждение есть прямое и решительное отрицание права собственности, того права, на котором стоит вся современная жизнь и вся мировая культура».

Этот конфликт не находил рационального разрешения через общественный компромисс во многом потому, что две части общества существовали в разных системах права и не понимали друг друга, считая право другой стороны «бесправием». Такое «двоеправие» было важной своеобразной чертой России, до сих пор не изжитой. Как говорят юристы, на Западе издавна сложилась двойственная структура «право — беспра-

вие», в ее рамках мыслил и культурный слой России начала XX века. Но рядом с этим в России жила более сложная система: «официальное право — обычное право — бесправие». Обычное право для «западника» кажется или бесправием, или полной нелепицей (это видно и по нашим нынешним «демократам»).

Видимо, сотни молодых правоведов, которые, по словам Т.Шанина, разъехались по России изучать общинное право, все же не смогли донести до правящих классов и до политиков традиционные крестьянские понятия о праве. Это пытались сделать народники, говоря о сохранении в среде крестьянства основ старого обычного права — *трудового*. Оно было давно изжито на Западе и не отражалось в его правовых системах.

Право на землю в сознании крестьян было тесно связано с *правом на труд*. В книге «Русская община» (1906) народник К.Качаровский пишет: «Право труда говорит, что владельцы-капиталисты не обрабатывают сами земли, а потому не имеют прав ни на нее, ни на ее продукт, а имеют право те, кто ее обрабатывает. Право на труд заявляет, что капиталистическая земельная собственность нарушает равномерность распределения между людьми основного, необходимого для их жизни блага, и требует уравнительного его распределения сообразно равному праву всех людей».

Представления о праве на труд и на землю имели под собой религиозные корни и опирались на православленную антропологию — понимание сущности человека и его прав. Сама Православная церковь, которая принципиально избегала вмешательства в социальную политику, официально своей доктрины права собственности не излагала. Для католической церкви, активно участвующей в делах земных, отношение к частной собственности оказалось одной из наиболее «неудобных» проблем.

В конце позапрошлого века папа Лев XIII выступил с энцикликой *Rerum novarum*. К ее столетию Иоанн Павел II, еще более активный политик и идеолог, издал энциклику *Centesimus Annus*. В ней он, в частности, говорит: «Церковь учит, что собственность не является абсолютным правом, поскольку в ее природе как человеческого права содержится ее собственное ограничение... Частная собственность, по самой своей природе, обладает и социальным характером, основу которого составляет общее предназначение вещей».

Особенно это касается собственности на землю: «Бог дал землю всему человеческому роду, чтобы она кормила всех своих обитателей, не исключая никого из них и не давая никому из них привилегий. Здесь первый корень всеобщего предназначения земных вещей».

Совершенно очевидно, что это противоречит реальному положению дел — частная собственность на землю дает привилегии собственникам и исключает из числа питающихся очень многих. Сейчас, пытаясь собрать под свое крыло ту паству, которая разбредается после поражения коммунизма, Ватикан осваивает совсем уж социалистический язык. В энциклике 1987 г. *Sollicitudo Rei Socialis* папа камня на камне не оставляет от представления о частной собственности как естественном праве: «Необходимо еще раз напомнить этот необычный принцип христианской доктрины: вещи этого мира изначально предназначены для всех. Право на частную собственность имеет силу и необходимо, но оно не аннулирует значения этого принципа. Действительно, над частной собственностью довлеет социальный долг, то есть, она несет в себе, как свое внутреннее свойство, социальную функцию, основанную как раз на принципе всеобщего предназначения имеющегося добра».

Понятно, что если мы слышим такое от главы западной церкви в конце XX века, на пике неолиберальной волны, то в среде православных крестьян России в начале века идея «всеобщего предназначения имеющегося добра» казалась самоочевидной, и ее противники выглядели просто злонамеренными людьми. Хотя Православие избегало явного изложения социальных доктрин, в духовно-религиозном плане частная собственность всегда трактовалась как небогоугодное устройство. Красноречивый пример — перевод архиепископом Василием (Кривошеиным) поучений преподобного Симеона Нового Богослова (949-1022)¹.

Вот что говорит пр. Симеон в Девятом «Огласительном слове»: «Существующие в мире деньги и имения являются общими для всех, как свет и этот воздух, которым мы дышим, как пастбища неразумных животных на полях, на горах и по всей земле. Таким же образом все является общим для всех и предназначено только для пользования его плодами, но по господству никому не принадлежит. Однако страсть к стяжанию, проникшая в жизнь, как некий узурпатор, разделила различным образом между своими рабами и слугами то, что было дано Владыкою всем в общее пользование. Она окружила все оградами и закрепила башнями, засовами и воротами, тем самым лишив всех остальных людей пользования благами Владыки. При этом эта бесстыдница утверждает, что она является владельницей всего этого, и спорит, что она не со-

¹ Этот перевод впервые опубликован в 1961 г. в «Вестнике Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата», № 38-39. Терминология перевода кажется слишком осовремененной (например, «частная собственность»), однако автор перевода приводит греческие слова оригинала и доказывает, что именно эти термины, кажущиеся нам столь современными, являются наиболее адекватными.

вершила несправедливости по отношению к кому бы то ни было».

В другом месте Девятого «Слова» осуждение частной собственности носит еще более резкий характер: «Дьявол внушает нам сделать частной собственностью и превратить в наше сбережение то, что было предназначено для общего пользования, чтобы посредством этой страсти к стяжанию навязать нам два преступления и сделать виновными вечного наказания и осуждения. Одно из этих преступлений — немилосердие, другое — надежда на отложенные деньги, а не на Бога. Ибо имеющий отложенные деньги... виновен в потере жизни тех, кто умирал за это время от голода и жажды. Ибо он был в состоянии их напитать, но не наплатил, а зарыл в землю то, что принадлежит бедным, оставив их умирать от голода и холода. На самом деле он убийца всех тех, кого он мог напитать».

Отрицание помещичьей собственности на землю приобретало не только политический, но и религиозный характер и направляло Россию в русло антибуржуазной революции. Вот опубликованная в то время запись одного разговора, который состоялся весной 1906 г. в вагоне поезда. Попутчики спросили крестьянина, надо ли бунтовать. Он ответил: «Бунтовать? Почему бунтовать-то? Мы не согласны бунтовать, этого мы не одобряем... Бунт? Ни к чему он. Наше дело правое, чего нам бунтовать? Мы землю и волю желаем... Нам землю отдай да уברי господ подале, чтобы утешения не было. Нам надо простору, чтобы наша власть была, а не господам. А бунтовать мы не согласны».

Один из собеседников засмеялся: «Землю отдай, власть отдай, а бунтовать они не согласны... Чудак! Кто же вам отдаст, ежели вы только желать будете да просить... Чудаки!». На это крестьянин ответил, что за правое дело народ «грудью восстанет, жизни своей не жа-

леючи», потому что, если разобраться по совести, это будет «святое народное дело».

Многие из дворян, жившие в поместьях, в действительности понимали умонастроения крестьян и считались с их «мужицким правом». С этим связывают факт существования большого числа помещиков, которые сами вели хозяйство — неумело, себе в убыток. А.Энгельгардт в своих «Письмах из деревни» пишет: «Я положительно недоумеваю, для чего существуют эти хозяйства: мужикам — затеснение, себе — никакой пользы. Не лучше ли бы прекратить всякое хозяйство и отдать землю крестьянам за необходимую для них плату? Единственное объяснение, которое можно дать, — то, что владельцы ведут хозяйство только для того, чтобы констатировать право собственности на имение».

Иными словами, именно труд помещика на его земле сразу давал ему в глазах крестьян право на эту землю — против него не было потрав, захватов, поджогов. Много пишет в своих дневниках об отношениях крестьян с такими «работающими» помещиками один из них, М.М.Пришвин. Работая на своей земле, он не имел с крестьянами никаких столкновений даже летом 1917 г.

Думаю, надо считать несчастьем России тот факт, что главные политические и философско-политические течения начала века, оттеснившие на обочину народников, следовали евроцентристским представлениям о человеке, собственности, хозяйстве. Не понимая мировоззрения крестьян, они невольно углубили общественный раскол, придали ему характер поистине религиозного конфликта.

Удивительно точным оказалось предвидение М.Вебера, который внимательно следил за ходом революции 1905-1907 гг. Он писал в 1906 г.: «О разложе-

нии «народнической» романтики позаботится дальнейшее развитие капитализма. Без сомнения, ее место займет, по большей части, марксизм. Но для работы над огромной основополагающей аграрной проблемой его духовных средств совершенно недостаточно, и именно она может вновь свести между собой оба эти слоя интеллигенции».

Так и получилось, верх взяли большевики, преодолевшие узость марксистского взгляда на крестьянство, пришедшие к идее союза рабочих и крестьян и принявшие аграрную программу наследников народничества, эсеров (а затем, при переходе к нэпу, и концепцию неонародника А.В.Чаянова).

Армия

В 1917 г. в особый и исключительно важный социальный организм превратилась российская армия. Ее главные черты и роль в революции не вполне укладываются в обычные классовые представления. Эти черты и качества не являются и постоянными, они проявились именно в специфических исторических обстоятельствах 1917 г.

Очень важен был тот факт, что очень большая часть солдат из крестьян и рабочих прошли «университет» революции 1905-1907 г. в юношеском возрасте, когда формируется характер и мировоззрение человека. Они были и активными участниками волнений, и свидетелями карательных операций против крестьян после них. В армию они пришли уже лишенными верноподданнических монархических иллюзий.

Та революция вообще оказала очень большое влияние на русскую армию как организм. Армия, состоявшая главным образом из крестьян, пока что молчаливо

наблюдала конфликт с крестьянством, проложивший пропасть между государством и главным сословием страны. Член ЦК партии кадетов В.И.Вернадский писал в июне 1906 г.: «Теперь дело решается частью стихийными настроениями, частью все больше и больше приобретает вес армия, этот сфинкс, еще более загадочный, чем русское крестьянство».

Большая, мировая война вынудила мобилизовать огромную армию, которая, как выразился Ленин, «вобрала в себя весь цвет народных сил». Впервые в России была собрана армия такого размера и такого типа. В начале 1917 г. в армии и на флоте состояло 11 млн. человек — это были мужчины в расцвете сил. Классовый состав был примерно таков: 60-66% крестьяне, 16-20% пролетарии (из них 3,5-6% фабрично-заводских рабочих), около 15% — из средних городских слоев. Армия стала небывалым для России форумом социального общения, тем более — не поддающегося политической цензуре. В тесное общение армия ввела и представителей многих национальностей (костяк армии составляли 5,8 млн. русских и 2,4 млн. украинцев).

Долгая и тяжелая война соединила всю эту огромную массу людей в сплоченную организацию, причем организацию *коммунистического* типа. А.А.Богданов, изучая впоследствии само явление *военного коммунизма*, большое внимание уделил влиянию этого уравнительного уклада воинской общины, какой является армия, на ход русской революции. Это влияние было большим и, например, в германской армии, но в России оно к тому же наложилось на общинный крестьянский коммунизм основной массы военнослужащих.

Именно солдаты после Февральской революции стали главной социальной силой, породившей *Советы*. Вот данные мандатной комиссии I Всероссийского

съезда Советов (июнь 1917 г.). Делегаты его представляли 20,3 млн. человек, образовавших советы, — 5,1 млн. рабочих, 4,24 млн. крестьян и 8,15 млн. солдат. Солдаты составляли и очень большую часть политических активистов — в тот момент они составляли более половины партии эсеров, треть партии большевиков и около одной пятой меньшевиков.

Надо также помнить, что в армии возникли влиятельные национальные и профессиональные организации, так что солдаты получали большой политический опыт сразу в организациях разного типа, в горячих дискуссиях по всем главным вопросам, которые стояли перед Россией.

Единственной большой либерально-демократической партией в России были кадеты — Конституционно-демократическая партия. Они были носителями «европеизированного» сознания и мечтали о преобразовании России парламентским путем по западному образцу. Поэтому именно восприятие обществом их программы и политическая эволюция кадетов в ходе русской революции нагляднее всего показывают, почему же не привился у нас буржуазно-либеральный проект. Почему кадеты, собрав у себя цвет интеллигенции, имея большую финансовую поддержку, придя под общее ликование к власти в Феврале 1917 г., оказались оттерты на обочину Советами. Тут — прямое объяснение нашей судьбы до конца XX века.

Л. В. Успенский в «Записках старого петербуржца» (1970) оставил такое личностное описание кадетов 1917 г.: «...Дима Мейснер был у нас в ОСУЗе представителем учащихся Петроградской стороны. С самых первых дней революции он вошел в нашу среду, обладая уже тем, чем мы в большинстве своем не обладали, — совершенно точной политической позицией. Он сразу же заявил себя и все время с большой уверенностью продолжал думать, говорить, поступать как

хорошо определивший свои взгляды юный кадет. В эти дни, собственно, уже нельзя было называть кадетов «кадетами»: «ка-дэ» значило ведь «конституционный демократ». С момента Революции смысл этих слов утратился: «конституционность» предполагала наличие монархии: какая же может быть «неконституционная республика»? Но — то ли по языковой инерции, то ли в силу смутных надежд на Учредительное собрание, которое авось да вернет в Россию монархический, на английский манер, строй, — и они сами, и окружающие продолжали именовать этих «конституционалистов» по-старому. Кадетом не без гордости считал и звал себя и Дима Мейснер.

Он был кадетом не только по настроению и верованиям. Он, как мне теперь представляется, был лично связан с Павлом Милюковым, являлся при нем чем-то вроде «адъютанта по молодежным делам». Когда я восстанавливаю сейчас в памяти его образ, он рисуется мне стопроцентным милюковцем, одним из тех кадетских деятелей — правда, в те времена только «in spe», в зародыше, — у которых и во внешности, и в жестах, и в «способе держать себя с окружающими» все было пропитано «кадетизмом». Что такое был истинный кадет? Прежде всего, все они были до мозга костей интеллигентами, даже интеллектуалами: полуполитическими деятелями, полупрофессорами. Настоящий кадет выглядел, да и в глубине своей был, человеком хорошо образованным, человеком с хорошими теоретическими познаниями по части истории страны, Европы, мира... Среди них были англофилы, подобные В. Д. Набокову, и галломаны, подобные, пожалуй, Ф. И. Родичеву... Все они были несомненными западниками.. Всюду — и на кафедрах университетов, и на думской трибуне — они стремились быть прежде

всего «джентльменами». Одни из них как бы подсознательно ориентировались на Кондорсе или на Тьера, другие — на английских вигов — на Питта, на Гладстона... Но при этом все они, начиная со своего идейного вождя и учителя Милюкова, оставались, если вспомнить меткое слово Александра Иванова, художника, обращенное к позднему Гоголю, «прекрасными теоретическими человеками»... Они превосходно разбирались в политике Древнего Рима, в эпохе Кромвеля, во всем, что рассказывали о прошлом их современники — историк Сеньобос или наши профессора-сеньобосы Виноградов и Платонов. Они были до предела «подкованными» во всем, что касалось прошлого — далекого и близкого. Но у них не было ни малейшего представления о реальных закономерностях современной жизни...»

С точки зрения нынешних «умных» мыслителей, кадеты были идеальной партией. Их неудачу нельзя списать на авантюризм, недомыслие или вульгарные «ошибки». Они были приверженцами самой благородной демократии и рыночной экономики, не запятнали себя ни терроризмом, ни крутыми революционными мерами. Кадеты были интеллектуальной «партией мнения». Они имели в своих рядах многих видных философов и экономистов, ученых и публицистов. Склонные к рефлексии, кадеты оставили множество ярких выступлений, которые в совокупности служат для нас важным свидетельством эпохи.

Немного об их истории. Становление партии началось с издания, начиная с июля 1902 г. в Штутгарте нелегального журнала «Освобождение», редактором которого был известный философ, «легальный марксист» Б.П.Струве. В 1903 г. возникли две организации — «Союз освобождения» и «Союз земцев-

конституционалистов». Они и образовали партию на съезде в октябре 1905 г. в Москве, на волне революции. Кадеты считали себя партией «внеклассовой» и отвергали идею *социальной* революции, хотя и признавали возможность, в крайнем случае, революции *политической*. На втором съезде, в январе 1906 г., к названию партии было прибавлено: *Партия народной свободы*. 12 июня 1906 г. была учреждена другая либеральная партия — Прогрессивная партия мирного обновления. В ее фракцию в Думе входили 25-29 депутатов и до 40 «сочувствующих» (см. В.В.Шелохаев. Прогрессисты — партия предпринимателей и интеллектуалов. — ПОЛИС, 1993, № 4).

К весне 1906 г. по всей России возникло более 360 комитетов разного уровня партии кадетов, в ней насчитывалось около 70 тыс. членов. Они создали обширную прессу — до 70 центральных и местных газет и журналов, много партийных клубов и кружков. По интенсивности пропаганды и качеству ораторов им не было равных — кадеты распространяли бесплатные брошюры, расклеивали плакаты, снимали для избирательных собраний хорошие помещения, куда стекались по несколько тысяч человек.

Кадеты получили большую поддержку со стороны еврейской буржуазии, которая приняла активное участие в революционном процессе в России. Сама «Краткая еврейская энциклопедия» приводит такие слова С.Ю.Витте: «Почти все еврейские интеллигенты, кончившие высшие учебные заведения, пристали к партии «Народной свободы», которая сулила им немедленное равноправие. Партия эта в значительной степени обязана своим влиянием еврею, которое питало ее как своим интеллектуальным трудом, так и материальным». Самое активное участие принимали кадеты в деятельности масонства.

Кадеты были инициаторами создания в мае 1905 г. Союза Союзов — объединения профсоюзов служащих из «среднего класса». Но эта организация отказалась идти в русле либерального движения. П.Милюков, которого уже в июле сместили с поста ее председателя, сравнивал кадетов с курицей, которая высидела утят. Он жаловался в воспоминаниях: «Я не предвидел, что очень скоро мне самому придется отойти от Союза Союзов, когда он послушно пойдет за ленинской линией».

В ходе революции 1905 г. даже правые кадеты не выступали против революции как принципа, они лишь призывали «не делать из революции кумира». В их среде было ясное понимание того, что они как политическая сила созданы демократическим движением масс и, по словам Ленина, рассчитывают «на массы, как на *пьедестал* своих успехов, своего господства». Лидер кадетов П.Н.Милюков напоминал, что 17 октября 1905 г. (издание царского Манифеста о первой либеральной реформе) «наступило не одними усилиями партии народной свободы, — а усилиями, гораздо более решительными, партий, стоящих левее».

Вне союза с «красными» кадеты не только не имели бы связи с массами, но и не представляли бы никакого серьезного партнера для власти. Говоря о роли кадетов в революции 1905-1907 гг., Милюков с горечью обращался к противникам справа в Думе: «Мы оказались слабыми не потому, что вы были против нас. Вы пришли позднее, тогда вы сидели по домам. Мы оказались одни потому, что отошла от нас та самая левая сторона, в руководительстве которой вы нас обвиняете. Нас звали в министры тогда, когда считали, что мы — сила и опираемся на такую же красную силу, на какую опираются теперь с правой стороны, — на черную си-

лу. Вот почему нас уважали, пока нас считали революционерами. Но когда оказалось, что мы только строго-конституционная партия, тогда надобность в нас прошла».

С.Ю.Витте считал, что либеральная позиция кадетов изначально была обречена на неудачу, что им надо было сдвинуться вправо. Он писал: «Если бы кадеты были со мной, они не оказались бы там, где находятся сейчас. Нужно было удержаться то, что давали; нужно было стать октябристами». Но и сдвиг вправо, по мнению Витте, вряд ли бы помог, потому что кадеты вызывали недоверие, ибо после разгрома революции «стали монархистами в силу обстоятельств, а не по убеждению».

Связь кадетов с демократическим движением во время революции, была, если можно так выразиться, идеальной, в ней не было социального субстрата. Кадеты в своих либерально-буржуазных устремлениях оказывались между входящими в конфликт классами и сословиями, не вбирая в себя силу никакого класса. Во время столыпинской реформы кадеты постепенно утрачивали свою позицию и искали компромисса с правительством, удаляясь, таким образом, от крестьянства. На заседании ЦК 31 января 1907 г. А.С.Изгоев так определил стратегию кадетов: «Необходим компромисс. Мы будем соглашаться с теми группами, которые признают оппортунизм. Если левые против этого, мы будем заключать союзы с правыми».

Ленин отзывался о кадетях резко — «кадеты — могильные черви революции». Но если отвлечься от обидной фразеологии, а взять лишь смысл его характеристики, то она, в общем, совпадает с самооценкой кадетов. Он писал: «Партия кадетов — эфемерная,

безжизненная партия... Кадеты не партия, а симптом. Это не политическая сила, а пена, которая получается от столкновения более или менее уравнивающих друг друга борющихся сил. Они соединяют в себе, поистине, лебедя, рака и щуку — болтливую, чванную, самодовольную, ограниченную, трусливую буржуазную интеллигенцию, контрреволюционного помещика, желающего за сходную цену откупиться от революции, и, наконец, твердого, хозяйственного, экономного и прижимистого мелкого буржуа. Эта партия не хочет и не может сколько-нибудь прочно властвовать в буржуазном обществе вообще, не хочет и не может вести по какому-нибудь определенному пути буржуазно-демократическую революцию. Кадеты не хотят властвовать, предпочитая «состоять» при монархии и верхней палате... Кадеты — партия мечтаний о беленьком, чистеньком, упорядоченном, «идеальном» буржуазном обществе».

Когда кадеты после поражения революции стали быстро сдвигаться вправо, он так писал о них: «Вы зовете себя партией народной свободы? Подите вы! Вы — партия мещанского обмана народной свободы, партия мещанских иллюзий насчет народной свободы... Вы — партия слов, а не дела, обещаний, а не исполнений, конституционных иллюзий, а не серьезной борьбы за настоящую (не бумажную только) конституцию».

В I Государственную Думу от кадетов прошло 179 депутатов, член ЦК их партии С.А.Муромцев стал председателем Госдумы, все его заместители и председатели 22 комиссий также были кадетами. Дума была разогнана через 72 дня ее работы, 8 июля 1906 г. Половина депутатов собралась в Выборге и приняла знаменитое Выборгское воззвание (причем предложений левых — социал-демократов и трудовиков, кадеты не приняли, что отдалило их и от рабочих, и от крестьян). Стоит нам это воззвание сегодня прочитать.

«НАРОДУ ОТ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ

Граждане всей России!

Указом 8 июля Государственная Дума распущена. Когда вы избрали нас своими представителями, вы поручили нам добиваться земли и воли. Исполняя ваше поручение и наш долг, мы составили законы для обеспечения народу свободы, мы требовали удаления безответственных министров, которые безнаказанно нарушали законы, подавляли свободу; но прежде всего мы желали издать закон о наделении землею трудящегося крестьянства путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и принудительного отчуждения земель частновладельческих. Правительство признало такой закон недопустимым. А когда Дума еще раз настойчиво подтвердила свое решение о принудительном отчуждении, был объявлен роспуск народных представителей. Вместо нынешней Думы правительство обещает созвать другую через 7 месяцев. Целых 7 месяцев Россия должна оставаться без народных представителей в такое время, когда народ находится на краю разорения, промышленность и торговля подорваны, когда вся страна охвачена волнениями и когда министерство окончательно доказало свою неспособность удовлетворить нужды народа. Целых 7 месяцев правительство будет действовать по своему произволу и будет бороться с народным движением, чтобы получить послушную, угодную Думу, а если ему удастся совсем задавить народное движение, оно не соберет никакой Думы. Граждане! Стойте крепко за поправленные права народного представительства, стойте за Государственную Думу. Ни одного дня Россия не должна оставаться без народного представительства. У вас есть способ добиваться этого.

Правительство не имеет права без согласия народного представительства ни собирать налоги с народа, ни призывать народ на военную службу. А потому теперь, когда правительство распустило Государственную Думу, вы вправе ему не давать ни солдат, ни денег. Если же правительство, чтобы добыть себе средства, станет делать займы, то такие займы, заключенные без согласия народного представительства, отныне недействительны, русский народ никогда их не признает и платить по ним не будет. Итак, до созыва народного представительства не давайте ни копейки в казну, ни одного солдата в армию. Будьте тверды в своем отказе, стойте за свое право все, как один человек. Перед единой и непреклонной волей народа никакая сила устоять не может. Граждане! В этой вынужденной и неизбежной борьбе ваши выборные будут с вами».

В сентябре 1906 г. кадеты отказались от требований Выборгского воззвания и пошли на выборы во II Государственную Думу под очень умеренными лозунгами. Они получили 98 депутатских мандатов, но председателем Госдумы опять был выбран член ЦК кадетов (Ф.А.Головин). В III Думу кадеты провели только 54 депутата, а в следующую 59. Во время войны кадеты поначалу отказались от оппозиционной борьбы ради единства правительства и общества. Но уже летом 1915 г. по их инициативе был создан оппозиционный Прогрессивный блок, фактическим руководителем которого стал Милюков. В этот блок вошли 236 из 422 депутатов.

Теперь кадеты выступали под патриотическими, но радикально антиправительственными лозунгами. 1 ноября в Думе Милюков произнес свою знаменитую речь с обвинениями в адрес правительства и двора (он ста-

вил риторический вопрос: «Что это — глупость или измена?»¹. Цензура запретила эту речь публиковать, но кадеты ее издали миллионными тиражами и распространяли не только в тылу, но и в действующей армии. Она способствовала дестабилизации обстановки.

После Февраля кадеты сразу заняли главенствующее положение во Временном правительстве и фактически вырабатывали его программу. Милюков стал министром иностранных дел. Находясь во власти, они быстро сдвигались вправо, отходя даже от своих программных принципов. Так, будучи демократами и считая насилие принципиально неприемлемым средством, они летом 1917 г. сделали ставку на военную диктатуру и участвовали в организации попытки военного переворота Л.Г.Корнилова. Это означало конец либерально-демократического проекта в России начала XX века. М.И.Пришвин писал в дневнике в то время: «Никого не ругают в провинции больше кадетов, будто хуже нет ничего на свете кадета. Быть кадетом в провинции — это почти что быть евреем». В Учредительном собрании кадеты получили всего 17 мест из 707. После провала корниловского путча кадетов удалили из Временного правительства, и это резко ослабило и те партии, которые находились в коалиции с кадетами (прежде всего меньшевиков). После Октября кадеты попытались бороться с Советской властью, но были объявлены «вне закона».

Когда нынешние идеологи ассоциируют русскую революцию исключительно с большевиками, они идут на самый заурядный подлог — революцию на «последней прямой», уже в XX веке, готовили прежде всего эсеры

¹ Основание для этого демагогического афоризма дал Милюкову военный министр Д.С.Шуваев, который во время приступа шпионмании оправдывался: «Я, может быть, дурак, но не изменник».

и анархисты, но и кадеты немало для нее сделали. А катастрофическим сломом всего старого жизнеустройства была именно Февральская революция, в которой большевики не принимали никакого участия. Поэтому антикоммунисты сегодня вынуждены манипулировать историей: не могут же они открыто стать на сторону эсеров и анархистов, более разрушительных, чем большевики, революционных течений. Назвать себя сторонниками кадетов? Но те оказались совершенно несостоятельны и были отвергнуты практически всем обществом.

Так обращаясь с историей, нынешние идеологи издеваются над трагедией кадетов — важного течения в русской политической истории, немногочисленной когорты честных либералов. А ведь их неудача очень важна для понимания России. Над ней размышлял М.Вебер, внимательно изучая нашу революцию 1905 г. Он писал, что кадеты прокладывали дорогу как раз тем устремлениям, что устраняли их самих с политической арены. Так что кадетам, по словам Вебера, ничего не оставалось, кроме как надеяться, что их враг — царское правительство — не допустит реформы, за которую они боролись. Редкостная историческая ситуация, и нам было бы очень полезно разобрать ее сегодня.

Идея конституционализма изложена уже в первых программных документах Союза освобождения. В декларации его конференции сказано: «Считая политическую свободу даже в самых ее минимальных пределах совершенно несовместимой с абсолютным характером русской монархии, Союз будет добиваться прежде всего уничтожения самодержавия и установления в России конституционного режима». Кадеты разрабатывали два проекта конституции — «проект Струве» и «проект Мухомовцева», которые обсуждались с виднейшими западными правоведами, включая М.Вебера. Более умерен-

ный, напоминающий германскую конституционную систему проект Муромцева был «в принципе» принят земским съездом в июле 1905 г. и опубликован в газете «Русские ведомости» вместе с проектом избирательного закона.

Кратко отмечу одну сторону конституционализма кадетов, которая выяснилась сразу после обнародования их программы — его несовместимость со сложившимся в России типом сосуществования народов. Беря за идеал государственного и общественного устройства Запад, либералы заведомо принимали перспективу разрушения России как многонациональной евразийской державы. Таким образом, в случае их успеха (как это и случилось в Феврале 1917 г.) их программа обрекала Россию на катастрофу, за которой должен был последовать неминуемый откат, реставрация, уничтожающая тогдашних носителей западного либерализма.

Это предвидел П.А.Столыпин, который в 1908 г. предупреждал либералов: «Но не забывайте, господа, что русский народ всегда сознавал, что он осел и окреп на грани двух частей света, что он отразил монгольское нашествие и что ему дорог и люб Восток; это его сознание выражалось всегда и в стремлении к переселению, и в народных преданиях, оно выражается и в государственных эмблемах. Наш орел, наследие Византии — орел двуглавый. Конечно, сильны и могущественны и одноглавые орлы, но, отсекая нашему русскому орлу одну голову, обращенную на восток, вы не превратите его в одноглавого орла, вы заставите его только истечь кровью».

Но главное — социальная программа кадетов. Ядром ее была аграрная программа. Вокруг нее в партии шли острые дебаты (о них оставил воспоминания В.И.Вернадский). По аграрному вопросу в среде каде-

тов шло размежевание на «правых» и «левых». В начале 1906 г. на 2-м съезде партии была образована Аграрная комиссия, в состав которой вошел и Вернадский (в «левую» группу). И в этой комиссии, и став в июне 1917 г. председателем Сельскохозяйственного ученого комитета Министерства земледелия, Вернадский отстаивал как первый принцип аграрной политики *идею социальной справедливости* — «как она претворилась в народное сознание или создана вековой народной идеологией» (В.И.Вернадский. Из размышлений по аграрному вопросу в России. — «Вопросы истории естествознания и техники. 1989, № 1). Однако левые кадеты, разумеется, не определяли общую линию партии.

В I Думе кадеты предлагали отчуждение и продажу крестьянам сравнительно небольшой части помещичьих земель — тех, которые обрабатывались без привлечения наемного труда и имели урожайность ниже, чем у окрестных крестьян. Во II Думе кадеты, не изменяя целей своей программы, выдвинули «проект 42-х», согласно которому отчуждаемые у помещиков земли поступали в государственный фонд и отдавались крестьянам не в собственность а в пользование. То есть они предлагали частичную национализацию земли. Целью было постепенное создание слоя фермеров.

Именно трагическая несовместимость этой программы с чаяниями и культурой российского общества стала объектом важного исследования М.Вебера и много дала ему для понимания современного капитализма и традиционного общества. Кадеты как носители идеалов современного либерального капитализма вошли в неразрешимое противоречие с традиционным обществом России — и по ходу событий все отчетливее это сознавали. Но уже не могли вырваться из своего «коридора». Изложу здесь эти рассуждения Вебе-

ра, как их представили два видных исследователя его трудов — историк-эмигрант А.Кустарев и философ Ю.Давыдов.

Кстати, А.Кустарев делает важное замечание: «русские штудии» Вебера не были приняты во внимание западными исследователями русской истории XX века. Во многом этим и было обусловлено их крайнее и даже поразительное непонимание того, что происходило в России и СССР (например, то непонимание, которое проявило обществоведение фашистской Германии). Я бы только добавил, что и советское обществоведение недалеко ушло от западного.

Главное противоречие программы кадетов заключалось в том, что они стремились ослабить или устранить тот барьер, который ставило на пути развития либерального капиталистического общества самодержавие с его сословным бюрократическим государством. Но Вебер видел, что при этом через прорванную кадетами плотину хлынет мощный антибуржуазный революционный поток, так что идеалы кадетов станут абсолютно недостижимы. Либеральная аграрная реформа, которой требовали кадеты, «по всей вероятности мощно усилит в экономической практике, как и в экономическом сознании масс, архаический, по своей сущности, коммунизм крестьян», — вот вывод Вебера. Таким образом, реформа «должна замедлить развитие западноевропейской индивидуалистической культуры».

Из этого, кстати, видно, какова была глубина той исторической ловушки, в которую попала Россия, становясь периферийной страной капитализма. Самодержавие при всем желании не могло ослабить барьер против либеральной модернизации, поскольку при этом был слишком велик риск, что из-под контроля выйдут уже гораздо более мощные силы «архаического коммунизма». Перед разгоном I Государственной Думы

лидер октябристов А.И.Гучков писал о двух вариантах — смене правого правительства или роспуске Думы: «В первом случае получим анархию, которая приведет нас к диктатуре; во втором случае — диктатуру, которая приведет к анархии. Как видите, положение, на мой взгляд, совершенно безвыходное. В кружках, в которых приходится вращаться, такая преступная апатия, что иногда действительно думаешь, да уж не созрели ли мы для того, чтобы нас поглотил пролетариат?».

Наличием этих порочных кругов Вебер объясняет, в частности, маниакальную вражду самодержавия к земству как конкурирующему институту управления — а значит, к значительной части дворянства и интеллигенции. Самодержавие в попытках остановить революцию вынуждено подавлять своих естественных союзников. Дав урезанную, выхолощенную конституцию (Манифест 17 октября 1905 г.), самодержавие стало ее заложником и потеряло свою силу, не приобретя ничего взамен. Отныне оно могло только ухудшать ситуацию, но не имело возможности ее улучшить. «Оно не в состоянии предпринять попытку разрешения какой угодно большой социальной проблемы, не нанося себе при этом смертельный удар», — писал Вебер. Он высказывает, но здесь не развивает важную мысль: при этом самодержавие стало более деструктивной политической силой, чем тогда, когда оно располагало неограниченной властью. Оно стало «мстить обществу».

Кадеты считали, что политическая реформа позволит провести и главную социальную реформу — аграрную. И как будто политические требования кадетов совпадали с крестьянскими — и те, и другие поддерживали идею всеобщего избирательного права. Но Вебер считает, что эти взгляды кадетов ошибочны, потому что крестьяне исходят из совсем иного основания: в их глазах всякие ограничения избирательного права

противоречат традиции русской общины, в которой каждый землепользователь имел право голоса. Но, как пишет Вебер, «ни из чего не видно, что крестьянство симпатизирует идеалу личной свободы в западноевропейском духе. Гораздо больше шансов, что случится прямо противоположное. Потому что весь образ жизни в сельской России определяется институтом полевой общины».

Кстати, признавая, что кадеты являются истинными западниками (из чего и вытекают их ошибочные надежды), Вебер вскользь отмечает, что сам идеал свободы кадетов в глубине своей отличен от либерального западного идеала. У кадетов он вытекает из идеала справедливости, который имеет у них абсолютный приоритет и вдохновлен верой в этически-религиозную оригинальность политической миссии русского народа. Это, по словам Вебера, есть «этически ориентированная демократия», которая отрицает «этику успеха» и не признает ценность чего бы то ни было этически нейтрального. Иными словами, и кадеты в глубине своей исходили из идеала традиционного, а не западного общества.

Ю.Н.Давыдов пишет: «Анализ сознания и практических устремлений всех общественно-политических сил, так или иначе вовлеченных в революционные события 1905-1906 гг. — интеллигенции, инициировавшей революцию и игравшей в ней наиболее активную роль, крестьянства, тонкого слоя собственно «буржуазии», малочисленного рабочего класса и аморфной городской «мелкой буржуазии», — привел Вебера к заключению, что «массы», которым всеобщее избирательное право «всучило» бы власть, не будут действовать в духе либеральной буржуазно-демократической программы.

Более того, согласно веберовскому убеждению, есть все основания полагать, что «массам» будут импониро-

вать требования, в основе которых лежат интересы, диаметрально противоположные главной идее конституционных демократов, «по поводу» которой, собственно, и образовалась эта партия, — идее «прав человека»».

Таким образом, парадоксальность положения кадетов в России была в том, что хотя они имели успех на выборах и, казалось бы, нашли своего избирателя, это был, по выражению Вебера, «чужой избиратель», а вовсе не реальная социальная база кадетов. Он, по словам Вебера, чужд им культурно и в дальнейшем политическом развитии постарается от них избавиться с тем, чтобы преследовать собственные интересы и идеалы, которые не имеют ничего общего с основными буржуазно-демократическими концепциями субъективной свободы, индивидуальной собственности и индивидуальных прав человека.

И это быстро поняли все в России. В 1911 г., когда Столыпин провел один законопроект в обход Основных законов, Марков (лидер правых в Думе) издевался над кадетами: «Вы, гг. конституционалисты, вы не должны забывать, что вы опираетесь только на бумажный закон, и за вами нет никакой силы». Причем силы не было ни для того, чтобы выступить против реакции справа, ни против революции слева. Е.Трубецкой посвятил этому статью под названием «Над разбитым корытом». Он писал: «Нас губит слабое, зачаточное пока развитие тех средних слоев общества, которые могли бы послужить проводниками правовых идей в жизнь».

Потому-то революционный процесс в России поднял к власти большевиков, испытывая и поочередно отбрасывая всех западников и даже эсеров, которые вошли с ними в коалицию. Е.Трубецкой писал: «В других странах наиболее утопическими справедливо признаются наиболее крайние проекты преобразований об-

щественных и политических. У нас наоборот: чем проект умереннее, тем он утопичнее, неосуществимее. При данных исторических условиях, например, у нас легче, возможнее осуществить «неограниченное народное самодержавие», чем манифест 17 октября. Уродливый по существу проект «передачи всей земли народу» безо всякого вознаграждения землевладельцев менее утопичен, т.е. легче осуществим, нежели умеренно-радикальный проект «принудительного отчуждения за справедливое вознаграждение». Ибо первый имеет за себя реальную силу крестьянских масс, тогда как второй представляет собой беспочвенную мечту отдельных интеллигентских групп, людей свободных профессий да тонкого слоя городской буржуазии».

Уже в 1906 г., когда Вебер опубликовал свои заметки о русской революции, он предвидел, с какими трудностями столкнется реформа Столыпина. Он подчеркивал, что коммунистический радикализм возникает именно там, где экономические условия существования крестьянства лучше всего (в среднем), то есть где понятия «состоятельность» и «бедность» становятся бытовой реальностью, а это происходит там, где повинности крестьян меньше всего. Таким образом, при аграрной реформе возникает дилемма: или социальное расслоение деревни, которое обрекает людей на голод и создает условия для бунта — или усиление общины. При этом Вебер указывал, что при капиталистической реформе села идеи архаического крестьянского коммунизма будут распространяться в сочетании с идеями современного социализма. Так оно и произошло в ходе становления большевизма. Прогноз Вебера оказался очень точным.

Кадеты сослужили России огромную службу, продумав, прочувствовав и испытав в политической практике важнейший путь, который маячил перед нами на пере-

крестке судьбы — путь устройства либерально-буржуазного государства и хозяйства. Так что большинство народа отвергло этот путь не по незнанию.

Свои заметки о русской революции Макс Вебер завершает взволнованным обращением к немцам: «Давление возрастающего богатства, связанного с привычкой мыслить «реально-политически», препятствует немцам в том, чтобы симпатически воспринять бурно возбужденную и нервную сущность русского радикализма. Однако, со своей стороны, мы не должны все-таки забывать, что самое непреходящее мы дали миру в эпоху, когда сами-то были малокровным, отчужденным от мира народом, и что «сытые» народы не зацветают никаким будущим».

РОССИЙСКИЙ КАПИТАЛИЗМ И ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Одним из главных мотивов в антисоветской идеологической кампании в годы перестройки была мысль о якобы благодатном развитии России в конце XIX — начале XX века, прерванном революцией. «Россия, которую мы потеряли». Мысль эта глубоко ложная. Наши «демократы» и «патриоты-антисоветчики» обосновывают ее с помощью грубых подтасовок. На них им давно указывали, так что повторение старых доводов является сознательным обманом.

Говорят, например, о быстром росте промышленности. Да, в России развивалась та самая «дополняющая Запад» промышленность, почти целиком принадлежащая иностранному капиталу, за которую сегодня ратует Чубайс. Вот каково было положение к 1910 г. В металлургии банки владели 88% акций, 67% из этой доли принадлежало парижскому консорциуму из трех банков, а на все банки с участием (только участием!) русского капитала приходилось 18% акций. В паровозостроении 100% акций находилось в собственности двух банковских групп — парижской и немецкой. В судостроении 96% капитала принадлежало банкам, в том числе 77% — парижским. В нефтяной промышленности 80% капитала было в собственности у групп «Ойл»,

«Шелл» и «Нобель». В руках этих корпораций было 60% всей добычи нефти в России и 3/4 ее торговли.

В дальнейшем захват российской промышленности и торговли иностранным капиталом не ослабевал, а усиливался. В 1912 г. у иностранцев было 70% добычи угля в Донбассе, 90% добычи всей платины, 90% акций электрических и электротехнических предприятий, все трамвайные компании и т.д.

При общей сумме государственных доходов России в 1906 г. 2,03 млрд. руб. государственный долг составил 7,68 млрд., причем на 3/4 это был внешний долг. Дефицит госбюджета в России составлял почти 1/4 доходов и покрывался займами. Финансовое положение государства было крайне неустойчивым.

В марте 1906 г. Председатель Совета министров С.Ю.Витте писал министру иностранных дел В.Н.Ламздорфу: «Мы находимся на волоске от денежного (а следовательно, и общего) кризиса. Перебиваемся с недели на неделю, но всему есть предел». В апреле 1906 г. правительству удалось получить у западных банкиров заем в 843 млн. руб. (за вычетом процентов было получено 677 млн. чистыми). Как писал Витте, «заем этот дал императорскому правительству возможность пережить все перипетии 1906-1910 годов, дав правительству запас денег, которые вместе с войском, возвращенным из Забайкалья, восстановили порядок и самоуверенность в действиях власти». Западные банкиры спасли тогда царизм от финансового краха. Но уже в начале сентября 1906 г. министр финансов В.Н.Коковцов жаловался П.А.Столыпину на нехватку 155 млн. руб. Европейские банки при таком положении продолжили экспансию в Россию, полностью ставя под контроль ее экономику.

Вот выдержка из письма синдика фондовых маклеров Парижа В.Вернейля В.Н.Коковцову от 13.12.1906:

«Я предполагаю образовать здесь, с помощью друзей, разделяющих мой образ мыслей, мощную финансовую группу, которая была бы готова изучить существующие уже в России коммерческие и промышленные предприятия, способные, с помощью французских капиталов, к широкому развитию... Само собой разумеется, речь идет только о предприятиях вполне солидных, на полном ходу и предоставляемых французской публике по ценам, которые позволяли бы широко вознаграждать капиталы, которые ими заинтересуются».

Из ответа В.Н.Коковцова от 21.12.1906: «Я принимаю вашу мысль вполне и обещаю вам самую широкую поддержку, как и поддержку правительства... Я разделяю также вашу мысль присоединить к французским капиталам главнейшие русские банки».

К началу мировой войны уже стало почти очевидно, что такой уровень присутствия иностранного капитала уже лишает Россию и политической независимости. Вот документ, который нам сегодня очень близок и понятен. Это выдержка из рапорта прокурора Харьковской судебной палаты на имя министра юстиции от 10 мая 1914 г., № 3942:

«В дополнение к рапорту от 25 апреля с.г. за №3470 имею честь донести вашему высокопревосходительству, что в настоящее время продолжается осмотр документов, отобранных в правлении и харьковском отделении общества «Продуголь», причем выясняется, между прочим, что это общество, являясь распорядительным органом синдиката каменноугольных предприятий Донецкого бассейна, находится в полном подчинении особой заграничной организации названных предприятий — парижскому комитету».

Далее в письме прокурора приводятся выдержки из документов, которые показывают, что парижский комитет диктует предприятиям объемы производства угля и

цены, по которым уголь продается на российском рынке. К началу войны в России был искусственно организован «угольный голод» и повышены цены на уголь.

А вот справка из книги М.Галицкого «Иностранные капиталы в русской промышленности перед войной» (М., 1922): «Добыча угля в 1912 г. на рудниках 36 акционерных обществ Донбасса составляла 806,78 млн. пудов. 25 АО имели почти исключительно иностранный капитал, они добывали 95,4% угля от добычи АО. Правления 19 АО из этих 25 находились в Бельгии и Франции. В руках иностранных обществ было свыше 70% общей добычи угля в Донбассе... Около 90% добычи платины в России находится в руках иностранных компаний... Помимо концентрации свыше 3/4 торговли нефтью в России, иностранные финансовые синдикаты располагали в 1914 г. собственной добычей нефти в размере около 60% общеимперской добычи» и т.д. по всем отраслям.

С этим положением царское правительство справиться не смогло. Но в таком же состоянии были дела и при Временном правительстве — восстановление экономического и политического суверенитета России было невозможно без того, чтобы затронуть интересы иностранного капитала, который вступил в союз с отечественным криминальным капиталом. А пойти на это либералы, понятное дело, не могли. Вот выдержка из доклада министра юстиции Временного правительства В.Н.Переверзева на III съезде военно-промышленных комитетов в мае 1917 г.:

«Спекуляция и самое беззастенчивое хищничество в области купли-продажи заготовленного для обороны страны металла приняли у нас такие широкие размеры, проникли настолько глубоко в толщу нашей металлургической промышленности и родственных ей организаций, что борьба с этим злом, которое сделалось уже

бытовым явлением, будет не под силу одному обновленному комитету металлоснабжения.

Хищники действовали смело и почти совершенно открыто. В металлургических районах спекуляция создала свои собственные прекрасно организованные комитеты металлоснабжения и местных своих агентов на заводах, в канцеляриях районных уполномоченных и во всех тех учреждениях, где вообще нужно было совершать те или иные формальности для незаконного получения с завода металла. Новый строй здесь еще ничего не изменил... организованные хищники так же легко и свободно обделывают свои миллионные дела, как и при прежней монархии... При желании можно было бы привести целый ряд очень ярких иллюстраций, показывающих, с каким откровенным цинизмом все эти мародеры тыла, уверенные в полнейшей безнаказанности, спекулируют с металлом, предназначенным для обороны страны».

Таким образом, в динамично развивающемся «современном» секторе хозяйства, — промышленности — о котором обычно только и говорят антисоветские идеологи, в России при активном участии западного капитала формировалась специфическая экономика *периферийного капитализма*. Но известно, что когда западный капитализм вторгается в иную культуру и превращает ее в свою периферию, происходит резкий разрыв между хозяйственной и социальной структурой общества — и ни о каком здоровом национальном развитии при этом не может быть и речи.

В.В.Крылов пишет: «В экономической сфере традиционные уклады развивающихся стран исчезают так же, как это было и в Европе XIX века, но в сфере социальной происходит нечто иное. Разоряемые трудящиеся не вбираются во всей своей массе в современные сектора, но продолжают существовать рядом с ними

теперь уже в виде все возрастающего сектора бедности, незанятости, пауперизма, социального распада. И это нечто более грозное, нежели обычная резервная армия безработных в бывших метрополиях. В перспективе капиталистический путь развития должен привести развивающиеся страны не к такому состоянию, когда капиталистические порядки, вытеснив прочие уклады, покроют собою все общество в целом, как это случилось в прошлом в нынешних эпицентрах капитала, но к такому, когда могучий по доле в национальной экономике, но незначительный по охвату населения капиталистический уклад окажется окруженным морем пауперизма, незанятости, бедности. Такого взаимодействия капиталистического уклада с докапиталистическими и таких его результатов европейская история в прошлом не знала. Это специфический продукт капиталоемкого, позднего, перезрелого капитализма».

Именно такой капитализм развивался в России. Иногда спрашивают, что же гнало в Россию западных «инвесторов», при ее холодном климате и огромных расстояниях, вызывающих большие транспортные издержки? Ведь прибавочного продукта здесь много получить было нельзя. Ответ прост — именно наличие огромной «буферной емкости», из которой можно было добывать средства для содержания анклавов промышленности, как из природы, практически бесплатно. Эта «емкость» — крестьяне, составлявшие 85% населения России. Они производили большое количество вполне ликвидного продукта — зерна — не только сами не получая при этом никакого прибавочного продукта, но даже отдавая существенную часть продукта необходимого. Выколачивать из них этот продукт взялось государство с его податями и денежными налогами и арендаторы-помещики. Из этих средств они обеспечивали достаточно высокий уровень прибыли для запад-

ных акционеров. Примерно половина хлеба, произведенного крестьянами, шла на экспорт, превращаясь в твердую валюту, как сегодня нефть и газ (при этом сами крестьяне получали от экспорта в среднем около 10 руб. в год на двор). Хлеботорговлей из России опять-таки занимались в основном банки с западным капиталом (точнее, доля иностранного банковского капитала в экспорте хлеба составляла 35-40%).

Что промышленные анклавы «питались» за счет крестьянства, видно из таких данных. Средняя зарплата рабочего в Петрограде в 1916 г. составляла 809 руб. (у металлистов 1262 руб., у текстильщиков 613 руб.). Средняя зарплата народного учителя к началу 1917 г. была 46 руб. в месяц, причем 65,6% учителей получали 40-42 руб. в месяц (эти точные данные были получены в ходе обследования всех начальных школ Смоленской губернии в декабре 1916 — январе 1917 г.). Все пропитание крестьянина в начале XX века обходилось, при переводе в рыночные цены, в 20-25 руб. в год на члена семьи (у самых богатых, «пятилошадных» — в 28 руб.).

Вкладывая деньги в развитие в России промышленного капитализма, иностранный капитал одновременно создавал рынок для продукции своих отечественных заводов. Потолок для этого развития был относительно невысок, но капитал стремился использовать весь потенциал. Вот какова была динамика производства и импорта машин в России (по статистике Министерства финансов):

Машиностроение в России в 1910-1913 гг.

	1910	1911	1912	1913
Производство в России, млн. руб.	102	123,3	136	175
из них сельскохозяйственных	44	50,3	52,6	60,5
Импорт машин, млн. руб.	113,4	147	150,5	163,7
из них сельскохозяйственных	42	58	63,5	48,7

В общем, и производство, и импорт машин были относительно невелики (для сравнения можно сказать, что чистый доход железных дорог, акции которых в основном принадлежали иностранному капиталу, составил в 1912 г. 452 млн. руб.).

Выше говорилось, что в России, которая становилась зоной периферийного капитализма, возник секторный разрыв между промышленностью и сельским хозяйством. Сильнее всего он ударил по крестьянству, что и стало причиной революции. Промышленность, которая находилась под контролем западного капитала, не стала двигателем всего народного хозяйства, не вступила в кооперативное взаимодействие с крестьянством. Прежде всего, она не дала селу средства, которые позволили бы интенсифицировать хозяйство и повысить его продуктивность (машины и минеральные удобрения). С другой стороны, она не предоставила крестьянству рабочих мест, чтобы разрешить проблему аграрного перенаселения, которое все сильнее определяло положение в европейской части России.

В результате русские крестьяне не могли перейти от трехпольной системы к более интенсивной и продуктивной травопольной — у них для этого было слишком мало скота, чтобы удобрять поля. Более того, это положение в конце XIX века стало быстро ухудшаться, так как из-за роста населения приходилось распахивать пастбища. Оптимальным для трехполья считается соотношение пастбища и пашни 1:2, а в центральной России оно уже в середине XIX века снизилось до 1:5 или менее того. За полвека количество крупного рогатого скота на душу населения и единицу площади сократилось в 2,5-3 раза и опустилось до уровня в 3-4 раза ниже, чем в странах Западной Европы.

Полноценная травопольная система требует около 10 т навоза или 6 голов крупного рогатого скота на 1 га

пашни. А в России на десятину пара было 1,2-1,3 головы скота. Нормально для его прокорма надо было иметь 1 десятину луга на голову, а в России с десятины луга кормили 2-3 головы. При отсутствии минеральных удобрений это не позволяло повысить урожайность, что заставляло еще больше распахивать пастбища. Замкнулся порочный круг.

За 1870-1900 гг. площадь сельскохозяйственных угодий в Европейской России выросла на 20,5%, площадь пашни на 40 5%, сельское население на 56,9%, а количество скота — всего на 9,5%. Таким образом, на душу населения стало существенно меньше пашни и намного меньше скота.

Прокормиться людям было все труднее. В 1877 г. менее 8 десятин на двор имели 28,6% крестьянских хозяйств, а в 1905 г. — уже 50%. Количество лошадей на один крестьянский двор сократилось с 1,75 в 1882 г. до 1,5 в 1900-1905 гг. Это — значительное сокращение тяговой силы, что еще больше ухудшало положение.

На Западе промышленность развивалась таким образом, что город вбирал из села рабочую силу и численность сельского населения сокращалась. Село не беднело, а богатело. В 1897 г. при численности населения России 128 млн. человек лишь 12,8% жили в городах. В Германии в 1895 г. сельское население составляло 35,7%, а в 1907 г. 28,7%. А главное, уменьшалась и его абсолютная численность вследствие оттока его в промышленность. В Англии и Франции абсолютное сокращение сельского населения началось еще раньше (в 1851 и 1876 гг.). В России же абсолютная численность сельского населения быстро возрастала. Таким образом, в странах Западной Европы длительных периодов аграрного перенаселения вообще не было, при этом сокращение сельского населения сопровождалось ростом производства в расчете на одно-

го занятого вследствие перехода к интенсивной травопольной системе.

Азия также избежала той ловушки, в которую попала Россия. В Японии численность населения, живущего сельским хозяйством, оставалась постоянной с 1872 по 1940 г., весь его прирост вбирался промышленностью. Кроме того, в Японии, как и в развивающихся странах с теплым климатом, секторного разрыва не произошло по той причине, что здесь имелась возможность применения трудоинтенсивных технологий с получением сначала двух, а потом и трех урожаев в год (биологический потенциал почв Индонезии, например, почти в 6 раз больше среднего по России; это значит, что без применения удобрений в Индонезии на единицу земли можно занять в шесть раз больше людей с получением того же количества продукции).

Из Европы, кроме переезда в города, избыточное сельское население перемещалось в колонии (например, в XIX веке французским колонистам была бесплатно передана половина исключительно плодородной и издавна культивируемой земли Алжира, Туниса и Марокко). Значительная часть сельского населения Запада переместилась в США, Канаду, Латинскую Америку. Известный африканский историк и экономист Самир Амин пишет: «Демографический взрыв в Европе, вызванный, как и в нынешнем Третьем Мировом, возникновением капитализма, был компенсирован эмиграцией, которая населила обе Америки и другие части мира. Без этой массовой завоевательной эмиграции (население потомков европейцев вдвое превышает сегодня население регионов, откуда происходила миграция) Европа была бы вынуждена осуществлять свою аграрную и промышленную революцию в условиях такого же демографического давления, которое испытывает сегодня Третий Мир. И заводимый на

каждом шагу гимн спасительному действию рынка обрывается на этой ноте: принять, что вследствие интеграции мира человеческие существа — так же, как товары и капиталы — всюду чувствовали бы себя как дома, просто невозможно. Самые фанатичные сторонники рынка находят в этом пункте аргументы в пользу протекционизма, который в остальном отвергают в принципе».

Таким образом, в зонах Запада «вне Европы» и речи не могло быть об аграрном перенаселении иммигрантами. В США размер обрабатываемой площади земли в расчете на одного занятого был в 5 раз больше, чем в России. При примерно одинаковом уровне урожайности это означало получение в 5 раз больше продукции на одного занятого.

В России же быстро росло именно сельское население: 71,7 млн. в 1885 г., 81,4 в 1897 г. и 103,2 млн. в 1914 г. Свыше половины прироста сельского населения не поглощалось промышленностью и оставалось в деревне. В начале XX века увеличение численности рабочей силы в промышленности стало почти полностью обеспечиваться за счет естественного прироста самого городского населения. В 1900-1908 гг. общая численность рабочих возрастала ежегодно на 1,7%, что равно естественному приросту населения. Ни о каком бурном росте не было и речи, промышленный город стал анклавом капитализма, окруженным морем беднеющего крестьянства.

В 1913 г. в Киеве прошел I Всероссийский сельскохозяйственный съезд, в решении которого было сказано: «Группы мельчайших хозяйств включают в себя главную по численности часть сельскохозяйственного населения... Создание устойчивости в материальном положении этих групп составляет вопрос первой государственной важности, развитие же обрабаты-

вающей промышленности не дает надежды на безболезненное поглощение обезземеливающегося населения”.

При этом сужался внутренний рынок для промышленной продукции, так что ход индустриализации был очень неустойчивым. Нынешние антисоветские идеологи ничего не пишут, например, о том, что и производство чугуна в России, и его потребление на душу населения в начале XX века сокращалось. А во Франции за 1900-1909 гг. его производство выросло на 40%, в Германии на 67%, в США на 87%.

С.В.Онищук, который в большой работе приводит обзор этих показателей, опирается на данные, сведенные в известном фундаментальном труде А.Финн-Енотаевского «Современное хозяйство России» (СПб., 1911), а также в ряде подробных региональных исследований по ряду областей Центральной России. Он пишет: «В России возникает невиданное в странах индустриального мира явление — секторный разрыв между промышленностью и сельским хозяйством. Данный феномен выражается в долговременном прекращении перекачки рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность вследствие снижения производства в расчете на одного занятого в земледелии... Возникновение секторного разрыва между промышленностью и сельским хозяйством явилось решающим фактором, обусловившим буржуазно-крестьянскую революцию 1905-1907 гг.» (С.В.Онищук. Исторические типы общественного воспроизводства (политэкономия мирового исторического процесса). — Восток. 1995, 1, 2, 4).

Это было одной из важных причин того, что потерпела неудачу реформа Столыпина — не было ресурсов, чтобы материально поддержать крестьян, выделявшихся на хутора или переселявшихся в Сибирь. С.В.Онищук пишет: «Эффект столыпинской кампании

был ничтожным. Падение всех показателей на душу населения в сельском хозяйстве продолжалось, обостряя секторный разрыв. Количество лошадей в расчете на 100 жителей Европейской России сократилось с 23 в 1905 до 18 в 1910 г., количество крупного рогатого скота — соответственно с 36 до 26 голов на 100 человек... Средняя урожайность зерновых упала с 37,9 пуда с десятины в 1901-1905 гг. до 35,2 пуда в 1906-1910 гг. Производство зерна на душу населения сократилось с 25 пудов в 1900-1904 гг. до 22 пудов в 1905-1909 гг. Катастрофические масштабы приобрел процесс абсолютного обнищания крестьянства перенаселенного центра страны. Избыточное рабочее население деревни увеличилось (без учета вытеснения труда машинами) с 23 млн. в 1900 г. до 32 млн. человек в 1913 г. В 1911 г. разразился голод, охвативший до 30 млн. крестьян».

Именно наличие этого *порочного круга*, а не просто тяжелые материальные условия жизни, создавало ощущение безысходности, что стало в России причиной такой специфической социальной болезни как *алкоголизм*. В начале XX века русскими врачами и социологами было проведено несколько больших исследований алкоголизма в России. Их результаты приведены в статье социолога Ф.Э.Шереги «Причины и социальные последствия пьянства» («Социологические исследования», 1986, № 2). Тогда пресса говорила о «вырождении русского народа» по причине «массовых недородов, алкоголизма, сифилиса».

Согласно официальной статистике, из 227158 призывников 1902-1904 гг. по причине «наследственного алкоголизма» было выбраковано 19,5%. Отягощенная в результате алкоголизма наследственность была причиной широкого распространения среди призывников таких заболеваний: золотушное худосочие — 15,5%,

идиотизм и сумасшествие — 9,3%, глухота и глухонмота — 10,6%, «грудь узкая и рахитичная» — 19,2%, хроническое воспаление легких — 17,2%, хронический катар — 23,2%. В 1909 г. в Московской губернии до 20 лет доживали менее трети родившихся! В Петербурге в 1911 г. было 35,1 смертных случаев на почве алкогольного отравления в расчете на 100 тыс. жителей (кстати, в 1923 г. таких случаев было только 1,7). Такое тяжелое воздействие алкоголизма было связано с плохим, несбалансированным питанием, а также с употреблением спиртных напитков низкого качества. Вообще же в 1900 г. Россия занимала в Европе 11-е место по потреблению алкоголя. Вот данные (в пересчете на 50%-ную водку): Норвегия — 35,0 л., Дания — 15,8, Австро-Венгрия — 11, Бельгия — 9,6, Франция — 9,2, Германия — 8,8, Швеция и Голландия — 8,1, Швейцария — 6,1, Великобритания — 5,08, Россия — 4,88 (США — 4,81).

Именно в начале XX века была заложена тяжелая традиция *семейного* пьянства, которая обладала большой инерцией и которую с огромным трудом изживали в 20-30-е годы. В 1907 г. 43,7% учащихся школ в России регулярно потребляли спиртные напитки. Из пьющих мальчиков 68,3% распивали спиртное с родителями (отцом, матерью или обоими родителями), а в детской компании и в одиночку с родителями распивали только 8,1%. С 1900 по 1910 г., как показали повторные обследования, доля числа школьников, которые потребляли спиртное, сильно увеличилась. В Петрограде доля школьников, которые употребляли водку и коньяк, за это время возросла с 22,7% до 41,5%. В 1926 г. обследование 22617 деревенских детей показало, что в возрасте семи-восьми лет потребляли спиртное 61,2% мальчиков и 40,9% девочек.

В вышедшей в 1909 г. книге «Алкоголизм и борьба с ним» ее редактор М.Н.Нижегородцев писал: «Первая

коренная группа причин алкоголизма масс заключается в условиях экономических (отрицательные стороны капиталистического строя и аграрных условий), санитарно-гигиенических (пища, жилище и пр.), правовых и нравственных в более тесном смысле слова (недовольство своим личным, гражданским и политическим положением)». Второй группой причин он считал «питейные привычки и обычаи», а третьей — организацию потребления. «Вне всякого сомнения, — писал он — потребление спиртных напитков находится в известной зависимости от числа питейных заведений, от личного интереса хозяев этих заведений, от способа продажи алкоголя (продажа в более мелкой и крупной посуде), от времени, в которое функционируют места продажи алкоголя и т.д.».

Порочный круг «секторного разрыва» между промышленностью и сельским хозяйством смог быть разомкнут, а секторный разрыв преодолен только при советском строе в результате единого процесса *коллективизации-индустриализации*. Как ни труден был этот процесс, он воссоединил промышленность и сельское хозяйство в единое народное хозяйство СССР, ликвидировал угрозу голода, поднял сельский труд на совершенно новый технологический уровень и предоставил уходящим из деревни молодым людям рабочее место в современном производстве.

И это — исторический факт. Такой же, как и то, что в нынешней «рыночной» России вновь возникла угроза этого секторного разрыва, и любимое детище реформы, фермеры, имеют в среднем 3 трактора на 1000 га пашни вместо нормальных для этого уклада 120.

ДУХОВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КРАХА МОНАРХИЧЕСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Частью антисоветского мифа о благодатном развитии России в начале XX века стала сказка о вере крестьянства в православного царя-батюшку. Эта наивная вера в крестьянский монархизм, которой был предан сам Николай II, в существенной мере предопределяла неадекватность всей его политической доктрины.

Летом 1905 г., уже в разгар революции, при обсуждении с царем положения о выборах в Государственную Думу один сановник предложил исключить грамотность как условие для избрания. Он сказал: «Неграмотные мужики, будь то старики или молодежь, обладают более цельным мирозерцанием, нежели грамотные». Министр финансов Коковцов возразил, сказав, что неграмотные «будут только пересказывать эпическим слогом то, что им расскажут или подскажут другие». Однако, как он вспоминает, царь обрадовался благонадежности неграмотных.

Речь здесь вовсе не идет о том, что крестьянство прониклось либеральными («демократическими») ценностями или отказалось от идеалов патерналистского государства в пользу гражданского общества. Здесь, кстати, надо подчеркнуть, что глубоко ошибочно мнение либералов, ставящих знак равенства между идеей

патернализма (государства-семьи) и «рабской психологией», тягой к подчинению авторитарной власти.

Ф. фон Хайек с его известной книгой «Дорога к рабству», которую сделали своим знаменем наши эпигоны западного либерализма, просто ничего не смыслил в традиционном обществе и тем более в культуре России, он моделировал свои представления исходя из антропологии западного общества (кстати, как и Оруэлл). На деле крестьянская идея государства-семьи как раз сцеплена и идеалом воли. Историк В.П.Булдаков пишет: «Для предреволюционных масс был характерен не авторитарный, а патерналистский тип политической культуры, образованное общество, напротив, тяготело к «демократии вообще».

Крестьянское движение 1905 г. хронологически началось 14 февраля в Дмитровском уезде Курской губернии. В ту ночь было совершено нападение на одно из имений, а в следующие дни «разобрано» еще 16 имений в округе. Т.Шанин пишет: «Описания тех событий очень похожи одно на другое. Массы крестьян с сотнями запряженных телег собирались по сигналу зажженного костра или по церковному набату. Затем они двигались к складам имений, сбивали замки и уносили зерно и сено. Землевладельцев не трогали. Иногда крестьяне даже предупреждали их о точной дате, когда они собирались «разобрать» поместье. Только в нескольких случаях имел место поджог и одному-единственному полицейскому были, как сообщают, нанесены телесные повреждения, когда он собирался произвести арест. Унесенное зерно часто делилось между крестьянскими хозяйствами в соответствии с числом едоков в семьях и по заранее составленному списку. В одной из участвующих в «разборке» деревень местному слепому нищему была предоставлена телега и лошадь для вывоза его доли «разобранного» зерна.

Все отчеты подчеркивали чувство правоты, с которым обычно действовали крестьяне, что выразилось также в строгом соблюдении установленных ими же самими правил, например, они не брали вещей, которые считали личной собственностью...

Другие формы крестьянского бунта распространились к тому времени на большей части территории. Массовые «порубки» начались уже в конце 1904 г. Так же как и «разборки», «порубки» обычно происходили в виде коллективных акций с использованием телег. В ходе «порубок» крестьяне стремились обходиться без насилия. Тем не менее, когда в одном случае крестьянин был схвачен полицией на месте преступления и избит, его соседи в ответ полностью разрушили пять соседних поместий, ломая мебель, поджигая здания и забивая скот...

В течение первых месяцев 1905 г. крестьянские действия в значительной степени были прямым и стихийным ответом на нужду и отчаянный недостаток продовольствия, корма и леса во многих крестьянских общинах. Все эти действия были хорошо организованы на местах и обходились без кровопролития».

Попытки представить выступления крестьян следствием подстрекательской работы интеллигенции, масонов, эсеров, большевиков и т.д. были несостоятельны и в то время, и тем более сегодня, когда те события хорошо изучены. «Страшны не книжки, а то, что есть нечего ни тебе, ни скотине», — ответил в 1902 г. на суде по поводу «беспорядков» один сельский староста. Это основа, а второй фактор — это наличие у всего крестьянства России «молекулярной» неуничтожимой и всепроникающей организационной структуры, которая стала механизмом революции — сельской общины.

Осенью 1905 г. крестьянские волнения вспыхнули с новой силой. Т.Шанин пишет: «Массовые разрушения

поместий не были к тому времени ни «бездумным бунтом», ни актом вандализма. По всей территории, охваченной жакерией, крестьяне заявляли, что их цель — навсегда «выкурить» помещиков и сделать так, чтобы дворянские земли были оставлены крестьянам для владения и обработки».

И вот исключительно важное наблюдение: «Крестьянские действия были в заметной степени упорядочены, что совсем не похоже на безумный разгул ненависти и вандализма, который ожидали увидеть враги крестьян, как и те, кто превозносил крестьянскую жакерию. Восставшие также продемонстрировали удивительное единство целей и средств, если принимать во внимание отсутствие общепризнанных лидеров или идеологов, мощной, существующей долгое время организации, единой общепринятой теории переустройства общества и общенациональной системы связи».

В июле 1905 г. возникла первая в истории общенациональная крестьянская организация — Всероссийский Крестьянский Союз. Уже на учредительном съезде он высказался против частной собственности на землю. Состоялось пять или шесть его съездов, хотя только один из них (в ноябре 1905 г.) легально. И то через несколько дней все избранное на нем руководство («главный комитет») было арестовано. Делегаты избирались общинными или волостными сходами. Среди делегатов первого съезда только 9% считали себя членами или сторонниками какой-либо партии.

К сентябрю 1905 г. были собраны отчеты о деятельности Союза из 42 губерний. Было в нем около миллиона членов, но документов осталось мало, протоколы собраний не велись, делегатов и активистов постоянно арестовывали. Например, в одном только Сумском уезде было арестовано или отправлено в ссылку 1100 активистов Всероссийского Крестьянского

Союза. К концу 1907 г. Союз прекратил существование, но роль сыграл большую. Ленин писал о нем: «Это была действительно народная, массовая организация, разделявшая, конечно, ряд крестьянских предрассудков, но, безусловно, «почвенная», реальная организация масс, безусловно, революционная в своей основе».

Т.Шанин, уделивший в своей книге «Революция как момент истины» Всероссийскому Крестьянскому Союзу много места, пишет: «Протоколы и отчеты со съездов Всероссийского Крестьянского Союза 1905 г. оставляют впечатление эпической драмы — выступления звучали временами как крестьянские легенды, жития святых и речи на сельском сходе, слитые воедино. Большинство ораторов были крестьянами, их представления и аргументы исходили как из опыта крестьянской жизни, так и из Библии».

Он приводит составленное российскими историками такое описание состава ноябрьского съезда Союза: «Стена крестьянских поддевок и бород; две женщины в платках (представляющие сход крестьянок из деревни неподалеку от Воронежа), делегат без ноги, который прошел весь путь на костылях, несколько интеллигентов в костюмах (в основном сельские учителя), священник в черной рясе (сразу после съезда лишенный духовного сана и сосланный в монастырь «за непослушание») и единственный в парадной форме армейский офицер в отставке крестьянского происхождения — делегат, который вызвал панику, явившись по такому случаю в мундире, которым он гордился».

Т.Шанин делает обзор выступлений делегатов двух съездов Всероссийского Крестьянского Союза в 1905 г., на которых было достигнуто общее согласие относительно идеального будущего. Он пишет: «Крестьянские делегаты продемонстрировали высокую степень ясности своих целей. Идеальная Россия их выбора была

страной, в которой вся земля принадлежала крестьянам, была разделена между ними и обрабатывалась членами их семей без использования наемной рабочей силы. Все земли России, пригодные для сельскохозяйственного использования, должны были быть переданы крестьянским общинам, которые установили бы уравнительное землепользование в соответствии с размером семьи или «трудовой нормой», т.е. числом работников в каждой семье. Продажу земли следовало запретить, а частную собственность на землю — отменить».

Хотя между крестьянством и буржуазными либералами-конституционалистами имелись фундаментальные расхождения, выборы в Государственную думу породили в среде крестьян большие надежды на мирное разрешение земельного вопроса. Подавляющее большинство крестьян приняло участие в выборах, хотя революционные партии и беспартийный Крестьянский Союз их бойкотировали. Тогда, в момент поражения революции, все «политические» и активисты были из деревни вычищены — арестованы, высланы. Крестьяне «голосовали сердцем», никто на них не влиял. Избрание в Думу большого числа беспартийных крестьян обрадовало власти — считалось, что политика Думы будет благодаря этому консервативной и монархической.

Правительство сразу же постаралось «приручить» крестьянских депутатов. На деньги МВД для них было организовано прекрасное общежитие и роскошный стол по баснословно дешевым ценам. С другой стороны, в свою фракцию крестьян старались привлечь кадеты. Получилось наоборот — крестьянские депутаты объединились в Трудовую фракцию и выдвинули именно те требования, что выдвигались Крестьянским Союзом. В посланиях от сельских сходов их просили

«нести свой крест, так как они — последняя надежда» и что «с ними Бог и народ».

После разгона I Думы было запрещено вновь избирать ее депутатов. Ни партии, ни другой внепарламентской организации, которая могла бы обеспечить преемственность программы, у крестьян не было. И тем не менее депутаты от крестьян во II Думе вновь образовали фракцию, вдвое более многочисленную, чем в первой. Они вновь повторили все требования трудовиков, проявив полную враждебность по отношению к начавшейся реформе Столыпина. Их поддержала казачья фракция.

Новый избирательный закон почти не пропустил крестьян в III Думу. Но и немногие депутаты-трудовики (часто сельские учителя, выдвинутые общинным сходом) повторили в этом «заповеднике консервативных помещиков» главные крестьянские требования — передел земли, выборность государственных чиновников и отмена столыпинской реформы. Все это говорит о том, что у крестьян России имелась невидимая для европейского глаза, не выраженная в партиях, но целостная идеология и система общенациональной организации, способная четко выразить главные требования и поддержать своих депутатов, которые их выдвигали.

Понятно, как «белая кость» ненавидела этих депутатов. Т.Шанин приводит выдержки из брошюры одного правого деятеля, напечатанной в 1917 г. (Васильев Н. «Что такое трудовики»). Вот одна из таких выдержек, обобщающая образ трудовика как «полуинтеллигентного разночинца, преимущественно недоучки, который складывается из следующих составных частей: 1) природных способностей, развитие которых, за бедностью или вследствие отсутствия выдержки, даваемой систематическим воспитанием, остановилось на пол-дороге;

2) необыкновенного самомнения, явившегося результатом господства в пределах своего муравейника, уже совершенно не культурного; 3) необузданного дерзания, как законного дитяти от сочетания полуобразования с самомнением; 4) ненависти ко всему, что почище, побелее, потоньше, той ненависти, без которой обыкновенное самомнение и необузданное дерзание сразу бы потеряли всякий смысл и всякое оправдание».

Думаю, такие брошюрки вложили свою крупицу в победу Октябрьской революции. Мне лично приятно, что все-таки дали тогда хорошего пинка под зад этой сытой сволочи. Сегодня на ее улице праздник, но пора думать и о похмелье.

Государственная Дума вошла в 1906 г. в неминуемый конфликт со всем политическим устройством самодержавия и потому, что депутаты, связанные с крестьянством, сразу и, видимо, подсознательно внесли в работу Думы советское начало, идущее от традиций общинного самоуправления. Это, прежде всего, сказывалось в тяготении к соединению законодательной и исполнительной власти, то есть власти самодержавного типа, конкурирующего с самодержавием царским. Советский культурный стереотип проявлялся даже у некоторых депутатов-кадетов, хотя сама Конституционно-демократическая партия исходила из западного идеала разделения властей.

Историки Т.В.Панкова и А.П.Скорик, изучавшие работу во II Государственной Думе депутатов-кадетов от Области Войска Донского, пишут: «В соответствии с историческими традициями казачьего самоуправления на Дону орган народного представительства — Войсковой круг — считался там высшей, последней инстанцией, постановления которого выполнялись всеми беспрекословно и немедленно. Черты этого представительства

ва депутаты-казаки сознательно или бессознательно переносили на Государственную Думу. Они полагали, что обсуждения вопроса на ее заседаниях и голосования по нему достаточно для того, чтобы этот вопрос был решен по существу. Но механизм Думы отнюдь не предусматривал контроля за исполнением воли, выраженной депутатами».

К работе Думы крестьяне проявляли большой интерес, который выразился в огромном потоке наказов, «приговоров» и петиций. Т.Шанин пишет: «Англосаксонский парламент, в котором его члены, однажды избранные, вольны действовать, как они считают нужным, поразил бы российских крестьян как явно несуразный. Опыт общинного самоуправления учил их иному. Депутату ясно говорилось, что он должен передать на словах. Власти и особенно Дума должны были быть поставлены в известность о крестьянских трудностях и нуждах — отсюда приговоры и петиции».

Их изучение, кстати, показало, что Россия была единой страной с многонациональным сложившимся народом — настолько близки по мировоззрению, этике и даже культурному строю письма и петиции, оставленные в самых разных местностях и углах огромной территории. Петиции составлялись на общинных сельских и волостных сходах и в то время широко публиковались в газетах. Как жаль, что в советское время мы их не читали — наша молодежь, уже не имеющая родных в деревне, по-другому бы смотрела на историю советского периода.

Т.Шанин приводит данные контент-анализа большого массива крестьянских наказов (146 документов Крестьянского Союза, 458 наказов и 600 петиций во II Думу и т.д.). Фундаментальная однородность требований по главным вопросам в наказах, полученных из самых разных мест России, поразительна. Обобщенные дан-

ные, опубликованные историком С.Дубровским, таковы. Требование отмены частной собственности на землю содержались в 100% документов, причем 78% хотели, чтобы передача земли крестьянам была проведена Думой. 59% требовали закона, запрещающего наемный труд в сельском хозяйстве, 84% требовали введения прогрессивного прямого подоходного налога. Среди неэкономических требований выделяются всеобщее бесплатное образование (100% документов), свободные и равные выборы (84%).

Петиции и письма крестьян показывают очень высокий уровень самосознания крестьян, которое отмечал еще Лев Толстой. Вот, например, письмо в Думу от крестьянок трех деревень Тверской губернии, написанное на их тайной встрече (писала под диктовку девочка, ученица начальной школы. Вот что писали депутатам крестьянки: «Мужья наши и парни гулять с нами рады, а что касается разговоров, какие ведутся теперь про землю и про новые законы, то говорить о дельном с нами не хотят. Допрежь всего так было, что хотя и побьют иной раз, но о делах наших вместе решали. Теперь же они нам говорят: вы нам не товарищи. Мы пойдем в Государственную Думу и будем государством управлять, или хотя не сами, а будем членов выбирать. Нам надо промеж себя сговориться. Кабы закон нас с вами равнял, тогда бы мы вас спрашивали, и выходит теперь, что бабы и девки, как обойденные, стоят в стороне и в жизни своей ничего решать не смеют... Господа члены Государственной Думы, явите божескую милость: обсудите наше положение. Заявите в Думе, что надо все дела решать по Божески и всех равно допускать в Государственную Думу, и богатых, и бедных, и женщин, и мужчин, а то не будет правды на земле, а в семье не будет ладу».

Неисчерпаемый социологический материал дают письма того времени, перлюстрированные полицией. Они показывают настроения всех слоев общества. Много таких писем приводит С.В.Тютюкин в книге «Июльский политический кризис 1906 г. в России» (М. Наука, 1991). Один из князей Шаховских писал в мае 1906 г. о деревне: «Настроение крестьян самое опасное. Озлобление, уверенность, что землю нужно отбирать силой, разговоры вызывающие. Жутко становилось во время бесед с крестьянами. Агитация и пропаганда, призывающие к бунту и резне, продолжаются. Почва для культивирования этих идей самая благоприятная. Мысль о праве на помещичью землю так укрепилась, что никакие доводы против не имеют значения». В другом письме, из Самарской губернии от 17 мая 1906 г., описан такой эпизод: старик-крестьянин, узнав об отказе царя принять делегацию членов Думы, сказал, что все зло не в министрах, а в самом царе. И добавил: «Пусть-ка он разгонит наших, мы ему покажем» (он имел в виду крестьянских депутатов Думы).

Столыпинская реформа, начатая после поражения революции 1905 г., лишь углубила раскол между монархическим политическим строем и крестьянством. И как только многомиллионные массы крестьян были организованы в армию, получили оружие и достаточно измучены на войне, был запущен процесс быстрого созревания революции, и при малейшем толчке в феврале 1917 г. армия вместе с рабочими Петрограда упразднила монархию без всякого насилия.

Для быстрого созревания революции в начале XX века было важно общее ощущение нарастающего духовного неблагополучия в «верхах». Там «завелась гниль», а для идеократического государства, вся легитимность которого стоит на авторитете, это может стать смертельной болезнью. Это мы все видели и в

80-х годах XX века, и читали о Смуте XVI века (хотя бы «Бориса Годунова»).

Духовное расхождение, а временами и конфликт монархии с обществом в XIX веке был вызван тем, что не удавалось найти приемлемый проект модернизации России в условиях нарастающей на Западе после 1813 г. русофобии. Открываться Западу для освоения его технологий и политических институтов — и в то же время бороться с его разрушительным антироссийским и антисамодержавным влиянием становилось все труднее. Царствование Николая II означало уже не то недомогание российской монархии, которое назревало целый век, а настоящий срыв — кризис, которого монархия не пережила.

Сегодня в среде патриотов стало хорошим тоном идеализировать монархию Николая II и вспоминать, как царь дал «Манифест», как этот процесс был сорван революционерами. Эта идеализация, думаю, нам сегодня чрезвычайно вредна, она отворачивает нас от понимания российской Смуты, новый акт которой мы сегодня переживаем. К тому же, как я подозреваю, вся эта идеализация неискренна. Могут ли наши патриоты (а сегодня и «присоединившиеся к ним демократы») не знать общеизвестных вещей, не вспомнить статьи Льва Толстого?

Ведь и «Манифест», и обещания свобод не могли быть восприняты основной массой русских людей иначе как издевательство. Вспомните: массовые порки крестьян (иногда поголовно целых деревень), которых никогда не бывало в России в прошлые столетия, начались сразу за принятием закона, отменяющего телесные наказания. Казни крестьян без суда, зачастую даже без установления фамилии, так что казненных хоронили как «бесфамильных», вошли в практику как раз после «Манифеста».

Мы сегодня предельно чутки к страданиям дворян, у которых мужики сожгли поместья. Но ведь надо вспомнить, что было до этого, — за волнения еще верноподданных крестьян для «урока» заставляли часами стоять на коленях в снегу, так что с отмороженными ногами оставались тысячи человек. Разве такие «уроки» забываются? Ведь это — гибель для крестьянского двора. Никогда американский плантатор не наказывал раба таким образом, чтобы причинить вред его здоровью — а что же делали российские власти с крестьянами!

В июне 1906 г. серьезные беспорядки произошли в Преображенском гвардейском полку. Как заметил один генерал, там было полное отчуждение офицеров от солдатской массы — а ведь царь числился одним из батальонных командиров этого полка. Как в песне — «комбат, батяня!». В том же году помещики Дона обратились к министру внутренних дел с петицией против репрессий, говоря о карателях: «Они разъярили всю Россию, заполнили тюрьмы невинными, арестовали учителей, оставив детей без школьного обучения... Потерпев постыдное поражение в войне с Японией, они сейчас мучают беспомощных крестьян. Каждый полицейский сечет крестьян, и из-за этих ублюдков наша жизнь, жизнь мирных дворян, стала невыносимой».

Конкретная историческая особенность положения России заключалась в том, что во время правления Николая II российская монархия выродилась, деградировала. Не надо даже спекулировать относительно причин этого явления, это надо принять как опытный факт. О том, каков был этот царь по своему психологическому и мировоззренческому складу, что происходило в царской фамилии (она насчитывала 40 членов) и во всей «придворной камарилье», сегодня опубликовано и стало доступным море литературы.

М.М.Пришвин 3 апреля 1917 г. записал в дневнике такую мысль. «Творчество порядка и законности совершается народом через своих избранников. Таким избранником был у нас царь, который в религиозном освящении творческого акта рождения народного закона есть помазанник божий. Этот царь Николай прежде всего сам перестал верить в себя как божьего помазанника, и недостающую ему веру он занял у Распутина, который и захватил власть и втоптал ее в грязь. Распутин, хлыст — символ разложения церкви и царь Николай — символ разложения государства соединились в одно для гибели старого порядка».

Есть архивный фонд, в котором собраны рапорты полицейских чинов на вопиющую жестокость и противозаконность действий карательных экспедиций против крестьян. На этих рапортах пометки синим карандашом, сделанные рукой царя. Под каждой пометкой удостоверено каллиграфическим почерком: «Его императорским величеством собственноручно начертано» — и подпись начальника императорской канцелярии. Не стоило бы сейчас поминать эти позорные надписи и шуточки, недавно похоронили останки Романова. Но тут не о личности его речь, а об авторитете политического режима.

Лев Толстой подчеркнул именно моральное падение монархии, которое привело к оскорблению подавляющего большинства подданных, обретших к этому времени высокоразвитое самосознание, — крестьян. Вспомним его слова: «Для блага нашего христианского и просвещенного государства необходимо подвергать нелепейшему, неприличнейшему и оскорбительнейшему наказанию не всех членов этого христианского просвещенного государства, а только одно из его сословий, самое трудолюбивое, полезное, нравственное и многочисленное». Тут — один из духовных истоков ре-

волюции, всеобщее отвержение монархии. Зачем же сегодня патриотам выступать против важной исторической правды?

Другое оскорбление крестьянам был голод, который периодически охватывал большие районы России и которого раньше Россия не знала (не считая природных или политических катастроф). Но теперь и в «нормальные» годы положение было тяжелым. Об этом говорит очень низкий уровень установленного официально «физиологического минимума» — 12 пудов хлеба с картофелем в год (по продразверстке 1919 г. только зерна официально оставлялось 12 пудов). В нормальном 1906 году этот уровень потребления был зарегистрирован в 235 уездах с населением 44,4 млн. человек.

Тяжелый удар авторитету власти нанесло «Кровавое воскресенье». По данным историков, было убито около 1500 и ранено около 5000 человек. Но важна была не только пролитая в большом количестве, в центре столицы, невинная кровь, а и поистине подлый, провокационный характер действий власти. 6 января было решено, что царь уедет из Петербурга, об этом будет сообщено рабочим, и шествие не состоится. Царь уехал, но населению об этом не сообщили — напротив, над Зимним дворцом 9 января развевался царский штандарт, означавший, что царь во дворце. Войскам выдали боевые патроны по максимальной норме боевых действий — и неизвестно, кто и когда принял решение о такой беспрецедентной мере.

На какое-то время крестьян обнадежила I Дума: партия кадетов, чтобы предотвратить революцию, пыталась поставить вопрос о земле — и Думу через 72 дня, в июле 1906 г., разогнали. Были попытки восстаний в армии и на флоте, их подавили. Когда расстреливали матросов в Кронштадте и они копали себе мо-

гилы, комендант генерал Адлерберг издевался: «Копайте, ребята, копайте! Вы хотели земли, так вот вам земля, а волю найдете на небесах». После расстрела могилы сравнивали с землей, и по ним парадным маршем прошли войска и прогнали арестованных.

Исключительно подло и злобно повела себя после поражения революции 1905-1907 гг. буржуазия — как будто она вообще не думала о будущем. Сразу на 10-50% были понижены расценки зарплаты рабочих и увеличен рабочий день — по всей России. На многих заводах он стал 12-13 часов. Была вновь введена отмененная в 1905 г. система штрафов. Вот сообщения профсоюзов (опубликованы в газете «Пролетарий», 1908, № 39): «Штрафуют за случайный выход на лестницу, за питье чаю в 5 часов, за переход из одной мастерской в другую и даже за долгое пребывание в ватер-клозете (фабрика Хаймовича в Санкт-Петербурге). Штрафуют за мытье рук за 5 минут до гудка, за курению табаку от 1 до 2 руб. (Кабельный завод). Штрафуют за ожог, причиненный самому себе (Трубочный завод). Штрафуют за «дерзость», за «грубость», и штрафы превышают часто двухдневный заработок». 10 мая 1907 г. Департамент полиции издал циркуляр, ставящий профсоюзы практически в полную зависимость от хозяев и властей (например, в Москве по ходатайству городского головы Н.Гучкова были закрыты профсоюзы металлистов, коммунальных работников, текстильщиков, типографов, булочников).

И все это сопровождалось глумлением. Директор Невского завода так сказал пришедшей к нему на переговоры делегации рабочих: «Господа, ведь вы же — марксисты и стоите на точке зрения классовой борьбы. Вы должны поэтому знать, что раньше сила была на вашей стороне, и вы нас жали, теперь сила в наших руках, и нам незачем церемониться».

Столыпин ввел военно-окружные и военно-полевые суды, даже запретив в них участие юристов. Суд был «скорострельным», а потом широко стали использовать виселицу. Ежедневно газеты сообщали о казнях. Это сломало в общественном сознании России очень важный стереотип и запустило спираль насилия. Поклонникам Столыпина надо помнить, что только военно-окружными судами за 1906-1909 гг. было приговорено к смертной казни 6193 человека (из них повешены 2694 человека), военно-полевыми — более тысячи, да без суда и следствия по распоряжениям генерал-губернаторов расстреляно 1172 человека. На каторгу были отправлены десятки тысяч человек (т.к. политические выступления крестьян проводили на судах как уголовные, точное число вычленишь из 66 тысяч приговоренных к каторге трудно). Вот какими средствами велась «реформа сверху».

Толстой в статье «Не могу молчать», которая всколыхнула весь мир, отозвался на повешение 20 крестьян в Херсонской губернии. Он ужасался — до чего дошла Россия, еще в 80-х годах прошлого века на Россию был всего один палач, и по всей стране не смогли найти на эту должность второго. За 80 лет после 1825 г. в России казнили в среднем 9 человек в год.

«Теперь не то, — пишет Толстой в 1908 г. — В Москве торговец-лавочник, расстроив свои дела, предложил свои услуги для исполнения убийств, совершаемых правительством, и, получая по 100 рублей с повешенного, в короткое время так поправил свои дела, что скоро перестал нуждаться в этом побочном промысле, и теперь ведет по-прежнему торговлю».

Смысл реформы Столыпина был в превращении сословия крестьян — базы сословного общества России — в два враждующих класса, сельскую буржуазию и сельский пролетариат. Иными словами, предполагалось

через «реформу сверху» преобразовать за кратчайший срок традиционное общество в современное, западного типа. Это — несравненно более глубокое потрясение, чем, например, преобразование традиционного общества царской России в традиционное общество советского типа. Судя по всему, сам Столыпин неадекватно оценивал силу традиционного общества и те разрушения, которые понадобятся для его «инженерной» трансформации.

Разрушительная идея программы Столыпина пугала даже либералов — поборников модернизации по западному типу. Е.Н.Трубецкой писал в 1906 г., что Столыпин, «содействуя образованию мелкой частной собственности, вкрапленной в общинные владения,.. ставит крестьянское хозяйство в совершенно невозможные условия». Он предвидел, что в политическом плане это ведет «к возбуждению одной части крестьянского населения против другой». Он предлагал не поддерживать реформу именно из-за того, что она вызовет «раздор и междуусобье в крестьянской среде».

Об опасном озлоблении крестьян в ходе реформы писали и те, кто был непосредственно связан с переселенческой программой Столыпина. Вот брошюра «Правда о переселенческом деле» (С.-Пб., 1913). Автор ее — статский советник А.И.Комаров, прослуживший 27 лет в Сибири в лесном ведомстве. Он вышел в отставку, потому что не вынес «такого государственного расхищения или, вернее, разгрома сибирских земель и лесов, пред которым бывшее когда-то расхищение башкирских земель — сущие пустяки». Этот чиновник — противник революции, социал-демократов и эсеров. Именно поэтому он и предупреждает в своей брошюре об «обратных переселенцах», которых в 1911 г. возвращалось в европейскую Россию в количестве 60% от тех, кто переселялся в Сибирь: «Возвращается элемент

такого пошиба, которому в будущей революции, если таковая будет, предстоит сыграть страшную роль... Возвращается не тот, что всю жизнь был батраком, возвращается недавний хозяин, тот, кто никогда и помыслить не мог о том, что он и земля могут существовать раздельно, и этот человек, справедливо обьятый кровной обидой за то, что его не сумели устроить, а сумели лишь разорить, — этот человек ужасен для всякого государственного строя». Это место процитировал Ленин в речи «К вопросу об аграрной политике современного правительства», которую должен был зачитать в Думе большевик-депутат (ему дали зачитать около половины текста речи).

Положение ухудшалось тем, что программу радикальной модернизации Столыпин начал на волне деградации верховной власти. Эта деградация носила явно регрессивный, *антимодернизационный* характер — в настроениях высших кругов, при дворе, господствовали суеверия, мистицизм, антиинтеллектуальные течения (Распутин — лишь наиболее одиозное проявление этого).

Регрессивной для России стала политика в области образования (см. А.Е.Иванов. Университетская политика царского правительства накануне революции 1905-1907 годов. — Отечественная история, 1995, № 6). Даже то, что в ней шло с Запада, в силу несоответствия русской культуре приобретало черты архаизации. Николай II был одержим идеей учредить в России типичную школу «двух коридоров», что было одной из причин крайней неприязни к нему со стороны интеллигенции. В своих заметках «Мысли, подлежащие обсуждению в Государственном совете» он пишет: «Средняя школа получит двоякое назначение: меньшая часть сохранит значение приготовительной школы для университетов, большая часть получит значение школ с законченным

курсом образования для поступления на службу и на разные отрасли труда». Царь к тому же был одержим идеей уменьшить число студентов и считал, что такая реформа школы сократит прием в университеты.

Николай II требовал сокращения числа «классических» гимназий — как раз той школы, что давала образование «университетского типа». Он видел в этом средство «селекции» школьников, а потом и студентов, по сословному и материальному признакам — как залог политической благонадежности. Министр просвещения Г.Э.Зенгер в 1902 г. с большим трудом отговорил царя от приведения числа гимназий в соответствие с числом студентов в университетах, приведя как довод, что «недовольство достигло бы больших пределов». Царь был противником допуска в университеты выпускников реальных училищ, более демократических по составу, чем гимназии. Когда А.Н.Куропаткин подал предложение принимать «реалистов» на физико-математические факультеты как лучше подготовленных по этим предметам, нежели гимназисты, царь ответил отказом.

Конфликт с интеллигенцией, которая по мере ослабления официальной религиозности народа играла все более важную роль в легитимации (или подрыве легитимности) власти, после 1906 г. стал быстро углубляться. Во время студенческих волнений в конце 1910 г. Столыпин не только не обращал внимания на остатки университетской автономии, но и пытался обязать профессуру сотрудничать с полицией. Таким образом, он нанес тяжелый удар по «кадетскому» университету. Подали в отставку со своих постов ректор и проректор Московского университета, а их вообще уволили с должности профессора. В знак солидарности в отставку подали 130 профессоров и преподава-

телей, включая К.А.Тимирязева, В.И.Вернадского, П.Н.Лебедева, С.А.Чаплыгина.

Под «колпаком» охраны был едва ли не весь преподавательский состав университетов. В деле «О проф. Московского университета И.М.Сеченове» (1898) сказано: «Из секретных сведений особого отдела Департамента полиции усматривается, что в 1872 г. масса слушателей посещала лекции Сеченова и Боткина, которых вследствие этого Правительство изволило удалить из Медицинской академии, т.е. от того, что они своими лекциями приобрели большую популярность между студентами».

Поразительно, что во время перестройки Столыпин стал кумиром той самой части интеллигенции, которая больше всего говорила о нравственности и ненавидела КГБ. Как они могли согласовать это с таким важным наблюдением С.Ю.Витте: «В своем беспутном управлении Столыпин не придерживался никаких принципов, он развратил Россию, окончательно развратил русскую администрацию, совершенно уничтожил самостоятельность суда... Столыпин развратил прессу, развратил многие слои русского общества, наконец, он развратил и уничтожил всякое достоинство Государственной думы, обратив ее в свой департамент» (В.А.Волков, М.В.Куликова. Российская профессура «под колпаком» у власти. — Вопросы истории естествознания и техники. 1994, № 2).

Создание охраны нового типа, безнравственность которой еще больше подрывала авторитет государства, бумерангом ударило по государству. Именно Столыпин организовал провокацию, которая привела к разгону II Государственной думы 3 июня 1907 г. Охранка, скорее всего, подбросила одному депутату от социал-демократов «наказ» солдатам столичного гарнизона с призывом к вооруженному восстанию, затем устроила

обыск и этот «наказ» обнаружила. 1 июня Столыпин потребовал от Думы разрешения на арест депутатов социал-демократов, но Дума даже не успела этот вопрос рассмотреть и отказать или согласиться с требованием, как ее распустили указом царя. Это вошло в историю как «переворот 3 июня».

Охранка пошла на абсолютно недопустимое, особенно в традиционном обществе, предоставление «лицензии на политическое насилие» против оппозиции. Размывание абсолютной монополии на легитимное насилие — начало гибели государства. Один из политических руководителей охраны П.И.Рачковский, по свидетельству многих историков (а главное, по сложившемуся тогда в обществе мнению), санкционировал политические убийства оппозиционных деятелей неформалами уголовного типа, которые рядились в «черносотенцев».

В России была учреждена перлюстрация писем — вскрытие писем на почте и их изучение в департаменте полиции. Страна жила в атмосфере тотального сыска (просматривалась даже почта министров и великих князей). Кадет В.А.Маклаков, выступая в Думе, говорил в 1909 г.: «Правительство в плену у охранников... У него [охранного отделения] политика определенная: раздражать общество, возмущать общество, бороться с обществом, наконец, как венец всего этого, поддерживать атмосферу беззакония и произвола». К февралю 1917 г. только в московском охранном отделении имелась картотека на 300 тысяч политически неблагонадежных.

По распоряжению Столыпина в 1910 г. был образован секретный агентурный отдел, который курировал провокаторов. Возникла, как говорят, целая русская школа провокации. Денег на это не жалели, провокатор Р.В.Малиновский, член ЦК партии большевиков,

имел жалование 700 руб. в месяц (жалование губернатора составляло 500 руб.). Провокатор в партии эсеров Н.Ю.Татаров только за 7-8 месяцев его службы с марта 1905 г. получил 16100 руб. (платежные документы были обнаружены в 1917 г.). Писатель М.А.Осоргин, разбиравший после Февраля архивы охранки, сообщает о курьезном случае: случайно встретились и заспорили два большевика-подпольщика, принадлежавшие к разным течениям в партии. Оба написали отчет в охранку о разговоре и о собеседнике — оба были провокаторами. А в партии всего-то было 10 тыс. человек на всю Россию!

Много написано про деятельность провокатора Е.Ф.Азефа, *осведомителя* полиции с 1893 г. Но при Столыпине он стал *провокатором* — планировал и осуществлял террористические акты на крупных сановников и министров и в то же время выдавал охранке весь состав боевой организации эсеров. Тот факт, что разоблаченному Азефу руководители эсеров Чернов и Савинков после допроса разрешили удалиться, трудно объяснить, если не считать и их связанными какими-то тайными договоренностями. В прессе в то время ставился вопрос, кого же Азеф предавал больше и чаще: охранку — эсеровской партии или террористов — охранке. У директора Департамента полиции А.А.Лопухина, например, сложилось убеждение, что гораздо больше урона Азеф нанес полиции. П. А. Столыпин, напротив, категорически отстаивал версию о выдающихся заслугах Азефа в деле охраны.

Охранка поддерживала прямую связь с террористами. Начальник Петербургского охранного отделения А.В.Герасимов давал согласие на приезд царя из загородной резиденции в столицу, только получив от Азефа сообщение, что его боевиков в этот день в Петербурге не будет. Для нас здесь важен не Азеф, а поли-

тика Столыпина как самого способного и эффективно-го политика российского государства в тот период. После провала Азефа Столыпину был сделан запрос в Госдуме, поскольку убийство агентами департамента полиции государственных лиц такого масштаба, как министр внутренних дел Плеве и великий князь Сергей Александрович — дело в истории неслыханное и для государства разрушительное.

Убийство министра В.К.Плеве, которое полиция практически не стала расследовать, было своего рода «платой» за надежность такого ценного агента, как Азеф. Эта его «победа» стала для него гарантией безопасности в среде эсеров. В сентябре 1905 г. Л.П.Меньшиков, один из наиболее опытных (с 1887 г.) служащих политической полиции, но тайно убежденный революционер, передал в ЦК партии эсеров письмо, разоблачающее с неопровержимыми подробностями двух главных агентов охранки — Азефа и Н.Ю.Татарова. Но так был велик авторитет Азефа после покушения на Плеве и настолько эсеры не могли поверить в такую аморальность полиции, что Азеф смог свалить всю вину на Татарова и добился, чтобы его казнили.

На слушаниях по делу Азефа в Госдуме были, например, такие выступления депутатов: «В Твери окружной суд судит за убийство агента губернского жандармского управления, и подсудимый оказывается агентом охранного отделения. В Екатеринославе обливают серной кислотой помощника полицейского надзирателя. Подсудимый заявляет, что служил в охранном отделении по специальности провокатора. В Гродно судебная палата разбирает дело об организации социалистов-революционеров, и главным организатором группы, создавшей целый план террористических действий, оказывается агент охранного отделения. В Киеве окружной суд рассматривает дело об экспроприа-

ции, и начальник сыскной полиции сообщает, что руководил экспроприацией отдел сыскного отделения...»

Для многих читателей сегодня, похоже, непонятно, почему раскрытие провокатора Азефа и последующее обсуждение нанесло такой тяжелый удар по всей государственности России. В этом непонимании — признак некоторой культурной деградации. Надо сделать усилие и понять, что тогда, в 1908 г., очень многие в России поняли, что монархическая государственность обречена, что она попала в порочный круг, из которого не видно выхода — сам ее организм стал взращивать провокацию и требовать все больших и больших ее доз. Провокация как защитник государства неминуемо становится и его убийцей (после убийства Столыпина отмечали, что оно было организовано по тем самым канонам, которые и вырабатывал Столыпин, — связкой «провокатор-охранка»).

В 1991 г. в Москве вышла важная книга выдающегося русского историка-эмигранта Б.И.Николаевского «История одного предателя. Террористы и политическая полиция» (М.: Высшая школа). Автор ее работал в 1917 г. в комиссии по изучению деятельности охраны и с тех пор собирал документы о провокаторах. В Гуверовском институте в Стэнфорде хранится огромная коллекция собранных им документов — более 250 фондов. Книгу об Азефе он закончил в 1931 г., и с тех пор этот классический труд регулярно переиздается за рубежом. Он считал, что без понимания дела Азефа нельзя понять многого в истории русской революции. Книга эта, действительно, исключительно много дает для понимания сути многих событий. Поразительно, что эта книга, изданная тиражом 280 000 экз., осталась почти неизвестной читателю и сейчас раздается бесплатно, как макулатура.

Дело Азефа потрясло российское общество тем, что оно показало, как далеко зашло в России развитие системы провокаций, образно говоря, «раковой опухоли государства». Один депутат в Госдуме сказал на слушаниях: «Нет ни одного уголовного процесса на политической почве, в котором не присутствовал бы и не играл бы своей роли провокатор. Провокация Азефа отличается от других только тем, что она более красочна и по составу убивающих, и по составу лиц убиваемых. Но она решительно по принципу ничем не отличается от всех обыкновенных политических провокаций, которые есть альфа и омега нашего политического управления».

Горький, которому о деле Азефа сообщила Е.П.Пешкова, писал 15 января 1909 г.: «Письмо твое — точно камень в лоб, у меня даже ноги затряслись и такая тоска, такая злоба охватила — невыразимо словами, впечатление оглушающее». Тем более можно понять, как был деморализован делом Азефа сам государственный аппарат. Новые провокации только запутывали дело, и в высших кругах раздавались требования о предании военному суду то одного, то другого руководителя политической полиции, которых приходилось защищать лично Столыпину. Б.И.Николаевский пишет: «Уже сама возможность разговоров на эту тему достаточно ясно говорит о том, какая обстановка создалась после дела Азефа на верхах политической полиции. Полное разложение, полное недоверие ко всем на этих верхах — с одной стороны; глубочайшая дискредитация во всем мире — с другой, — такова была месть Азефа-провокатора той системе, которая создала возможность его появления на свет божий».

Из возникшего порочного круга правительство и лично Столыпин нашли, пожалуй, худший выход — они встали на защиту Азефа. «В свое время, в дни после

разоблачения Азефа, — пишет Б.И.Николаевский — всех поразило определение роли последнего, данное в первом правительственном сообщении по этому делу: как известно, тогда он был назван «сотрудником правительства». Все были уверены, что это только злополучная обмолвка составителя сообщения, который «агента полиции» назвал небывалым титулом сотрудника правительства». Но далее автор объясняет, что это выражение «по существу, несомненно, более точно отвечало действительной роли Азефа за последние годы его работы на полицию, чем стереотипное название «агент полиции».

Здесь есть важная для нас сегодня сторона. Азеф — провокатор-предприниматель, фигура новая и немыслимая в культуре традиционного общества. Включение такой фигуры в систему власти идеократического монархического государства неминуемо вело к его коррозии. Азеф строил всю свою работу на принципе максимизации чисто материальной, денежной выгоды — с помощью полиции он добился возможности распоряжаться очень большими средствами кассы Боевой организации эсеров, а затем, шантажируя полицию угрозой терроризма, все время требовал повышения заработка. А по своим убеждениям он вовсе не был ни революционером, ни эсером, он был большой поклонник реформы Столыпина.

Начальник Петербургского Охранного отделения и прямой руководитель Азефа в 1906-1909 гг. А.В.Герасимов пишет в важной книге воспоминаний «На лезвии с террористами» (Париж, 1985): «По своим убеждениям Азеф был очень умеренным человеком — не левее умеренного либерала. Он всегда резко, иногда даже с нескрываемым раздражением, отзывался о насильственных, революционных методах действия. Вначале я его этим заявлениям не вполне доверял. Но затем

убедился, что они отвечают его действительным взглядам. Он был решительным врагом революции и признавал только реформы, да и то проводимые с большой постепенностью. Почти с восхищением он относился к аграрному законодательству Столыпина и нередко говорил, что главное зло России в отсутствии крестьян-собственников». Да и Столыпин находил общий язык с Азефом. Через Герасимова он советовался с ним перед разгоном I Государственной думы, а затем и относительно планов аграрной реформы.

Полезно сделать маленькое отступление и сказать несколько слов о «деле Лопухина» — не таком уж важном, но красноречивом (см. Б.П.Балуев. Дело Лопухина — «Вопросы истории», 1996, № 1.). Кадетская «Речь» писала: «Заключение в тюрьму лица, которое еще недавно занимало столь ответственный и столь политический пост, как должность высшего руководителя государственной полиции, не имеет за собою precedентов в новейшей русской истории и невольно вызывает ассоциации, связанные с действиями XVIII столетия». 18 января (1 февраля) 1909 г. в Петербурге произошло событие, ошелолившее общественность не только России, но и европейских стран: по обвинению в принадлежности к революционерам был арестован А.А.Лопухин, занимавший с 16 мая 1902 по 4 марта 1905 г. пост директора Департамента полиции.

Кадетская «Речь» писала: «Заключение в тюрьму лица, которое еще недавно занимало столь ответственный и столь политический пост, как должность высшего руководителя государственной полиции, не имеет за собою precedентов в новейшей русской истории и невольно вызывает ассоциации, связанные с действиями XVIII столетия». Другая газета вторила: «Кажется, не было еще случая ни в России, ни в Европе, чтобы в государственной измене обвинялся начальник полиции...

Веет чем-то из времен Бирона, Остермана. Тень Мамлюты встает из гроба... Брр!».

А. А. Лопухин принадлежал к древнему дворянскому роду, к тому же, что и первая жена Петра I — Евдокия Лопухина. Отец его, прокурор Петербургской судебной палаты, был обвинителем по делу В. И. Засулич, не справился и был направлен в Варшаву председателем судебной палаты. К моменту своего назначения директором Департамента полиции Лопухин прослыл как блистательный юрист, прогрессист и либеральный законник.

По его словам, он принял эту должность потому, что предполагались реформы полиции. Сам он желал искоренить провокацию как метод работы полиции, и в этом с ним был согласен тогдашний министр внутренних дел, правый монархист Плеве, который отвергал внедрение провокаторов в революционную среду, считая, что от них больше вреда, чем пользы.

Поводом для ареста Лопухина и предъявления ему обвинения послужило раскрытие им того факта, что руководитель боевой организации эсеров Е. Ф. Азеф с 1893 г., являлся агентом царской охранки. Правые посчитали этот поступок Лопухина «предательством». Лопухин проявил в этом деле большое упорство. Он выдержал борьбу с Азефом и начальником Петербургского Охранного отделения Герасимовым, которые просили его отказаться от своих свидетельств, и даже выехал в Париж, чтобы дать показания представителям ЦК эсеров по делу Азефа.

Вряд ли Лопухин мог предполагать, что он будет привлечен к суду как государственный преступник по инициативе Столыпина — его товарища по Орловской гимназии и даже дальнего родственника. Но дело не в Столыпине. Шурин Лопухина Урусов вспоминает: «На письменном докладе об аресте Лопухина, поданном

министром Столыпиным царю, он, конечно, начертал: «Надеюсь, будет каторга».

«Преступление» Лопухина заключалось в расхождении с той позицией, которую власти заняли по отношению к разоблачению Азефа. В официальном сообщении в связи с арестом Лопухина было заявлено, что он «доставил [эсерам] доказательства против Азефа, известные Лопухину исключительно по прежней службе его в означенной должности, причем упомянутое деяние имело прямым последствием исключение Азефа из партии и прекращение для него возможности предупредить полицию о преступных планах сообщества, ставящих целью совершение террористических актов первостепенной важности».

Суд был типичным фарсом — Лопухину вообще не позволили даже коснуться фактов, изобличающих Азефа в двойной игре. Приговор был — пять лет каторги, с лишением прав, Сенат несколько смягчил наказание — каторга была заменена ссылкой.

Конечно, после увольнения в 1905 г. Лопухин предпринимал недопустимо либеральные действия. В 1906г., он, уже в качестве частного лица, явился на прием к Витте и сообщил, что в полиции под руководством Д.В.Трепова и при участии П.И.Рачковского была создана и действует секретная группа, изготовляющая «провокационные прокламации». Он попросил Витте (а потом и Столыпина) закрыть эту «подпольную» типографию.

Витте потребовал доказательств, и Лопухин принес ему образцы отпечатанных «прокламаций». Но Витте, как сам он признается, не дал делу хода, считая некорректным разглашение служебной тайны. Тогда Лопухин отдал документы Урусову, и тот сообщил об издании провокационных прокламаций на заседании Думы 8 июня 1906 г.

В 1907 г. Лопухин выпустил книгу с критикой жандармско-полицейской системы в России — «Из итогов служебного опыта. Настоящее и будущее русской полиции». Он писал о политической полиции: «Охрана государственной власти в руках корпуса жандармов обращается в борьбу со всем обществом, а в конечном счете приводит к гибели и государственную власть, неприкосновенность которой может быть обеспечена только единением с обществом. Усиливая раскол между государственной властью и народом, она создает революцию. Вот почему деятельность политической полиции представляется не только враждебной народу, но и противогосударственной».

После возвращения из ссылки в 1913 г. Лопухин стал виднейшим юристом в области банковского дела. После Октября он пять лет жил в Москве, затем с разрешения правительства выехал во Францию. Одна эмигрантская газета позже отмечала: «При захвате большевиками в Петербурге банков значительная доля забот и переговоров с новыми господами выпала на долю Лопухина, обнаружившего при этом обычную смелость и присутствие духа».

Что выявило его дело? Лопухин был в умеренной оппозиции к царскому правительству, но его разоблачения показывали обществу, что разложение царизма проникло даже в полицейский аппарат. Даже в условиях чрезвычайных полномочий этот аппарат демонстрировал свое бессилие и стал практиковать аморальный прием — провокацию. А людей, подобных Лопухину, мыслящих своих доброжелателей, самодержавие зачисляло в разряд «предателей». За то, что они указывали на приближающийся революционный взрыв и пытались его предотвратить. Столыпин же, «модернизируя» государство с разрушением присущей ему этики, этот взрыв приближал.

Б.И.Николаевский пишет: «Как ни относиться к деятельности самого Лопухина на посту директора Департамента полиции и как ни расценивать действительные мотивы его перехода в оппозицию, в одном историк должен во всяком случае отдать ему справедливость: он вполне прав, когда называет Столыпина прямым покровителем Азефа».

В верхах государственного аппарата в целом царила обстановка подозрительности. Это немаловажное обстоятельство разбирается в статье Б.В.Ананьича и Р.Ш.Ганелина «Николай II» («Вопросы истории», 1993, №2). После убийства Столыпина, в организации которого, видимо, участвовала охранка, подозрительность лишь усилилась. Министр внутренних дел Д.П.Святополк-Мирский вел свой дневник в форме дневника жены, диктуя ей записи. Кабинет Витте в Петербурге после его смерти был опечатан, а на его даче во Франции агенты охранки произвели обыск в отсутствие хозяев — искали дневники. В 1905-1906 гг. Витте, тогда председатель Совета министров, собрал коллекцию данных ему царем распоряжений в связи с подавлением революции. Когда Витте уходил в отставку, царь потребовал вернуть его записки, о чем Витте упоминает с сожалением — «там потомство прочло бы некоторые рисующие характер государя мысли и суждения».

Царь не ценил преданных России и самодержавию государственных деятелей, даже выдающихся (подобно Столыпину). Из-за болезненно развитого самолюбия он не любил спорить. Как-то он сам признался: «Я всегда во всем со всеми соглашаюсь, а потом делаю по-своему». Генерал А.А.Мосолов, начальник канцелярии Министерства двора в 1900-1917 гг. писал: «Он увольнял лиц, даже долго при нем служивших, с необычайной легкостью. Достаточно было, чтобы нача-

ли клеветать, даже не приводя никаких фактических данных, чтобы он согласился на увольнение такого лица. Царь никогда не стремился сам установить, кто прав, кто виноват, где истина, а где навет... Менее всего склонен был царь защищать кого-нибудь из своих приближенных или устанавливать, вследствие каких мотивов клевета была доведена до его, царя, сведения».

Протопресвитер армии и флота Г.Шавельский, находившийся в ставке при царе в 1916-1917 гг., оставил подробные описания того, как царь проводил свои дни в качестве главнокомандующего. Чтение их оставляет тяжелое чувство. Видно, что революция, причем руками высших военных чинов, была неизбежна. Она и произошла в 1917 г.

КРЕСТЬЯНСКИЙ КОРЕНЬ РОССИИ И КРИЗИС СОВЕТСКОГО СТРОЯ

*Урбанизация и голод на образы:
обездоленные в СССР*

СССР был уничтожен, потерпев поражение в холодной войне. Это была война нового типа, информационно-психологическая, и к ней советская система была не готова. Не обладала наша культура иммунитетом против новых идейных вирусов и не устояла под ударами мощного союза Запада с нашей отечественной либеральной интеллигенцией и преступным миром. Но здесь мы поговорим лишь о том, какую роль сыграло в этом поражении сохранившееся в глубинных слоях сознания наше крестьянское мышление и мироощущение. О том, каким разрушительным оказался конфликт наших крестьянских *архетипов* со *стереотипами* уже городского человека.

В психологической войне, направленной на разрушение общества, какой и была холодная война, важнейшим «условием местности» является *недовольство* населения противника. При этом неважно, какого рода это недовольство — оно может быть совершенно противоположно установкам манипулятора. Например, в ходе перестройки антисоветские идеологи в основном эксплуатировали недовольство людей, вызванное уклонением власти от советских идеалов. Внедрение новых стереотипов (обогащения, аморальности, насилия),

с помощью которых можно было воздействовать на сознание подрастающего поколения, началось позже.

Начнем с очевидного. Главные дефекты любого общественного строя состоят в том, что он не удовлетворяет какие-то фундаментальные потребности значительных частей общества. Если обездоленных людей много и они сильны, проект под их давлением изменяется или, при достижении критического уровня, терпит крах. Давайте разберемся, кто и чем был обездолен в советском проекте. И не будем сразу расставлять оценки: мол, эта потребность разумна и достойна, а та — каприз, а вон та — порок. Сначала надо хладнокровно описать реальность.

Человек живет в двух мирах — в мире *природы* и мире *культуры*. На этот двойственный характер нашей окружающей среды можно посмотреть и под другим углом зрения. Человек живет в двух мирах — мире *вещей* и мире *знаков*. Вещи, созданные как природой, так и самим человеком, — материальный субстрат нашего мира. Мир знаков, обладающий гораздо большим разнообразием, связан с вещами, но сложными, текучими и часто неуловимыми отношениями (например, «не продается вдохновенье, но можно рукопись продать»). Даже такой с детства привычный особый вид знаков, как деньги (возникший как раз чтобы соединять мир вещей и мир знаков), полон тайн. С самого своего возникновения деньги служат предметом споров среди философов, поэтов, королей и нищих. Деньги полны тайн и с древности стали неисчерпаемым источником трюков и манипуляций.

Откуда вырос советский проект и какие потребности в нем считались фундаментальными? Он вырос прежде всего из *крестьянского* мироощущения. Отсюда исходили представления о том, что необходимо человеку, что желательно, а что — лишнее, суeta суeta. В ходе ре-

волюции и разрухи этот проект стал суровым и зауженным. Носители «ненужных» потребностей были перебиты, уехали за рубеж или перевоспитались самой реальностью. На какое-то время в обществе возникло «единство в потребностях».

По мере того как жизнь входила в мирную колею и становилась все более и более городской, узкий набор «признанных» потребностей стал ограничивать, а потом и угнетать часть общества. Для нее Запад стал идеальной, сказочной землей, где именно ее ущемленные потребности уважаются и даже ценятся. О тех потребностях, которые хорошо удовлетворял советский строй, в этот момент никто не думал. Когда ногу жмет ботинок, не думают о том, как хорошо греет пальто.

Начиная с 60-х годов СССР пережил ускоренную форсированную *урбанизацию* — переход к городскому образу жизни. В 1950 г. в СССР в городах жили 71 млн. человек (39% населения), а в 1990 г. — 190 млн. (66%). При этом, в отличие от Запада, следствием ускоренной индустриализации в России и СССР стало появление очень большого числа *новых* городов. В 1990 г. 40,3% всех городов СССР составляли города, созданные после 1945 г. (и 69,3% — созданные после 1917 г.). Города как материальные образования были построены, но становления городской культуры, городского образа жизни произойти еще не могло. Это — медленный процесс изменения культуры. Противоречие между материальной средой обитания и типом культуры обитателей переживалось болезненно и было важной предпосылкой для общего кризиса, который был спровоцирован перестройкой. Взять, например, Набережные Челны. Маленький городок, почти поселок, менее чем за 20 лет вырос в большой город с полумиллионным населением. А вся агломерация городов на нижней Каме, возникшая в 70-80-е годы в типично

сельском районе, имеет население около 1 млн. человек.

Ясно, что сформировать полноценную городскую культурную среду обитания за такое время было невозможно. А значит, миллион человек, вырванных из своей прежней среды, не могли в этой городской агломерации удовлетворить свои насущные, пусть и неосознаваемые, потребности. Это — основание для острого недовольства, особый тип социального кризиса.

Чем же отличается крестьянская жизнь от «городской»? Тем, что она *религиозна*. А значит, земные потребности просты и естественны, зато они дополнены интенсивным «потреблением» духовных образов. Речь идет не столько о церкви, сколько о космическом чувстве, о способности видеть высший смысл во всех проявлениях Природы и человеческих отношений. Пахота, сев, уборка урожая, строительство дома и принятие пищи, рождение и смерть — все имеет у крестьянина литургическое значение (*«пахать — значит молиться»*). Его жизнь полна этим смыслом. Его потребности велики, но они удовлетворяются внешне малыми средствами. Туман над рекой, роса на траве, песня жаворонка — все это наполняет человека ощущением бытия, неосознаваемым счастьем.

Жизнь в большом городе лишает человека множества естественных средств удовлетворения его потребностей. И в то же время создает постоянный стресс из-за того, что городская организация пространства и времени противоречит его природным ритмам. Думаю, стратегической ошибкой была принятая в период индустриализации ориентация на промышленное развитие в крупных городах (мегаполисах). Опора советского строя — село и малые города, их и надо было укреплять и развивать. Видимо, на это не хватало средств,

да и расщеплено было сознание наших марксистов, увлеченных идеей прогресса.

Итак, реальностью жизни большинства граждан в СССР стал стресс, порожденный городской средой обитания. Этот стресс давил, компенсировать его было *жизненной потребностью* человека.

Вот пример. Транспортный стресс вызывает выделение нервных гормонов, порождающих особый, не связанный с голодом аппетит¹. Приехав с работы, человек хочет чего-нибудь пожевать. Не нормально по-есть, чтобы утолить голод, а именно пожевать чего-нибудь аппетитного (это т.н. «синдром кафетерия»). Кажется, мелочь, а на деле — потребность, ее удовлетворение должно быть предусмотрено жизнеустройством. Если же это считается капризом, возникает масса реально обездоленных. Мать, которая говорит сыну, целый час пробывшему в городском транспорте: «Не жуй бутерброд, сядь и съешь тарелку щей», — просто не знает, что ему нужен именно бутерброд, красивый и без питательной ценности. Таких «бутербродов» (в широком смысле слова) советский строй не производил, он предлагал тарелку хороших щей.

¹ Эти гормоны — что-то вроде наркотиков, производимых самим организмом. Они и были открыты, когда исследователи задались вопросом, как морфин (главный компонент опиума) проникает в нервную клетку. Оказалось, что на поверхности клетки есть рецепторы морфина — участки, которые «распознают» молекулу наркотика в токе крови и захватывают ее. Зачем такие рецепторы в нервных клетках млекопитающих? Значит, надо искать что-то «свое», пространственно похожее на морфин. Так открыли первый гормон — *эндорфин* («внутренний морфин»), вещество иной природы, но с похожим действием. Оно, например, выделяется в кровь при болевом шоке в необходимой дозе. Разница с «внешними» наркотиками в том, что к «внутренним» человек не привыкает и наркоманом не становится.

И подобных явлений, неведомых крестьянину (и непонятных нашим старшим поколениям), в городе множество. Вновь подчеркнем, что кроме природных, биологических потребностей, для удовлетворения которых существуют *вещи*, человек нуждается в потреблении *образов*. Эти потребности не менее фундаментальны.

Сложность проблемы возрастает, если вспомнить, что мир вещей и мир знаков перекрываются, разделить их трудно. Многие вещи, вроде бы предназначенные для какой-то «полезной» цели, на самом деле дороги нам как *образы*, знаки, отражающие человеческие отношения. Старая чашка, модное платье, мотоцикл — все это образы, не сводимые к материальным функциям, но они воплощены в вещах. В жизни крестьян потребность в образах в огромной степени удовлетворяется как бы сама собой — связью с природой и людьми, типом труда. В городе эта потребность покрывается производством огромного количества вещей-знаков, «ненужных» вещей. В советское время престарелые идеологи клеймили вдруг вспыхнувший в нашем скромном человеке «вещизм». Стоявшую за ним потребность подавляли средствами государства — и она в конце концов вырвалась из-под гнета уже в уродливой форме.

Как решил (или хотя бы на время смягчил) эту проблему Запад? В целом городское общество Запада стало безрелигиозным, но наполнилось огромным числом фетишей (вещей-образов). Отношения людей приобрели форму отношений вещей и были ими замаскированы. Поскольку речь шла прежде всего об образах, стало возможным наращивать их потребление с относительно малым увеличением материальной основы — пойти по пути создания «виртуальной (несуществующей) реальности».

Важнейшей частью жизни Запада стали *витрины* — вид вещей, которые потреблялись уже только как образы, без покупки их носителей. На Западе подавляющее большинство посетителей крупных универмагов просто ходит, разглядывая витрины, не собираясь ничего покупать. Почти столь же нематериальным, но очень важным стал на Западе искусственно и целенаправленно создаваемый мир *запахов*. Он сильно поражает, когда впервые приезжаешь на Запад, придает особое качество всей городской окружающей среде и сильно действует на настроение. Кстати, пока Запад к этому пониманию не пришел и не создал целую индустрию образов, целых полтора столетия начальной индустриализации рабочие массы создавали себе «виртуальную реальность» сами — беспробудно пили.

Следующим шагом стала современная реклама: образ создавался прямо в пространстве, в эфире. Суть рекламы — вовсе не в информации о реальных товарах, которые человек должен купить. Главное — создание изобилия образов, они и есть «бутерброды». Только кажется, что это — отражение изобилия вещей и возможностей. Реклама — иллюзия, часть той вымышленной («виртуальной») реальности, в которой живет человек Запада.

В перспективе этот путь ведет к опустошению человека, к утрате им связи с миром и другим человеком, к нарушению хода его естественной эволюции. Запад как «пространство фетишей» породил уже особого человека. Возможно, на этом пути Запад зашел в тупик, но временно он ответил на новые потребности человека и «погасил» их изобилием суррогатов. Та культура, которая была создана для производства дешевых и легко потребляемых образов, «овладела массами». Буржуазный порядок завоевал культурную гегемонию. Огромную силу и устойчивость буржуазному обществу

придало и то, что оно нашло универсальную (для его людей!) знаковую систему — *деньги*. Деньги стали таким знаком, который был способен заменить любой образ, представить любой тип отношений. Все — покупается! За деньги можно получить любую вещь-знак, удовлетворить любую потребность.

Как же ответил на потребности нового, городского общества советский проект? Большая часть потребности в образах была объявлена ненужной, а то и порочной. Это четко проявилось уже в 50-е годы, в кампании борьбы со «стилягами». Они возникли в самом зажиточном слое, что позволило объявить их просто исчадием номенклатурной касты. В действительности это был уже симптом грядущего массового социального явления. Никак не ответив на жизненные, хотя и неосознанные, потребности целых поколений молодежи, родившейся и воспитанной в условиях крупного города, советский строй буквально создал своего могильщика — массы *обездоленных*.

В 1989 г. 74% опрошенных интеллигентов сказали, что их убедят в успехе перестройки «прилавки, полные продуктов» (так же ответили 52% опрошенных в среднем, из всех слоев населения). В этом ответе выражена именно потребность в образе, в витрине. Это ответили люди, которые в целом благополучно питались, на столе у них было и мясо, и масло. Им нужны были «витамины»-образы. И сегодня многие из них, уже реально недоедая, не хотят возвращаться в прошлое с его голодом на образы.

Мы здесь не берем проблему во всей ее сложности. Ясно, что нам нельзя скатываться на производство таких образов, что превращают человека в дебила, эксплуатировать секс, насилие, дешевый политический театр, как это делает Запад. Об этом предупреждал уже Достоевский. Но нельзя и экономить на удовле-

творении *широких* духовных запросов. Ясно, что никакая страна не может создать изобилие и достаточное разнообразие образов. Но, понимая проблему, можно обеспечить их импорт так, чтобы он не разрушал нашу цивилизацию — мировой запас образов огромен.

Предпосылки для этой узости советского проекта заключались и в крестьянском мышлении большевиков, и в тех тяжелых четырех десятилетиях, когда человека питали духовные, почти религиозные образы — долга, Родины. Когда я пришел в университет, там даже некоторые преподаватели еще ходили в перешитых гимнастерках и сатиновых шароварах. У них не было потребности в джинсах, но через пять-то лет она возникла. Выход из этого состояния провели плохо. Не была определена сама проблема и ее критические состояния. В конце заговорили о «проблеме досуга», но это не совсем то, да и дальше разговоров дело не пошло. Важной отдушиной был спорт, что-то нащупывали интуитивно (стали делать первые сериалы; уже огромный успех «Семнадцати мгновений весны» должен был насторожить).

Важной причиной было и воздействие на советскую социальную философию материализма, из которого все мысли Маркса о *товарном фетишизме* были, по сути, выкинуты. Остались только грубые выводы — об *эксплуатации*. Хотя, надо признать, Маркс не вполне разработал тему, понять его сложно. Но он хоть видел проблему, предупреждал о ней. Беда советского строя была не в том, что проблему фетишей плохо решали — ее игнорировали, а страдающих людей считали симулянтами и подвергали презрению. Так возникла и двойная мораль, и озлобление (сама-то номенклатура образы потребляла, и люди это видели).

К проблеме *голода на образы* тесно примыкает другая объективная причина неосознанного недовольства

жизнью в городском советском обществе начиная с 60-х годов — избыточная надежность социального уклада, его *детерминированность*. Порождаемая этим скука значительной части населения, особенно молодежи, — оборотная сторона высокой социальной защищенности, важнейшего достоинства советского строя. В СССР все хуже удовлетворялась одна из основных потребностей не только человека, но и животных — потребность в неопределенности, в приключении.

Как биологический вид, человек возник и развился в поиске и охоте. Стремление к «приключению» заложено в нас биологически, как инстинкт, оно было важным фактором эволюции человека. Поэтому любой социальный порядок, не позволяющий ответить на зов этого инстинкта, будет рано или поздно отвергнут. У старших поколений с этим не было проблем — и смертельного риска, и приключений судьба им предоставила сверх меры. А что оставалось, начиная с 60-х годов, всей массе молодежи, которая на своей шкуре не испытала ни войны, ни разрухи? БАМ, водка и преступность? Этого было мало. Риск и борьба возникали при трениях и столкновениях именно с бюрократией, с государством, что и создавало его образ врага и привлекало к этой борьбе.

Нас в перестройке увели от этого вопроса, предложив внешне похожую тему политической свободы. Но речь не о ней, эта свобода — та же кормушка. Ее сколько угодно на Западе — а дети из хороших семей идут в наркоманы или кончают с собой. А стабилен режим Запада потому, что все его жизнеустройство основано на принципе *«война всех против всех»* — конкуренция. Всех людей столкнули между собой, как на ринге, и государство, как полицейский, лишь следит за соблюдением правил войны. Третью населения ввергнута в бедность и в буквальном смысле борется за су-

ществование — никаких иных приключений ей уже не надо. А остальным предложен рискованный лабиринт предпринимательства. Причем он доступен всем и поглощает страсть всех, кто в него входит, а вовсе не только крупных дельцов. Старушка, имеющая десяток акций, потеет от возбуждения, когда узнает по телевизору о панике на бирже. Живущий в каморке и сдающий свою квартиру «домовладелец» волнуется, что жилец съедет, не заплатив за телефон. Разбитые в уличной толчее очки потрясают бюджет среднего человека.

И при этом Запад создал индустрию развлечений в форме «виртуальной войны». Одно из таких захватывающих шоу — политика. Другое — виды спорта, возрождающие гладиаторство, от женских драк на ринге до автогонок с обязательными катастрофами. И побезобиднее — множество телеконкурсов с умопомрачительными выигрышами. Миллионы людей переживают: угадает парень букву или нет? Ведь выигрыш 200 тыс. долларов!

На фоне этих драм и постоянных побед и поражений жизнь советского человека с его гарантированным благосостоянием (даже если бы оно было велико!) превращается в бесцельное существование. Тошно жить, если очки стоят три рубля. Разбили — пошел и купил. Чтобы не было скучно, тебя уже нужно как минимум пырнуть ножом. Но в этой игре у нормального человека не бывает побед, одни поражения — и такая игра проблемы не решает.

Наконец, буржуазное общество создало целую промышленность масс-культуры. Обладая высокими техническими возможностями, она выносит на рынок очень соблазнительный продукт, идеологическое содержание которого целенаправленно принижает человека, делает его мышление инфантильным и сильно повышает восприимчивость к внушению. Трудно найти

более примитивные фильмы, чем серия Стивена Спилберга «Индиана Джонс». Когда этот герой действует в Китае или Индии, эти фильмы кроме того становятся предельно расистскими — даже удивительно, как могут их демонстрировать в современном обществе. Я их видел за границей в междугородных автобусах и, еще не зная, что Спилберг знаменитый режиссер, про себя ругался: скупы автобусные компании, покупают для показа самую дешевую дрянь. Поэтому я был поражен, узнав, что в США два фильма из этой серии держат рекорд выручки за первые шесть дней проката: «Индиана Джонс и храм Страшного суда» дал выручку 42,3 млн. долл. и «Индиана Джонс и последний крестовый поход» 46,9 млн. долл. Хоть и слышали мы о неприяательности американцев, но только руками развести.

Среднему человеку жить при развитом советском социализме стало скучно. И никакого выхода из этой скуки наш проект не предлагал. Более того, он прямо утверждал, что дальше будет еще скучнее. И тут речь идет не об ошибке Суслова или даже Ленина. Тот социализм, что строили большевики, был эффективен как проект людей, *испытывших беду*. Это могла быть беда обездоленных и оскорбленных социальных слоев, беда нации, ощущающей угрозу колонизации, беда разрушенной войной страны. Но проект не отвечал запросам общества благополучного — общества, уже пережившего и *забывшего беду*.

Полезно посмотреть, кто особенно огорчился и особенно радовался краху социализма (речь идет, разумеется, о группах, а не отдельных личностях). Огорчались прежде всего те, кто в СССР ушел от скуки надежной жизни в какого-то рода творчество — но творчество, не нарушавшее стабильности общества и его режима. Таких доступных видов творчества и связан-

ных с ним переживаний и приключений — множество. И доступ к ним имело подавляющее большинство граждан, но только теоретически.

Важнейшее творческое дело — воспитание своих детей. Вроде бы оно всем доступно, но это не так. Любое творчество — труд, и многие родители от него отказываются, сводят все к питанию. И все же, думаю, именно те, кто вложил большой труд в воспитание детей, особенно страдают сегодня. Им не было скучно, а для их творчества были предоставлены условия. Для него не были необходимы ни многопартийность, ни срок сортов колбасы в магазине.

Ошибка советского социализма в том, что он принял как догму убеждение, будто все люди мечтают сделать творческое усилие и будут рады просто предоставлению такой возможности. Эта догма неверна дважды. Во-первых, не все мечтают о творчестве, у многих эти мечты подавлены в детстве — родителями, садиком, школой. Во-вторых, значительная часть тех, кто мечтал, испытали неудачу при первой попытке и не смогли преодолеть психологический барьер, чтобы продолжить. Так и получилось, что основная масса людей не воспользовалась тем, что реально давал социализм. Не то чтобы ее оттеснили — ее «не загнали» теми угрозами, которые на Западе заставляют человека напрягаться.

Стимулирование угрозой — не единственный механизм, заставляющий делать усилия. Более того, этот механизм неизбежно травмирует душу и обедняет жизнь самого успешного человека. Но надо признать как слабость всего проекта советского социализма то, что он оказался неспособным создать иной, не разъединяющий людей механизм их вовлечения в творчество. А значит, сделал неудовлетворенными массу людей. Так в получившей достаток семье с низкой

культурой молодые люди начинают много есть и спать до обеда — они теряют радость жизни, начинают мрачнеть и озлобляться. Именно они и составили широкую «социальную базу» для разрушения СССР. Можно не считать их мотивы уважительными, но ведь речь идет о *страдающей* части общества. Ведь советский строй не дал этой категории людей хотя бы того утешения, которое предусмотрительно дает Запад — потребления. Как можно было запираить таких людей в стране, где нет сорока сортов колбасы! Ведь это же социально взрывоопасный материал.

Другой крупный контингент, который радуется крушению режима, — молодежь, и по вполне естественным причинам. Для нее скука губительна даже биологически. Если она длится слишком долго, то и творчество воспитывать детей становится недоступным — детей нет. Возникает заколдованный круг. Парадоксально, но скоро мы будем наблюдать духовный рост и вспышку творческой активности молодежи, направленную на восстановление социализма, то есть, порожденную опять-таки крушением советского режима.

Конечно, советский строй мог бы продлить свое существование, если бы следовал рецептам Великого Инквизитора из легенды Достоевского. Если бы позволил людям в свободное от работы время грешить (под контролем и с регулярной исповедью) и облегчил распевание детских рок-песенок. Если бы наладил выпуск баночного пива с надписью «завод им. Бадаева» не на русском, а на английском языке, и т.д. Слава богу, что так не случилось — это было бы поражение более фундаментальное.

В будущем, если мы выживем, задача резко облегчается тем, что старый советский проект — мобилизационный социализм — сломан. Не придется решать сложную проблему мягкого выхода из него — нас вы-

рвали из него с кровью. Значит, придется не ломать, а воссоздавать солидарное жизнеустройство в новом виде — зная уже о потребности людей не только в белках и углеводах, но и в витаминах.

Возрождение сословности в позднем советском обществе

Одной из причин общего глухого недовольства, которое было использовано в психологической войне против СССР, стала возродившаяся в советском обществе *сословность*. Против нее оцетинились и крестьянские архетипы, и стереотипы демократического городского сознания.

Известно, что тот «культурный слой» (правильнее сказать, модернизированная часть общества), который был необходим для государственного строительства, восстановления и развития хозяйства после гражданской войны 1918-1921 гг., имел не классовую, а *сословную* природу. Чиновничество, офицерство, интеллигенция и даже торговцы в царской России были сословиями, сохранявшими свою довольно закрытую культуру. Именно их реставрации как замкнутых сословий (особенно бюрократии) чрезвычайно боялся Ленин в последние годы своей деятельности. Он искал, но не нашел противоядия против этого процесса, хотя верно угадывал его опасность для советского строя.

Необходимость форсировать восстановление страны вынудило большевиков пойти даже на искусственное «строительство сословий» (вплоть до метафоры военно-монашеского сословия рыцарства — «партия как орден меченосцев»). Крестьянская анархическая утопия всеобщей коммуны под лозунгом «Вся власть Советам!», очевидно, была несовместима ни с какой

государственностью. Отсутствие гражданского общества не позволяло построить государство и «снизу». Стихия Советов была приведена в дееспособную систему благодаря двум гениальным открытиям. Первое из них — «партия нового типа», которая представляла собой постоянно действующий поместный собор и рыцарский орден одновременно. Второе — «номенклатура», учрежденная в 1923 г., которая соединяла в масштабе страны кадры управления в единую подчиненную центральной власти систему. Это были сословия нового типа, но сословия. В героический период они заполнялись новыми, свежими кадрами, так что поддерживалась высокая социальная мобильность, и замкнутость этих сословий не ощущалась. Но затем произошло то, что М.Вебер называет «институционализацией харизмы» — героические «рыцарские» сословия устоялись и обустроились. Таким мы и помним советское общество 80-х годов.

Мы знаем, что возвращаться в *это* советское общество даже из нынешней страшной действительности значительная часть народа не хочет¹. Два, три, пять лет после слома советского строя еще можно было утешать себя тем, что нас предали, обманули, соблазнили. Но уже нельзя лукавить с самим собой. За Ельцина голосовали потому, что он — препятствие к восстановлению советского строя.

Трудно это признать потому, что непонятно. Ведь большинство населения высоко оценивает советский

¹ Имеется еще неопределимая, но значительная часть тех, кто и хотел бы вернуться в советский строй, однако предвидит на этом пути такие трудности и опасности, что предпочел бы выбраться из нынешней ямы через плавный вираж, а не реставрацию. В совокупности обе эти категории и решают исход выборов, давая около половины голосов. Некоторая фальсификация в пользу власти — не в счет.

строй. Как можно высоко оценивать и не желать в него вернуться? Если вдуматься, противоречия здесь нет. Вот обычная история: разлюбил человек жену, развелся. Он очень высоко ее ценит, перечисляет все достоинства, но вернуться не желает. Раньше любил и был счастлив, а сейчас не может. Что-то в нем изменилось, по-другому стал смотреть на вещи. И ведь мы понимаем этого человека, хотя он порой и не смог бы объяснить, что ему разонравилось в жене. Общество легче поддается изучению, чем душа отдельного человека, давайте думать. Дело очень облегчается тем, что у нас есть две сходных драмы, так что их сравнение — почти исторический эксперимент.

Давайте именно с этой стороны посмотрим на обе наши катастрофы — в 1917 и в 1991 г. Они — урок на будущее и помогают понять нынешний момент. Сравнивая ход событий, который привел к отказу от поддержки существовавшего общественного строя России, я лично прихожу к выводу, что в обоих случаях главным был отказ именно от *сословного* устройства общества. Перерастал его наш народ. Поэтому утрачивала авторитет духовная инстанция, которая оправдывала такое устройство (Церковь, а потом КПСС), а затем лишалось силы и государство. В феврале 1917 г. в отрицании сословного строя соединились две силы, которые между собой были более непримиримыми противниками, нежели каждая по отдельности с сословным строем. Либеральная буржуазия стремилась превратить Россию в классовое гражданское общество западного типа, а крестьяне и рабочие — в солидарную братскую общину, Царство Божье на земле.

В обоих случаях причина отказа от сословности, на мой взгляд, крылась в двух противоположно направленных ускоряющихся процессах: росте самосознания главных сословий и одновременном упадке, духовной

деградации правящего сословия. Когда это противоречие достигало критического уровня, происходил моментальный слом, которого никто не предвидел в такой резкой форме. Дело в том, что на последнем этапе оба взаимосвязанных процесса усиливали друг друга, так что вырождающаяся элита все больше ненавидела именно восходящее сословие и все больше досаждала ему. Возникло то, что в химии называют *автокатализ* — продукты реакции ускоряли саму реакцию, и процесс шел вразнос. При этом «поблажки» правящего слоя народу лишь вызывали его возмущение.

Народные массы России в начале века отвергли капитализм, несущий разделение народа на враждебные классы. Но и сословное деление общества, при котором права и обязанности передаются по наследству и трудно человеку изменить свое положение благодаря собственным усилиям, давно претило людям. Потому такую большую роль в нашей жизни играли *«внесословные»* типы — те, кто ушел в поры общества, вырвался из своей клеточки. Сначала казаки и странники, потом разночинная интеллигенция, студенты и революционеры¹. По мере того, как и казаки, и интеллигенты, и даже революционеры «обустраивались» в сословия, симпатии к ним испарялись.

Наследуемый характер прав и привилегий развращает высшие сословия, происходит дегенерация элиты. Войны и потрясения замедляют этот процесс, взбадривают элиту, а в благополучное время вырождение ускоряется. Выродившееся «дворянство» вызывает у народа уже не просто вражду, а омерзение.

¹ Похожими причинами, думаю, объяснялось и благожелательное отношение к трудовым евреям — они тоже были внесословны (в 1905 г. один волостной сход в Сумском уезде учредил, по сути, республику и избрал для управления комитет из «двенадцати крестьян и двух евреев»; эта власть держалась несколько месяцев).

«Дворянство» же платит народу ненавистью и склоняется к национальной измене. В начале века дворянство, составлявшее 1% населения, владело половиной пахотной земли, отнимало за аренду у крестьян половину урожая и прожирало эти деньги в Париже или проигрывало в Монако. Кончилось тем, что аристократы по уговору с Западом свергли царя, а офицеры-дворяне кинулись служить Западу в «белой армии».

Расцвет русского народа — именно те короткие сроки лет советского строя, когда были сломаны и даже забыты сословные перегородки, и мы стали народом-семьей, народом-общиной. Сын приходского священника Василевский становился маршалом, Королев после рабфака — академиком, Главным конструктором ракет, Гагарин после ремесленного училища — первым космонавтом. Новое «дворянство», номенклатура, честно служило и воевало. Но наступили благополучные 60-е годы, и третье поколение номенклатуры уже сильно отличалось от первых. Оно в массе своей пришло не из рабфаков и глухих деревень, это были дети начальства. Они обрели сословное сознание и научились отделять свои сословные интересы от интересов общества и государства.

С этого момента, кстати, начинается конфликт правящего сословия с официальной идеологией государства. Она всегда накладывает ограничения на аппетиты привилегированного сословия, напоминает о его обязанностях. Так было и в начале века — дворянство было атеистическим. Это особенно красноречиво проявилось в феврале 1917 г. — офицерство практически поголовно было антицерковным. Однако религия была весьма терпима к барству, и открытого конфликта дворянства с церковью не возникло. Иное дело коммунистическая идеология, она была несовместима с сословными интересами верхушки советского общества.

Здесь возникла именно *ненависть*. Уже в 60-е годы у простого человека, случайно попавшего в компанию бюрократов и партработников, крайнее изумление вызывало то удовольствие, с которым они смаковали антисоветские анекдоты. Вслед за осознанием своей ненависти началась упорная работа по разрушению коммунистической идеологии. Все, что ей вредило, находило поддержку, Все, что ее укрепляло (в том числе разумная критика), душилось. Это прекрасно видно хотя бы в кадровой политике. Вполне объяснима и ненависть к Сталину. Он, создатель номенклатурной системы, в то же время применял жестокие методы контроля над нею и ее «взбадривания» — и сам ее ненавидел («каста проклятая»). После 1953 г. люди сталинского типа не имели уже никакого шанса подняться к руководству.

Заметим, что сначала меньшевики, потом Троцкий и еврокоммунисты, а затем и наши вульгарные марксисты выводили свои антисоветские концепции из того, что якобы номенклатура (бюрократия) превратилась в *класс*, владеющий собственностью и потому враждебный трудящимся. Это не соответствует действительности. Классы довольно открыты, статус в них не наследуется (сын-балбес может жить на деньги папы-буржуя, но стать умелым предпринимателем по благу не сможет). Поэтому вырождения классовой элиты не происходит. Еще важнее для нас тот факт, что элита правящего класса является одновременно творцом официальной идеологии и государства. В отличие от сословия, она в принципе не может быть заинтересована в подрыве своей идеологии и государства и служить «пятой колонной» в войне против своей нации. Советская номенклатура не была классом, она была именно *сословием*, которое под конец тяготилось своим государством.

Разумеется, и в дворянстве царской России, и в советской номенклатуре были честные люди, которые любили свою Родину и т.д. Но в период упадка уже не они решали дело, они вообще действовали почти как в подполье. В общем, национальная измена советской номенклатуры была потрясающе единодушной. Было бы очень интересно опубликовать список всех сотрудников аппарата ЦК КПСС последних лет СССР с указанием их нынешней должности и доходов (а также рода занятий их близких родственников).

Омерзение, которое вызывает правящее сословие периода упадка, иррационально и даже неразумно. Черная «Волга» секретаря райкома вызывала злобу, а «мерседес» сопляка-ворюги воспринимается равнодушно, а то и с симпатией. Это именно неразумно, потому что тот секретарь райкома с прагматической точки зрения был все равно лучше ворюги. Но люди не следуют прагматическим расчетам, от секретаря райкома уже пахло изменой, а от шпаны на иномарках — только перегаром. Сейчас взгляды меняются, но уже создано много необратимостей.

Конечно, если бы не холодная война, то советский строй пережил бы болезнь, и был бы найден близкий русской культуре тип демократии. Но СССР уже не мог уцелеть при номенклатуре образца 80-х годов, заключившей союз с Западом. Недовольство трудящихся было глухим, но устойчивым — на нем можно было паразитировать антисоветским идеологам. Не было понятия предупреждение Ленина рабочим — бороться с советским государством, но в то же время беречь его, как зеницу ока. Убийственным выражением недовольства был бунт интеллигенции — «бессмысленный и беспощадный». Историческая вина интеллигенции в том, что она не сделала усилий, чтобы понять, против чего же она бунтует. Она легко приняла лозунги, под-

сунутые ей идеологами самой же номенклатуры. Так интеллигенция начала «целиться в коммунизм, а стрелять в Россию». И до сих пор продолжает стрелять.

Перед нами стоит проблема, которой пока что нет ни в каком другом обществе (лет через сто она встанет и перед Китаем, если он не пойдет по пути оболванивания масс): народ с высоким уровнем образования и культуры, который не рассыпался на индивидов и не принял классового деления, перерос и сословный тип общества. Как его преодолеть? В какой-то мере эта проблема схожа с теми, что столкнулся СССР при выходе из военного коммунизма в 20-е годы и из «мобилизационного социализма» (сталинизма) в 60-е.

Из военного коммунизма вышли через нэп — чрезвычайно сложную и оригинальную программу (об «отступлении» говорилось для упрощения, это был неизведанный путь вперед). А.А.Богданов, взяв как объект изучения военного коммунизма даже не Россию, а более чистый случай — Германию, показал, что это «ублюдочный» хозяйственный уклад потребительского коммунизма как чрезвычайного режима и что социализм не входит в число его «родителей». И главное для нас положение: военный коммунизм, возникнув в чрезвычайных условиях, после исчезновения породивших его условий (окончания войны) сам собой не распадается. Выход из военного коммунизма — особая и сложная задача. В России решить ее было особенно непросто, поскольку очень большую роль играли Советы солдатских депутатов, проникнутые мышлением военного коммунизма. Точно так же сословное устройство советского общества, возникнув, само собой не исчезало с исчезновением породивших его причин. Его надо было «демонтировать», а это было очень непросто.

Даже сегодня видно это противоречие. В среде заметной части патриотов России бытует важная полити-

ческая концепция, вытекающая из идеи сословности. Суть ее в том, что нам не нужна демократия, всякие там выборы и парламенты, а нужна «спасительная и созидательная диктатура». Народу приписывается мечта о сословном обществе, живущем под рукой доброго царя (генсека, патриарха, президента и т.п.). Псевдосословные атрибуты стали в России важной частью политического спектакля.

В какое же государственное устройство можно «упаковать» такой народ, что не желает ни классов, ни сословий? В 1917 г. наш народ сам задал тип власти — Советы, взявшие за образец прямую демократию сельского схода. Но поднять промышленную страну с таким типом власти было невозможно, нужны были «быстродействующие» централизованные механизмы (партия и номенклатура), а с ними возникли и привилегированные сословия. Какой же тип государства у нас возможен и желателен?

Пока что простого и хорошего решения этой проблемы нет, есть только наметки. Все они противоречивы, их надо обсуждать в спокойном и рассудительном разговоре. Сложность в том, что мы не знаем, как выйти из этого заколдованного круга: реформа провалилась, и наше общество не раскололось на классы. Так что «правильной» буржуазной, а затем пролетарской революции нам ждать не приходится. Слава богу, нас не загнали в этот тупик. Если же нам удастся вернуться на путь построения солидарного общества типа советского, то через какое-то время в нем начнет восстанавливаться сословность. История повторится, хотя благодаря полученным урокам можно будет смягчить процесс. Конечно, после окончательного краха реформ страна окажется в таком же положении, как после гражданской войны в 1921 г. Значит, одно-два поколения нового «дворянства» вынуждено будет работать честно и довольствоваться малым.

Октябрьская революция и советское прошлое — такая больная тема, что ее или обходят, или пожинают легкие, но ядовитые плоды охаивания. И ладно бы уж экс-диссиденты или продажные писаки, так нет, даже просвещенный патриот полковник В.Зорькин, герой Конституционного суда. Вот он отмежевывается от тех, кто впал в ностальгию по СССР. Для них, мол, «великая Россия есть непременно интернациональная тоталитарная империя сталинского типа, лишенная всякой национальной самобытности, коснеющая в убогих идеологических догмах, разделенная внутренними «классовыми» противоречиями, страна, медленно, но неуклонно хиреющая под непосильной ношей «добровольной» помощи многочисленным «братским» народам». Так в газете «Завтра» Зорькин дословно повторяет формулу, с помощью которой разваливали СССР, принимая первую Декларацию о суверенитете.

«Новые красные» же сдвигаются к примиряющей формуле — «не все было плохо при советской власти». И начинают вспоминать цену буханки, Гагарина и т.д. И там, и здесь я вижу глубокую, исторического масштаба *бессовестность* — большую, чем у «демократов». Эти признали, что они — сознательные и непримиримые враги советского строя. Сейчас явные, а раньше «солдаты невидимого фронта» холодной войны, которую Запад вел против России, продолжая другими средствами дело недотепы Гитлера. Чего же от них требовать?

Почему же обе формулы бессовестны, а не просто ошибочны? Потому что никто из них — ни Шафаревич, ни Зорькин ни разу не сказали: в какой из критических моментов после февраля 1917 года они в *реальном*

спектре политических сил заняли бы иную позицию, чем та, которая и победила в проекте советского строя? Вот это было бы честно, поскольку тогда их критика этого проекта как якобы худшего из реально возможных была бы сопряжена с личной ответственностью. Пусть бы И.Р.Шафаревич сказал, что он в 1919 году был бы сподвижником генерала Шкуро, которого генерал Деникин послал в рейд — ободрать золото и серебро с иконостасов церквей в центральной России. Или громил бы города и местечки вместе с батькой Махно. Пусть бы он сказал, что это был лучший выбор, чем собирать Россию под красным флагом, что лучше было бы ему потом скитаться по эмиграции, чем заниматься математикой в Академии наук СССР. Если он этого не говорит, то честно было бы оставить 1917-1921 годы в покое. Тогда народ сделал свой выбор после огромного кровавого эксперимента на самом себе, и ревизовать тот выбор сегодня — грех.

Но я здесь хочу сказать о другом. Принижая советский строй и клевета на него, неизбежно принижают (а по сути отвергают) корень России вообще — особенно любимой якобы *царской России*. А главное, своим тупиковым, никуда не ведущим отрицанием они заражают мышление многих людей. Даже не столько своими выводами, сколько типом рассуждений, своим способом мыслить. Наши патриоты-антикоммунисты проклинают Октябрь, исходя из мелочных политических оценок. Разве можно сказать, что они хотят капитализма? Нет, вроде им Чубайс противен. Но и те, кто против чубайсов начала века восстали и восстановили именно суть России как цивилизации, им противны не меньше. Тут — внутреннее противоречие, расщепляющее сознание.

Передо мной лежит сценарий фильма С.Говорухина «Россия, которую мы потеряли». Его тяжело читать, он —

как бы наглядное пособие к мысли Ницше о том, что интеллигенция склонна орудовать фальшивыми гирями. Читаю сценарий, и так неприятно, будто тебя заставляют смотреть что-то неприличное. Обман, против которого зритель, размягченный образами русской старины, будет бессилён, — это же запрещено совестью художника. И все для того, чтобы сказать о советском строе: «Господи, кто же придумал этот строй, которому чуждо проявление сострадания к ближнему!». Но это — политика, Говорухин выполняет контракт, работал и работает на добивание советского строя. Да я и не о Говорухине. Он — натура художественная, живет чувствами и инстинктами (особенно инстинктом выгоды). Но о методе его говорить необходимо.

Дело в том, что метод, примененный С.Говорухиным, «работает» именно против России как цивилизации вообще, а вовсе не только против советского периода. Что остается от сценария, если «отжать» из него лирику про доброго Николая II, больного царевича, злых революционеров и примеси еврейской крови у Ленина? Что сказано о сущности России? Как объяснена революция?

В осадке — доводы от желудка, от потребления. Смотрите, какую Россию мы потеряли: «икра — 3 руб. 40 коп. фунт, водка — 13 руб. ведро. Слесарь получал 74 руб. в месяц, профессиональный рабочий — 344 руб.». Мол, даже слесарь (это у Говорухина что-то вроде рабочего-любителя?) мог в месяц пять ведер водки выпить и кило икры съесть, а уж рабочий-профессионал — вообще водкой заливаться.

Для тонкого интеллигента — вещи деликатнее. Дается описание витрины Елисеевского магазина: «Жирные остендские устрицы, фигурно разложенные на слое снега, огромные красные омары и лангусты». И тут же — крик боли за поруганную большевиками ро-

дину, лишенную омаров: «Ну, хватит, наверное. Похоже на издевательство над нашим человеком». Непонятно, правда, чем же плох Чубайс — ведь при нем опять повезли в Москву жирных устриц.

Какой же вывод делает сценарист из списка цен и доходов? Что Россия в целом была благополучным обществом, а втянувшиеся в революцию рабочие, которые на свою зарплату могли зажрать (мясо — 15 коп. фунт), взбесились с жиру.

Взвесим реальность более верными гирями. Мясо было по 15 коп., но 40% призывников впервые пробовали мясо в армии. Хлеб — по 3 коп. фунт. С.Говорухин свои данные для фильма взял из вышедшей в Париже книги о России какого-то Эдмона Тэри. Он о Льве Толстом не слышал? Почему же, как писал Л.Толстой, в России голод наступает не когда хлеб не уродился, а когда не уродилась лебеда? Хотя бы потому, что скудно протопить избу обходилось крестьянину в 20 рублей, а денег у него не было. Вот объехал Толстой четыре черноземных уезда Тульской губернии, обошел почти все дворы:

«Употребляемый почти всеми хлеб с лебедой, — с $\frac{1}{3}$ и у некоторых с $\frac{1}{2}$ лебеды, — хлеб черный, чернильной черноты, тяжелый и горький; хлеб этот едят все, — и дети, и беременные, и кормящие женщины, и больные... Чем дальше в глубь Богородицкого уезда и ближе к Ефремовскому, тем положение хуже и хуже... Хлеб почти у всех с лебедой. Лебеда здесь невызревшая, зеленая. Того белого ядрышка, которое обыкновенно бывает в ней, нет совсем, и потому она несъедобна. Хлеб с лебедой нельзя есть один. Если наестся натошак одного хлеба, то вырвет. От кваса же, сделанного на муке с лебедой, люди шалеют. Здесь бедные дворы доедали уже последнее в сентябре. Но и это не худшие деревни. Вот большая деревня Ефре-

мовского уезда. Из 70-ти дворов есть 10, которые кормятся еще своим».

Каков же главный вывод Толстого? В том, что причина — *неправильное устройство жизни*. «Всегда и в урожайные годы бабы ходили и ходят по лесам украдкой, под угрозами побоев или острога, таскать топливо, чтобы согреть своих холодных детей, и собирали и собирают от бедняков кусочки, чтобы прокормить своих заброшенных, умирающих без пищи детей. Всегда это было! И причиной этого не один нынешний неурожайный год, только нынешний год все это ярче выступает перед нами, как старая картина, покрытая лаком. Мы среди этого живем!».

Вот именно отсюда жирные остендские устрицы, и в этом — суть той больной России, о которой мечтает С.Говорухин. И Толстой, как зеркало русской революции, так прямо и сказал: «Народ голоден оттого, что мы слишком сыты». И суть России в том, что это сказал и объяснил великий писатель, граф. А профессиональные рабочие, которые на месячную зарплату могли купить по тонне мяса, его поняли и устроили революцию. Они посчитали, что эта жизнь — против совести. А Говорухину именно это в русских рабочих и не нравится, а нравятся омары.

Толстой же и объясняет, почему русским нельзя жить, высасывая соки из большинства народа: «Нам, русским, это должно быть особенно понятно. Могут не видеть этого промышленные, торговые народы, кормящиеся колониями, как англичане. Благосостояние богатых классов таких народов не находится в прямой зависимости от положения их рабочих. Но наша связь с народом так непосредственна, так очевидно то, что наше богатство обуславливается его бедностью, или его бедность нашим богатством, что нам нельзя не видеть, отчего он беден и голоден».

На мой взгляд, драгоценность России — обе ее ипостаси. Одна — долготерпенье крестьянина, который три века тянул лямку и относился к барину, как к избалованному ребенку, вот он подрастет и одумается. Другая — гордость и решимость в тот момент, когда стало ясно: не одумается, а окончательно впадет в свинство. И эта ответственность за всех, включая грешного барина, проявилась ведь не в среде обиженных и обездоленных. И это для Говорухина — отягчающее обстоятельство. А на деле это — достоинство.

Революция, как бы она ни была ужасна, была именно спасением корня России — грубо, жестоко совершенным, почти без помощи культурного слоя (он только науськивал). Потому что дело шло именно к гибели — «сильным» захотелось сделаться как англичане. Давайте же взглянем в зеркало революции.

Я вспомнил про тот фильм Говорухина лишь потому, что логика его прозрачна, на ней легче учиться. Но мы порой, сами того не замечая, следуем по сути той же логике и, выходит, черним в старой России именно то, что в ней прорастало как будущее советское. То, что в ней и было спасено революцией. Я хочу сказать о важной статье в «Советской России» (за 3 апреля 1997 г.) под рубрикой «О классовом подходе к понятию патриотизма».

Ее автор Т.Тасвунин пишет, что частично поддерживает Троцкого в вопросе о крестьянстве: «Я не согласен, что, характеризуя русское дореволюционное крестьянство как бескультурное и примитивное, Троцкий полностью был неправ. У него, конечно, и здесь так и прет наружу его преувеличенная до нелепости революционность (псевдореволюционность), но что крестьянство было в массе своей убогим и забитым, это факт. У наших классиков нередко можно встретить рассуждения об идиотизме крестьянской жизни. Заметьте,

жизни, а не самих крестьян как индивидов. Прimitивны и отстали крестьяне были в силу их условий жизни, а не как дебилы, не в силу генетической примитивности».

Здесь наворочена целая куча сцепленных ложных утверждений и понятий. Неверно называть русских крестьян *индивидами* — это принципиально несовместимые, даже противоположные понятия. Далее: автор специально отмечает, что крестьяне не дебилы и примитивны не генетически — а то бы мы могли этого не заметить. То есть, само по себе предположение о генетической примитивности социальной группы не кажется автору абсурдом, он его не исключает из вариантов объяснения «факта». А между тем это именно абсурд, то представление о человеке (социалдарвинизм), которое нам десять лет навязывают «демократы».

Да, классики марксизма говорили об «идиотизме деревенской жизни», ибо они были вскормлены Вольтером, для которого крестьянин с его общинным мышлением был злейший враг. Из отложенного им духовного яйца вылупился и Троцкий, его революционность ни при чем. Это стоило России большой крови. Давайте хотя бы в «Советской России» определимся. И, наконец, утверждение, что убожество и примитивизм русского крестьянства — факт. Не гипотеза, не убеждение некоего Тасвунина, а просто-напросто факт.

Автор той статьи свой тезис не доказывает — он как бы очевиден. Но это вовсе не так. Он просто поверил классикам, а надо проверять. Какие надежные доводы он мог бы привести? Первый — технология в ее чисто внешнем облике. Да, крестьяне пахали сохой, тракторов почти не было. Но тогда надо назвать «Катюшу» примитивным оружием — пусковую установку сваривали из старых трамвайных рельсов. Почему же немцы за

всю войну не смогли скопировать «Катюшу»? Значит, было что-то еще, кроме примитивных рельсов.

Второй довод — низкий уровень потребления крестьян, тот же хлеб с лебедой. Это и есть мышление Говорухина. Лежат на витрине устрицы — Россия светла и прогрессивна, даже француз в своей книжке это подтвердил. Ест крестьянин хлеб пополам с лебедой — он убог и примитивен. Этот подход — страшное заблуждение. И не только в истории, но и сегодня. Знаток крестьянства А.В.Чаянов сказал: *побеждает тот, кто умеет голодать*. Поэтому никто не смог сломить русского крестьянина и никто не сможет сломить русский народ (если сам он не захочет). Поэтому Запад не смог перемолоть Китай, Индию и Африку. *Культура голода* несравненно выше и тоньше *культуры сытости*. И крестьянские народы ею владеют.

Я был в Индии, там крестьянская беднота «наступала» на города. В роскошных парках на окраинах Дели на газонах спали люди. Женщины тут же варили для детей на костре в консервных банках зерна из мешочков. Они добавляли туда какие-то семена и травы, и от их варева доносился такой тонкий аромат, что хотелось жить с ними и питаться их пищей. Африканцы вместе с несъедобными кукурузными лепешками жуют «чудесную ягоду» — и лепешки кажутся изумительно вкусными. Подлость и жадность угнетателей не смогла превратить миллиарды бедных людей в убогих и примитивных. Такими они становятся лишь в городе, на дне (а многие и в университете).

О русских крестьянах и говорить нечего. Они — гордость человечества. Во всей Западной Европе, даже в Швеции, природа отпустила крестьянам 40 дней на основные полевые работы (пахота, сев, уборка). В России — 25 дней. Казалось, невозможно освоить эти земли хлеборобу. Наш видный историк-аграрий

В.П.Данилов на одном из международных семинаров говорил: «На Калимантане можно заниматься сельским хозяйством и собирать плоды круглый год. В Центральной Европе и в Англии работы на земле продолжаются до конца ноября, а подчас и в декабре, в марте полностью возобновляясь. На большей части территории России они жестко ограничены продолжительностью зимы и заканчиваются к Покрову (день Покрова Богородицы — 14 октября) волей природы. И хорошо, если снова начать их окажется возможным на Егория (день Георгия весеннего — 6 мая). От Егория до Покрова — традиционный сельскохозяйственный год в Центральной России».

Русские крестьяне совершили чудо организации труда и технологии (то есть культуры) — продвинули земледелие в непригодные, по европейским меркам, области. И при этом не озлобились, не озверели. Читаем у того же Толстого: «Бедствие несомненное: хлеб нездоровый, с лебедой, и топиться нечем. Но посмотришь на народ, на его внешний вид, — лица здоровые, веселые, довольные. Все в работе, никого дома».

Да, Толстой писал и «Власть тьмы», высвечивал тяжелые, больные стороны жизни. Но надо же брать все в целом, взвешивать верными гирями. По статьям Толстого можно воспроизвести весь ход событий, через которые довели Россию до революции. И особо он пишет о крестьянстве — сословии, которое составляло 85 процентов народа. Вот, ввели в конце XIX века телесные наказания для крестьян (а уж потом Столыпин приказывал сечь целые деревни поголовно). Толстой объясняет: «В то время как высшие правящие классы так огрубели и нравственно понизились, что ввели в закон сечение и спокойно рассуждают о нем, в крестьянском сословии произошло такое повышение умственного и нравственного уровня, что употребление для

этого сословия телесного наказания представляется людям из этого сословия не только физической, но и нравственной пыткой».

Если взять в целом то, что сказано о русском крестьянстве теми, кто его близко знал, — Тургеневым и Некрасовым, Лесковым и Толстым, сам тезис о его убожестве и примитивности предстанет злобным идеологическим мифом. А если вникнуть в творчество тех, кто сам вышел из крестьянства, — хотя бы Есенина — то вообще непонятно, как мог кто-то в этот миф поверить. А ведь верили и верят. По мне, есть неразрывная связь между отрицанием крестьянской России и ненавистью к России советской. Одно питается другим.

Я — из последнего поколения тех, чьи родители в большинстве своем вышли из крестьян. Мы уйдем, а дети наши останутся с этой ложью, и живого слова им никто не скажет. А может, и Толстого не прочитают.

Не очень-то хорошо ссылаться на личные впечатления, но, думаю, скажу вещи, многим знакомые и близкие. В детстве, два последние года войны, я жил у деда в деревне. Он был казак из Семиречья, но под старость перебрался ближе к Москве. Казаком он был бедным, работал много, но деньги не шли — семеро детей. Жил, по «прогрессивным меркам», убого и примитивно. Изба полна детей, тут же и теленок. Как зима, приезжают знакомые киргизы: «Василий, возьми мальчишку в работники на зиму, а то помрет». Значит, покорми зиму. Так что кроме своих семерых два-три киргизенка. Да еще жеребенок бегаёт за ними, как собака, прыгает на кровать, пытается залезть на печку.

Когда я жил у деда, он с утра до ночи, при коптилке, работал. Кажется, знал все ремесла. И все время со мной разговаривал, советовался, учил. Сейчас, на склоне лет, узнав множество умных людей, я все же прихожу к выводу: мне не довелось больше встретить

человека с таким космическим и историческим чувством, как у дедушки. Когда он со мной говорил, областью его мысли была вся Вселенная, а временем — вся история Руси. Во всяком случае, начиная с Ивана Сусанина все дела касались нас с ним прямо и непосредственно — он не думал о времени, а жил в нем. Думаю, он был человек талантливый, но талант мог лишь придать очарование выражению его мироощущения, но не породить его. Это шло от его крестьянского бытия.

Я вполне осознал себя в крестьянской избе, в эвакуации (до этого в памяти провалы). Хозяин — старик, характер его сложился до революции. Упомяну лишь одну его черту, общую для крестьян: способность многое сказать скупыми словами, но дополнить такими выразительными средствами («знаковыми системами») — голосом, своим видом, что сказанное становится изречением. Мне было три года, к приходу матери с работы я должен был начистить картошки. Старик пригляделся, а когда пришла мать, сказал: «Твой много срезает с картошки». Он сказал так, что у меня и в мыслях не было возмутиться или обидеться. Только желание быстрее научиться. Я полюбил это нехитрое дело, оно меня связывает с образом человека, который меня наставил на путь жизни. Он о мелочи сказал так, будто открыл истину.

Так какими же мерками мы меряем этих людей и ту Россию, которую они не потеряли, а именно сохранили? Давайте проверим наши веса и гири. От этих людей пошла советская власть — то лучшее, что в ней было.

Литература

- В.И.Ленин. Развитие капитализма в России. Соч., 5-е изд., т. 3.
- Ф.Бродель. Структуры повседневности. Материальная цивилизация, экономика, капитализм. XV-XVIII вв. Т. 1. М.: Прогресс, 1986.
- В.В.Крылов. Теория формаций. М.: «Восточная литература», 1997.
- Д.А.Тарасюк. Поземельная собственность пореформенной России. М.: Наука, 1981.
- В.Т.Рязанов. Экономическое развитие России. XIX-XX вв. СПб.: Наука. 1998.
- А.П.Паршев. Почему Россия не Америка. М.: Крымский мост, 2000.
- А.Н.Энгельгардт. Из деревни. 12 писем. 1872-1887. СПб.: Наука, 1999.
- Л.В.Милов. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН. 1998.
- Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. (Сост. Т.Шанин). М.: «Прогресс-Академия», 1992.
- А.В.Чаянов. Крестьянское хозяйство. М.: Экономика. 1989.
- Экономическое развитие России. Выпуск второй: Эпоха финансового капитала. (Сост. Н.Ванаг и С.Томсинский). М.: Государственное издательство. 1928.
- И.В.Островский. П.А.Столыпин и его время. Новосибирск: Наука, 1992.
- В.С.Дякин. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг. Л.: Наука. 1978.
- А.Кустарев. Начало русской революции: версия Макса Вебера. — «Вопросы философии», 1990, № 8
- Ю.Н.Давыдов. Макс Вебер и Россия. — СОЦИС, 1992, № 3.
- С.В.Тютюкин. Июльский политический кризис 1906 г. в России. М. Наука, 1991.

Б.И.Николаевский. История одного предателя. Террористы и политическая полиция. М.: Высшая школа, 1991.

М.М.Пришвин. Дневники. М.: Московский рабочий. 1995-1999.

Fogel R., Engerman S. Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery. N.Y., 1974.

Amin S. El eurocentrismo: Critica de una ideologia. Mexico: Siglo XXI Eds. 1989.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ: КАК ИЗМЕНЯЛИСЬ ВЗГЛЯДЫ ЛЕНИНА

Книга «Развитие капитализма в России» —

веха в движении общественной мысли	5
Евроцентризм и народники	8
Судьба русской крестьянской общины	12
Сравнение капиталистического и крестьянского земледелия	27
Укрепление общины как условие развития капитализма: взгляд из конца XX века	40
О превращении крестьян в пролетариат и буржуазию	44
Трудности понимания крестьянского хозяйства: взгляд А.В.Чаянова	60

Глава 2. О ХАРАКТЕРЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Капитализм и крестьянство: взгляд

классического и современного марксизма	65
Открытость Ленина и догматизм ленинистов	75
Уроки Столыпина	83

Глава 3. ШТРИХИ К СОЦИАЛЬНОМУ ПОРТРЕТУ РОССИИ: КТО ШЕЛ В РЕВОЛЮЦИЮ

Крестьяне	95
Рабочий класс	97
Буржуазия	109
Интеллигенция	112
Дворянство	118
Крестьяне и дворяне	126
Армия	134
	146

<i>Глава 4. УРОК КАДЕТОВ</i>	149
<i>Глава 5. РОССИЙСКИЙ КАПИТАЛИЗМ И ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ</i>	168
<i>Глава 6. ДУХОВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КРАХА МОНАРХИЧЕСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ</i>	183
<i>Глава 7. КРЕСТЬЯНСКИЙ КОРЕНЬ РОССИИ И КРИЗИС СОВЕТСКОГО СТРОЯ</i>	
Урбанизация и голод на образы: обездоленные в СССР	216
Возрождение сословности в позднем советском обществе	230
Лирическое отступление	239
<i>Литература</i>	250

Издательство «Алгоритм»

ЧИТАЙТЕ КНИГИ В СЕРИИ

«История России. Современный взгляд»

Сергей Кара-Мурза

**Манипуляция сознанием.
Советская цивилизация (в двух книгах).
Евреи, диссиденты и еврокоммунизм.
Истмат и проблема Восток — Запад.
Евроцентризм — эдипов комплекс интеллигенции.
Идеология и мать ее наука.
Столыпин — отец русской революции.**

Александр Панарин

**Глобальное политическое прогнозирование.
Искушение глобализмом.
Православная цивилизация.**

Анатолий Уткин

**Первая мировая война.
Вторая мировая война.
Мировой порядок XXI века.**

Адреса магазинов издательства «Алгоритм» в Москве:

м. Полежаевская, пр-т Маршала Жукова, д.10, тел. 191-71-80
м. Коломенская, ул. Судостроительная, д.29, тел. 118-43-33
м. Бабушкинская, ул. Летчика Бабушкина, д.31, тел. 472-53-33

Читайте книги:

Вадим Кожинов

«История Руси и русского Слова». Этой книгой открывается цикл работ автора, посвященных истории России. На основе новейших источников, с присущей автору неординарностью подхода ко многим, казалось бы, известным фактам, в ней прослеживается исторический путь нашего отечества от конца VIII до начала XVI веков.

«Россия. Век XX-й (1901-1939)». Трудность отображения истории XX века обусловлена близостью эпохи, от которой мы еще значительно не отделились. Сам автор назвал свое исследование, только *опытом* к пониманию нашей истории. Однако этот *опыт* по объективности и беспристрастности освещения событий оказался столь удачным, что по праву поставил имя Вадима Кожинова в ряд с Н.М.Карамзиным, С.М.Соловьевым, В.О.Ключевским.

«Россия. Век XX-й (1939-1964)». Данная книга – продолжение предыдущей, но имеющая самостоятельное значение, посвящена исследованию середины недавно минувшего века. Рассматриваемый период разделяется на время войны, послевоенное восьмилетие (до смерти Сталина) и годы хрущевского правления.

«Победы и беды России». Предмет книги – взаимосвязь отечественной истории и культуры, прежде всего литературы – великой русской поэзии и прозы.

Этой работой автора подтверждается, что Россия является духовным центром мировой цивилизации.

«Как пишут стихи». Книга обращена ко всем, кто любит или же хочет полюбить поэзию. Это не теоретическое исследование, не руководство и не учебник, а просто разговор о стихе, о напряженнейшей работе поэта, которую многие понимают чересчур упрощенно.

«Пророк в своем Отечестве (Ф.И.Тютчев)». Великий русский поэт Федор Иванович Тютчев был и незаурядным дипломатом. Его литературное творчество неразрывно связано с политической деятельностью. История России в творчестве Ф.И.Тютчева – одна из главных тем книги, основанной на документах и свидетельствах современников.

Сергей Георгиевич Кара-Мурза

СТОЛЫПИН – ОТЕЦ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Редактор П.С.Ульяшов
Художник В.П.Чечеткин
Набор и верстка А.А.Кувшинников
Выпускающий редактор С.В.Маршков

ООО «Алгоритм – Книга»

Лицензия ИД 00368 от 29.10.99, тел.: 151-55-63

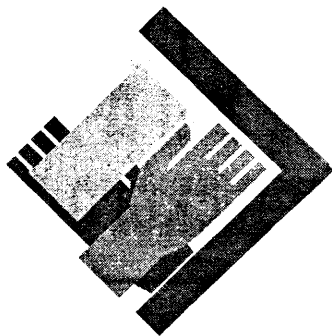
Оптовая торговля: «Столица-Сервис» - 916-1882, Книжный клуб «36.6» -
267-2833, «Крафт» - 186-9378.

Сдано в набор 27.02.02. Подписано в печать 17.03.02.
Формат 84×108/32. Бумага газетная. Гарнитура HelvDL.
Печ. л. 8. Тираж 5000 экз. Заказ № 1863.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ФГУП ордена «Знак Почета» Смоленской областной типографии
им. В. И. Смирнова. 214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.
Тел.: 3-01-60; 3-46-20; 3-46-05.

ISBN 5-9265-0046-8

До сих пор
не утихают споры
относительно
личности
Столыпина.
Особенно сейчас,
век спустя
после его реформ,
когда Россия снова
стоит перед
выбором: быть
или не быть ей
самобытной,
независимой
державой
и не приведет ли
новый передел
земли к очередной
революции.